Кадетская

ПЕРЕКЛИЧКА

№ 29

КАДЕТСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

Периодический журнал Объединения Кадет Российских Кадетских Корпусов зарубежом, Нью-Йорк, США

№ 29 Нью-Йорк Октябрь 1981

"CADETS ROLLCALL"

Periodical Magazine
Published by Association of Russian Cadets graduated outside of Russia, Inc.
New York, USA

Subscription price $ 12.00 USA for three issues
4.00 USA per single copy

Founder
Paul Olferiev

—

Managing Editor
Nicholas W. Koziakin

—

Administrator
V. Glinin
43 Dickson St.
Glen Cove, N. Y.
11542

—

ОГЛАВЛЕНИЕ

Павел Пагануцци.

ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР II (1855 - 1881)

Политическая обстановка в России в период Великих Реформ, приведшая к трагической гибели Царя-Освободителя.

(Историко-критический очерк)

Увижу ль я, друзья, народ неугнетенный,
И рабство падшее по манию Царя,
И над отечеством свободы просвященной
Взойдет ли, наконец, прекрасная заря?

Пушкин.

Наступил 1855 год. Героическая оборона Севастополя и Крымская кампания, окончательно подорвавшая железное здоровье Николая I, подходила к концу. Простудившись и получив воспаление легких в тяжелой форме император слег. Приближался конец: Николай Первый умирал. Умирал так, как 18 лет тому назад советовал умереть Пушкину в своей знаменитой записке: как настоящий христианин.[1]) У царского изголовья бессменно находились государыня Александра Федоровна и его старший сын, наследник-цесаревич Александр. Он все время держал руку умирающего отца. Ослабевшим, но внятным голосом, император сказал сыну:

«Предаю тебе царство...... Не в том порядке, в каком бы хотелось...... Оставляю тебе плоды моих трудов... мои заботы .».

Нагнувшись над умирающим отцом, Александр тихим голосом ответил:

«Молись там за Россию, за меня... И снИспошли мне помощь!».

«Буду молиться..... Обещаю...», услышал он последние слова своего отца

Так умер император и самодержец Всероссийский, которому русская революционная клика и иноземные враги России приклеили кличку «Николая Палкина», «жандарма Европы», исказив настоящий образ Николая I. Между тем, владея огромной страной с многомиллионным населением, этот так называемый «сатрап», за тридцатилетнее царствование, подписал только 26 непомилованных смертных приговоров!

> «Именно в царствование Николая I и проснулось национально-общественное сознание России, давшее миру величайшую русскую культуру, с ее литературой, музыкой, театром, балетом, живописью и наукой».
>
> (Иван Эберштейн).

Ни один из русских царей, да и вообще никто из европейских монархов, не был так заранее подготовлен к его высокому жребию, как это было в случае императора Александра II.

«Родившийся в 1818 году, сын великого князя Николая Павловича, Александр с самых первых дней своей жизни почитался как будущий монарх, ибо он был старшим в своем поколении великим князем. Поэтому и поэт Жуковский приветствовал «милого пришельца на Божий свет», как «прекрасное упование России», и на «высокой чреде» царства желал ему внутренних добродетелей и внешней славы».[2])

Первым воспитателем великого князя был капитан Мердер, человек добрый и умный. С 9-ти летнего возраста руковод-

---

[1]) Большинство западных историков, уже не говоря о советских, стараются представить Николая I как какого-то злого гения Пушкина. На самом деле поэт не долюбливал Александра I, но хорошо относился к Николаю. Ниже мы приводим эпизод с запиской царя к умирающему Пушкину, которого Николай I считал самым умным человеком в России.

После осмотра тяжело раненого Пушкина придворный хирург, доктор Арндт сказал ему: «Я еду к государю, не прикажете ли ему что сказать?». «Скажите, что я умираю и прошу прощения за себя и Дантеса». Ожидая с нетерпением ответа из дворца, Пушкин волновался: «Жду царского слова что-бы умереть спокойно!». Император был в это время в театре. Узнав о случившемся он немедленно отправил фельдегеря к доктору Арндту с запиской для Пушкина сказав, что не ляжет спать, пока не получит ответа.

«Любезный друг, Александр Сергеевич», писал император, «если не суждено нам видется на этом свете, прими мой последний совет: старайся умереть христианином. О жене и детях не беспокойся, я беру их на свое попечение!» Прочтя записку поэт долго сжимал ее в руке и, жестоко страдая от боли, внятно вымолвил: «Скажите государю, жаль, что умираю, весь бы был его!». (Пагануцци, Павел. Два Пушкинских храма. «Православная Русь», Джорданвилль. 1977).

[2]) Платонов, С. Ф. Лекции по Русской Истории. Петроград, 1917, стр. 699.

ство воспитания будущего императора перешло к поэту В. А. Жуковскому, который заранее обдумал и составил план учения. Историк Платонов[3]) писал, что Жуковскому удалось осуществить свою программу учения, но уберечь великого князя Александра Николаевича от влияния тогдашней военной «муштры» он не смог. Верный традициям своего отца и старших братьев, император Николай I считал, что Александр должен быть военным в душе, без чего он будет потерян в нашем веке. Однако влечение к военной «муштре» у Александра II выражалось разве что в наклонности к военной торжественности и парадам.

Со своим мягким и добродушным характером, цесаревич Александр не мог не приклоняться перед логикой сурового и неприклонного ума своего отца. Но Николай I очень любил сына, доверял ему и поручал решать серьезные государственные дела. Таким образом вступив на престол, после смерти отца, Александр II был посвящен во все тонкости управления гигантской империей.

Вот какую оценку дал профессор Кизеветтер царствованию Александра II:

> «Если искусство править состоит в умении верно определять назревшие потребности эпохи, открывать свободный выход таящимся в обществе жизнеспособным и плодотворным стремлениям, с высоты беспристрастия умиротворять взаимно-враждебные партии силою разумных соглашений, — то нельзя не признать, что император Александр Николаевич верно понял сущность своего призвания в достопамятные 1855-1861 годы своего царствования».[4])

Первые годы на престоле Александр II посвятил ликвидации Восточной войны, а затем перешел к решению главного наболевшего вопроса: к освобождению крестьян от крепостной зависимости. Еще при жизни своего отца вел. князь Александр Николаевич пожелал, в 1847 году возглавить комиссию, расследовавшую притеснения крестьян помещиками. По переписи 1858 года крепостное крестьянство составляло

---

[3]) Известный русский историк, проф. Платонов, рассматривался большевиками, как человек монархических убеждений. Все попытки сломать его и принудить на сотрудничество не привели к желанным результатам. Платонова сослали в Казань, лишив продовольственных карточек, и он умер там от голода.

[4]) Крупный историк, либерал по взглядам, проф. Кизеветтер, очень ценимый профессором Платоновым, ушел в изгнание, жил и работал в Праге, где и умер.

всего лишь 37,7 % всего населения Российской Империи. Кроме того половина из них была прикреплена к государственным землям и пользовалась довольно широкой свободой.

В начале 1861 года Александр II открыл заседание Государственного Совета по крестьянскому вопросу и в «замечательной по твердости и силе речи»[5]) указал совету, что уничтожение крепостного права является его прямой волей. В годовщину вступления на престол государь подписал свой знаменитый манифест «Положение о крестьянах вышедших из крепостной зависимости», начинающийся следующим образом:

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ НАШИМЪ вѣрноподданнымъ.

Заканчивается манифест знаменитой фразой, памятной многим из нас еще со школьной скамьи:

Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ НАМИ Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго.

Данъ въ Санктпетербургѣ, въ девятнадцатый день Февраля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ шестьдесятъ первое, Царствованія же НАШЕГО въ седьмое.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

„АЛЕКСАНДРЪ.“

Печатанъ въ Санктпетербургѣ при Святѣйшемъ Сѵнодѣ.

---

5) Платонов, указ. соч., стр. 706.

С падением крепостного права российское дворянство достигшее, как сословие, полного расцвета в 18-ом веке, утратило свою силу и влияние, став только первым «из прочих гражданско-равноправных общественных классов». За отменой крепостного права последовали и другие реформы: судебная, воинской повинности, образования, хозяйственная и другие.

Одним из главных последствий Великих Реформ было умственное брожение радикального политического характера и Россия вступила в период тяжелой внутренней смуты. Платонов охарактеризовал это новое и необыкновенное, для России, явление приблизительно таким образом:

«Преобразование государственного и общественного строя, предпринятое императором Александром II, не имело ввиду изменить в России образ правления и ввести политическое представительство.[7]) Но общественные мечты шли дальше намерений правительства. Чувство новой свободы развило желание идти в этом направлении до крайних пределов. И люди мечтавшие о свободе начали отрицать современный им порядок жизни и ни в чем не признавали себя обязанными».

Некоторые лево-либеральные историки пытались представить террористические акты русских революционеров, как реакцию, своего рода защитную меру против преследований и попыток правительства ущемить уже существующие порядки и далее ограничить свободу. На самом деле все выступления революционеров начались в самый разгар либеральных реформ Александра II. Революционные круги по просту не были удовлетворены этими реформами. Но и к западному буржуазному парламентаризму они были не менее враждебны. Герцен, в своем эмигрантском «Колоколе» заявлял, что положение об отмене крепостного права является обманом, и крестьяне, на самом деле не освобождены от кабалы помещиков.

К шестидесятым годам прошлого столетия, под влиянием западных мыслителей (Гегель, Прудон, Шеллинг, Фейербах, Маркс) появился в России целый ряд идейных течений от славянофилов, западников и почвенников, до нигилистов, на-

---

6) Воспроизведенный текст является светокопией одного из многих оригиналов манифеста, любезно предоставленный нам князем М. Г. Трубецким.

7) В кармане убитого государя нашли набросок первой стадии конституции, которую вскоре должны были обнародовать в «Правительственном Вестнике».

родников, анархистов и марксистов (самых разнообразных фракций).

К эпохе Великих Реформ Западники и Славянофилы стали достоянием истории. Шла, все разгоравшаяся, борьба почвенников с нигилистами и со всеми другими левыми радикальными течениями. Революционное движение в России, после убийства Александра II, достигло полного напряжения. Но победа осталась тогда за исторической царской властью — почвенники победили бунтарей. И этой победе почвенников способствовала вся русская великая художественная литература. Достоевский, Толстой, Гончаров, Писемский, Тургенев, Лесков — все были против переворота...

В 1917 году положение в корне изменилось. В подготовке революции, кроме марксистской интеллигенции, приняла участие и русская художественная литература во главе с красным буревестником Максимом Горьким. Конечно далеко не вся художественная литература в предреволюционные годы разделяла пролетарский романтизм Горького, но вся она была буквально «заряжена» революцией и безнадежностью. Такие художники слова как Бунин (в «Деревне») и Куприн (в «Поединке») давали[8]) мрачные картины русской жизни. Отсутствие правовой, почвенной струи в русской беллетристике знаменовало близость и неизбежность революции.

Среди русских нигилистов особенно был известен и выделялся «оголтелый критик» Д. Писарев, верующий в ранней юности, а потом ставший атеистом. Человек крайне неуравновешенный, пользовавшийся услугами психиатров, он был способен на любую выходку. Кроме остального, Писарев напечатал в подпольной типографии статью, требуя свержения царя и революции, за что и попал в Петропавловскую крепость. Но при царском, «диктаторском режиме», это не помешало ему продолжать писать и далее в том же духе, распространяя подрывную пропаганду по стране.

Подобен Писареву был и учитель Ленина — Н. Чернышевский, материалист, славивший русскую общину, в ожидании социализма, в России Чернышевский является автором посредственного, прославленного левыми, романа «Что делать». В 1850 году Чернышевский как будто бы немного поколебался в своих идеях:

---

[8]) Этой «Деревней» пользуются даже представители «третьей волны», рассуждая об условиях жизни в дореволюционной России. (См. письмо в редакцию «Нового Русского Слова», 2-го апреля, 1981 г.).

«Вот мой образ мысли о России: неодолимое ожидание близкой революции и жажда ее, хотя я знаю, что долго, может быть весьма долго, из этого ничего не выйдет хорошего: что, может быть, надолго только увеличится угнетения и т. д., — что нужды?»[9])

Материалисты подобные Писареву, Плеханову и Чернышевскому, понимая значение и силу духовной красоты, зная, что она стоит на пути их безумных идей, делали все возможное, что-бы как то развенчать эту красоту, а ее ценителей называли примитивными и отсталыми людьми. Отсюда у нигилистов и родился своего рода культ неряшливости в манерах, одежде . . . . .[10])

Чернышевский в 60-70-ые годы прошлого столетия являлся одним из вдохновителей весьма сильного революционного движения в России под названием **народничества**. Главным идеологом движения был Н. Михайловский, а активным членом А. Герцен, чей антиправительственный зарубежный «Колокол», левые усиленно распространяли в России.[11])

Народничество было связано с идеями русской общины, мира, артели и возникло оно без влияния извне, приняв самые разнообразные формы и оттенки. Чернышевский писал: «Русское общинное устройство бесконечно важно для России». Михайловский же считал народничество своего рода религиозной сектой с типичными особенностями сектантов: фанатизмом, искренностью, формализмом и т. д. По Герцену и другим, община в России являлась прототипом будущего социалистического общества.

Интересно отметить, что среди народников было заметно сильное влияние левых радикалов из семинаристов. Немало их находилось и среди террористов кружка Ишутина-Каракозова.

В конце 1861 года вспыхнули студенческие волнения в Москве, Петербурге, Киеве и Казани. В тоже время появились нелегальные революционные прокламации, призывавшие к истреблению «императорской партии» и кровавому террору.

---

[9]) Но не только Чернышевский поколеблется в своем «учении». Вера Засулич (тяжело ранившая Петербургского Градоначальника Ф. Ф. Трепова в 1878 году, и, несмотря на это оправданная царским судом), князь Кропоткин и даже Плеханов, в ужасе отшатнутся от большевиков, да будет уже поздно.

[10]) Нечто весьма подобное, и даже более прогрессирующее, замечается среди современной молодежи на Западе.

[11]) По некоторым сведениям государь просматривал «Колокол», желая познакомиться с целями революционеров.

(«Молодая Россия», «Великоросс», «К молодому поколению»).

Чтобы как то уберечь учащуюся молодожь от революционной пропаганды министерство просвещения решило использовать классические дисциплины. В 1871 году правительство постановило сократить в гимназиях количество уроков по естественной истории, географии, истории и даже русскому языку, сильно расширив преподавание греческого и латинского. Эта мера была неудачной и вредной. Молодежь хлынула учиться заграницу и там попадала прямо в лапы эмигрантов-пропагандистов.

Среди народников крайнюю позицию занял 23-хлетний учитель Сергей Нечаев, которого можно назвать первым большевиком. Он имел довольно большой кружок последователей в студенческих кругах Москвы и Петербурга. Нечаев держал свою шайку в ежовых рукавицах, прибегал к запугиванию. По ложному обвинению в предательстве нечаевцы зверски убили своего товарища-студента. Следствию удалось напасть на след преступников, привлечь к ответственности 150 человек, из которых 87 было предано суду (1871). Главарь Нечаев бежал в Швейцарию, но правительство этой страны сочло его за обыкновенного преступника. Он был арестован в Цюрихе и возвращен в Россию. Нечаева судили, заключили в Петропавловскую крепость, где он и умер в 1882 году.

Нечаев изложил свое политическое революционное кредо в «Катехизисе революционера» и когда читаешь его «перед глазами встает как живая фигура Ленина».[12] Приводим несколько «изречений» из этого «катехизиса»:

> «Революционер презирает всякое доктринерство...... он презирает общественное мнение...... Он презирает и ненавидит общественную нравственность...... Нравственность для него все то, что способствует торжеству революции. Все чувства родства, дружбы, любви, благодарности и даже самой чести должны быть задавлены в нем единою холодной страстью революционного дела......».

Дело Нечаева отразилось в широко известном романе Достоевского «Бесы» и, частично, в неоконченном романе «Ате-

[12]) **Историк Пушкарев.**

изм». Личность Нечаева раздваивается в «Бесах» в образе «князя зла» — Ставрогина и Верховенского.

В процессе «эволюции» русское радикальное студенчество разделилось на две группы. Одни пошли за зрелым и умеренным отставным полковником артиллерии и профессором военной академии, П. Л. Лавровым и стали называться «лавристами» или «пропагандистами». Другие последовали за «апостолом» анархии, эмигрантом М. А. Бакуниным и получили название «бакунистов» или «бунтарей». А в программу Бакунина входило разрушение буквально всех политических, правовых, социальных, экономических и религиозных учреждений во имя революции и всеобщего хаоса.[13])

Лет десять после освобождения крестьян, в семидесятых годах, среди русской левой интеллигенции возникло массовое движение «хождения в народ». Сотни юношей и девушек, оставляя свои занятия в Петербурге, Москве и других больших городах, отправлялись по деревням с целью жить среди простого народа, «служить ему и учить его уму и разуму». Они работали в качестве учителей, сельских торговцев, писарей, акушерок, разносчиков, фельдшеров. Кроме «просветительной работы» народники вели пропаганду, от ненасильственного насаждения социалистических идей, до призыва к бунтам и революции. Но контакта с народом установить им не удалось: русское крестьянство не поняло их «высоких идеалов» и на призыв не откликнулось. Зато пропаганда народников привлекла внимание властей и в 1877 году около 800 человек было привлечено к ответственности и среди них находились будущие главари организации убийства государя: Желябов и Перовская.

В 1866 году началась серия покушений на жизнь Александра II, закончившаяся его трагической гибелью. Надо сказать, что государь всегда очень тяготился охраной, и, в первые годы покушений, вовсе от нее отказывался. Потом, в поездках по столице, царя сопровождало несколько казаков, не бывших в состоянии уберечь его от неожиданного нападения террористов. За несколько дней до гибели Александра II, полиция арестовала одного из самых главных злоумышленников, и ей стало известно, что готовится серьезное покушение. Граф Лорис-Меликов, облеченный специальными полномо-

---

[13]) После большевистского переворота молодое поколение русской интеллигенции, в лице учащейся молодежи, отшатнулось от красных, приняв участие в вооруженной борьбе против большевиков на всех фронтах гражданской войны.

чиями по борьбе с революционерами пытался уговорить царя не ездить, в злополучный день, в Михайловский манеж, но этого ему не удалось.

Однако, если бы полиция, перед проездом государя, позаботилась проверить документы и обыскать немногих лиц, находившихся на улице, по которой должна была проехать царская карета, то злоумышленники не избежали бы ареста и государь остался невредимым. Как могла дворцовая охрана пропустить на работы в Зимний дворец террориста, под видом плотника, и дать ему возможность в течение нескольких недель носить динамит во дворец?! На эти вопросы у нас нет ответов.

Первое покушение на Александра II было совершено 4-го апреля 1866 года у Летнего Сада когда, после прогулки, он садился в карету. Стрелял в царя бывший студент Казанского университета Д. Каракозов, член Ишутинского кружка, состоявшего в связи с группой «Земля и воля». Ишутин был тоже студентом, Московского униврститета, и его кружок вел пропаганду общего восстания. Каракозов являлся самым радикальным в кружке и среди своих товарищей слыл неуравновешенным. Несмотря на свой радикализм, Ишутин старался отговорить Каракозова от покушения на царя. Это обстоятельство спасло ему жизнь. Его помиловали и сослали в Сибирь, а Каракозова суд приговорил к смертной казни. После этого покушения были закрыты радикальные журналы «Современник», «Русское Слово» и цензура прессы снова усилена. Основанный большевиками в Москве «Клуб Рылеева» в 1966 году возобновил выход «Русского Слова».

После первого покушения последовали, с известными перерывами, и другие. Террористы не насчитывавшие все вместе и нескольких сот человек, вели успешную подпольную борьбу с могущественным 111 Отделением и Царской полицией. Виновно в этом было и начавшее уже морально разлагаться русское общество, почти что с презрением относившееся к блюстителям порядка (особенно к офицерам корпуса жандармов)[14]) вместо того что-бы оказывать им хотя-бы моральную поддержку. Даже лица никак не сочувствовавшие преступной деятельности террористов, предпочитали оставаться в стороне и равнодушно относились к злодеяниям, со-

---

[14]) Для контраста возьмем Канадский Корпус Жандармов (R.C.M.P.) очень популярный в народе. Его чины охотно позируют туристам в своих красных мундирах и последние любят сниматься в их обществе.

вершаемых ими.[15]) Кроме покушений на царя в Петербурге был убит шеф жандармов генерал Мезенцев, в 1879 году погиб Харьковский губернатор князь Кропоткин.

Другая часть общества реагировала легкомысленно на террор экстремистов приблизительно таким образом: лично террор не опасен, а что касается представителей власти то пускай их «попугают», авось, после этого, режим пойдет на уступки, нам выгодные. Третья часть общества шла еще дальше, оказывая, по разным причинам, моральную и материальную поддержку революционерам, укрывая преступников, чем крайне осложняла работу полиции.

Второе покушение было совершено в апреле 1873 года. На этот раз школьный учитель по фамилии Соловьев выстрелил в государя несколько раз, когда он прогуливался по набережной. И после этого покушения Александр II отказался от телохранителей.

Руководство группы «Земля и воля», обеспокоенное действиями полиции в больших городах, конспиративно собралось в Воронеже, что-бы договориться о дальнейших действиях. Собранию в Воронеже предшествовала встреча экстремистов «Земли и воли» в Липецке (конец 1879), на который главный заговорщик Желябов заявил, что он берет на себя инициативу действий. После этой встречи его группировка названа «Народной волей» (иначе: «Воля народа»), а члены организации стали называть себя «народовольцами». В том же году в подпольной типографии были отпечатаны листовки, в которых желябовская организация заявила о своем намерении убить Царя.

Группу отказавшуюся от применения террора для достижения своих политических целей назвали «деревенщиками». Под руководством Плеханова они создали организацию под довольно странным названием «Черный Передел». В период захвата власти бельшевиками в 1917 году около «Воли народа» сгруппировались эсеры центра и правый сектор партии. Плеханов же откололся организационно от партии с группой которую назвали «Единство».

---

[15]) Тоже повторилось в 1917 году. Когда генералы Алексеев и Корнилов с горсточкой смельчаков-добровольцев бросили вызов сотням тысячам красных, они встретили полное равнодушие среди миллионов русских людей. И не является ли эта особенность (своего рода равнодушие к судьбам родины, непротивление злу или «моя хата с краю») деструктивной чертой русского характера? Не у всех она есть, но типична для многих!

Следующим покушением террористов была попытка взорвать царский поезд во время пребывания Александра II в Крыму. Когда, на пути с юга, царский состав входил на Курский вокзал, раздался сильный взыв, разрушивший три вагона и перевернувший паровоз. Но государя в нем не было. Обычно царский поезд состоял из двух составов: В литере «А» ехал государь со свитой, а в литере «В», которая шла впереди, находился багаж. Террористам это было известно. На этот раз из-за порчи паровоза литера «В» задержалась в Харькове, а литера «А» прошла вперед. Злоумышленники, предполагая, что в первом составе находится багаж, пропустили его, взорвав второй поезд в котором не было ни государя ни его свиты.

Последняя неудачная попытка убить царя была самой дерзкой: взрыв в Зимнем дворце. Это покушение очень неблагоприятно подействовало па общественное мнение страны. Говорили, что если террористам удалось уже проникнуть и во дворец, то от них никуда не уйдешь.

На самом же деле взрыв удался только благодаря крайней халатности дворцовой полиции. Узнав, что во дворце ведутся поправочные работы, террористка Софья Перовская, каким-то образом, устроила одного из злоумышленников, как плотника, на работу во дворец. И этот мнимый плотник, по фамилии Халтурин, четыре недели подряд, приходя на работу приносил с собой известное количество динамита. Прятал он его в своем плотничьем сундучке и работал над закладкой мины под полом царской столовой.

17 февраля 1880 года произошел страшный взрыв. Столовая была совершенно разрушена, а в караульном помещении погибло одиннадцать солдат лейб-гвардии Финляндского полка, 30 было ранено. Государь остался невредим только потому, что ужин не был подан во время: ждали из Берлина князя Александра Баттенбергского.

После взрыва в Зимнем дворце для борьбы с революционным движением правительство прибегло к исключительным мерам. Была учреждена «Верховная распорядительная комиссия» во главе которой назначили графа Михаила Лорис-Меликова, героя Кавказской войны, человека способного, решительного и сторонника реформ. Его террористы тоже «осудили на смерть» и пытались убить. Граф был ранен и лично схватил злоумышленника, стрелявшего в него.[16])

Лорис-Меликов составил программу действий: по его плану нужно было энергично подавлять революционную деятельность тайных организаций. И в тоже время с доверием относиться к прочему обществу, и, постепенно успокоив его, возвратить государство к законному течению дел. Признаки общего успокоения вскоре стали заметны, и Лорис-Меликов предложил упразднить комиссию, взяв пост министра внутренних дел. Третье Отделение собственной Его Величества канцелярии было упразднено, с передачей его обязанностей министерству внутренних дел. Кроме того Лорис Меликов составил проэкты новых реформ, готовился указ о привлечении представителей земства в Государственный Совет.

Главные вожаки «Народной воли», которых еще не успели арестовать, решили, что им нужно действовать безотлагательно, так как новые реформы, ведущие, в конце концов, к народному представительству, могут окончательно выбить у них политическую почву из под ног.

Государь и далее не соглашался на усиление охраны и на перемену маршрута в его поездках по городу. Он говорил, что уже сделал довольно, согласившись, что-бы за ним следовало шесть человек конвойных. И если он не может чувствовать себя в безопасности под защитой казаков, то лучше ему отказаться от престола.[17])

1 марта 1881 года, как и обычно, после развода в Михайловском манеже, Александр II отправился во дворец великой княгини Екатерины Михайловны, а затем приказал везти себя в Зимний Дворец. Миновав Михайловский театр, царская карета свернула на набережную Екатериненского канала (переименованного большевиками в канал Грибоедова), сопровождаемая казаками и, позади, полицмейстером полковником Дворжицким, в санях.

Путь лежал по узкой улице, между решеткой Екатеринского канала и каменным забором особняка великой княгини. Улица в этот момент была почти пустынной, только коегде шли или стояли несколько человек. Не успела карета до-

---

[16]) Звали террориста Млодецкий. Его осудили на смерть. Казнь была явной. Достоевский, с целью изучить психологию преступника перед смертью, пошел посмотреть на казнь. Великий князь Константин Константинович (К. Р.) друживший тогда с великим писателем, записал в свой дневник: «Достоевский ходил смотреть на казнь Млодецкого, это мне не понравилось, мне было бы отвратительно сделаться свидетелем такого бесчеловечного дела».

[17]) На самом деле не искушенные в полицейской службе казаки были слабой защитой царю от покушения террористов, применявших новую тактику и новые методы терроризма.

стичь театрального моста, как раздался оглушительный взрыв и густое облако дыма поднялось около остановившейся кареты. Дорога была завалена разными предметами, забрызганными кровью. Казак, скакавший по левую сторону кареты лежал на мостовой. Другой, сидевший вместе с кучером, на козлах тоже был ранен. Было убито три лошади. Позади, в судоргах бился изуродованный мальчик.

После взрыва карета осталась почти что целой и на ней можно было продолжать путь. Император имел только порезы на лице от оконных стекол. Чуя беду, кучер Флор умолял государя не задерживаться на месте покушения. К просьбе кучера присоединился и полковник Дворжицкий. И если бы Александр II не остался на месте покушения, то вряд ли бы второму злоумышленнику удалось совершить свое злое дело.[18])

Но государь, со словами «Хочу видеть раненых», вышел из кареты, заговорил с одним из казаков, а потом подошел к схваченному злоумышленнику и «без всякой злобы»[19]) обратился к нему с вопросом. «Слава Богу, Ваше Величество целы», сказал один из полицейских и в это время, со словами «Еще рано благодарить Бога», второй злоумышленник бросил бомбу под ноги царю. Александр II упал, смертельно раненый, но не потерял сознания, велев везти себя во дворец, где хотел умереть. Прибывший в это время на место покушения великий князь Михаил Николаевич, при помощи матросов гвардейского экипажа, уложил истекающего кровью царя в сани полковника Дворжицкого и они медленно тронулись по направлению дворца.

Огромная толпа народу собралась на Дворцовой площади. Взоры всех были устремлены на развивающийся высоко императорский штандарт. В 3 часа.45 минут по полудни штандарт заколебался и медленно начал спускаться вниз, пока не достиг половины флагштока, возвестив России и всему миру, что **Александр II — Царь - освободитель** почил вечным сном.

---

[18]) Доля вины лежала и на полицейской охране. В таких случаях она должна принимать все меры по сохранению жизни охраняемого, не считаясь с его желанием (вспомним как бесцеремонно агенты Эф Би Ай запихали президента Рейгена в лимузин, когда террорист начал стрелять). После первого взрыва полиция и казаки должны были немедленно задержать всех посторонних лиц, находящихся в периметре покушения. На второго террориста, по видимому, не обратили внимания.

[19]) Это было отмечено и иностранными историками (Напр. В. Парсом, в «История России» по-английски).

Сняв шапки и крестясь стоял в безмолвии на Дворцовой площади потрясенный православный народ. Многие плакали, другие опустились на колени.

Первого злоумышленника, бросившего бомбу под карету, как мы знаем, схватили невредимым. На допросе он назвался мещанином Грязновым, но вскоре выяснилось, что настоящее его имя Рысаков. Террориста от чьей руки погиб император, звали Гриневицким. Это был рыжий детина с густой бородой. Он погиб от своей же бомбы.

После убийства Александра II растерянность в русском обществе и стране была общей. Никто не знал ни сил ни возможностей тайного врага. Не растерялся лишь один человек-наследник цесаревич, сын погибшего царя, а теперь император Александр III, твердо и точно знавший, что ему нужно делать. Граф Лорис-Меликов был смещен и Петербургским градоначальником назначен Н. М. Баранов. Началось энергичное следствие и охота за террористами. И, вскоре, вся головка народовольцев была арестована. Уже перед убийством полиция напала на верный след, арестовав Желябова и Тригоню. И логика говорила, что террористам нужно было, хотя бы на время, прекратить покушения на царя, т. к. подвергались все они большому риску быть арестованными.

Но возлюбленная Желябова, София Перовская, его главная помощница, это «исчадие ада» решила идти до конца, взяв на себя организацию последнего покушения. Происходя из аристократической семьи, она, возможно, имела хороших информаторов из круга ее людей.

На допросе Рысаков показал следующее: за неделю до 1-го марта, его единомышленники ему объявили, что он должен будет принять участие в покушении на царя. 1-го марта к часу дня Рысаков прошел по набережной Екатерининского канала, но увидя городовых, пересек Театральный мост и пошел вокруг Круглого рынка. Тут его встретила молодая, красивая, прилично одетая девица, которую он знал в организации народовольцев только в лицо.[20])

Она передала ему узелок сказав, что он должен будет бросить его под царскую карету. Сама же девица, находясь на сравнительно близком расстоянии от Рысакова, договорилась с ним, что подаст ему знак платком, когда бросать узелок.

---

[20]) Это была София Перовская, происходившая из русской аристократической семьи.

Перовскую вскоре арестовали и дальше клубок начал быстро разматываться. В ночь на 3-е марта, в одном из домов по Тележной улице, полиция открыла целую лабораторию взрывчатых веществ и арсенал бомб. Захваченный врасплох владелец лаборатории Николай Саблин успел застрелиться, его же любовница Гессе (Джесика) Гельфман попалась в руки полиции. С ней был арестован, пришедший в арсенал, соучастник преступления Тимофей Михайлов. В его портфеле нашли наброски предполагаемых подкопов и места заложенных мин на Малой Садовой и Екатериненском канале, где часто проезжал покойный государь.

И вскоре пред судом предстала вся шайка «народовольцев»: Желябов, София Перовская, Рысаков, Кибальчич (химик делавший бомбы), Михайлов и Гессе Гельфман. Все они, кроме Гельфман, были приговорены к повешению и казнены публично.[20 а)] Террористы стояли на деревянном эшафоте в черных халатах и у каждого была дощечка на груди с надписью: «цареубийца».

На 15 марта, когда назначили похороны погибшего государя, уцелевшие заговорщики подготовляли новое покушение. Переодевшись извозчиками они должны были собраться на Невском Проспекте и открыть стрельбу по похоронной процессии. Полиция узнала об этом заранее и 19 человек, предполагаемых участников, было арестовано, остальные попрятались кто куда и были схвачены позже. На Российском престоле находился теперь насыщенный железной волей человек, способный подавить любую крамолу. И не прошло много времени, как энергичными действиями полиции последние остатки народовольцев были уничтожены, революционное движение подавлено в корне и террористические покушения прекратились.[21)]

[20 а)] Мы уже говорили о том, как Достоевский ходил смотреть на казнь Млодецкого, пытавшегося убить графа Лорис-Меликова. Писатель желал познакомиться с психологией преступника перед смертью, что могло принести ему пользу в будущих его произведениях.

Примеру Достоевского последовал художник-портретист И. Е. Репин, которого, по его собственному признанию, всегда привлекал трагизм в жизни. И вот, в 1866 году Репин отправился на Смоленское поле, посмотреть на повешение студента Каракозова, стрелявшего в государя у Летнего сада. Художник сделал набросок злоумышленника по дороге к месту казни, в подводе. Особенно страшными вышли глаза Каракозова.

Через 15 лет Репин снова присутствовал при казни. На этот раз казнили убийц императора Александра II. Однако художнику не удалось запечатлеть на своих набросках всех осужденных.

[21)] Одно изолированное покушение на царский поезд произошло в 1888 году, хотя настоящая причина крушения никогда точно не была установлена.

29 апреля 1881 года последовал царский манифест и все реформы в сторону народного представительства были приостановлены. В короткое царствование императора Александра III Россия пребывала в мире и спокойствии, за что государь получил название Миротворца. А после его смерти, когда самодержавная власть перешла к мягкому и деликатному императору Николаю II с новой силой начались волнения и политический террор. Русская либеральная и марксистская интеллигенция, видя почти что во всех странах Запада участие народного представительства в управлении страной, стала настойчиво добиваться этого и в России.[22])

На месте гибели **Царя-Освободителя,** через 26 лет, был воздвигнут величественный **Храм-памятник.** Поначалу возникла мысль соорудить только часовню там, где пал смертельно раненый царь. Но копеечный сбор денег на постройку превзошел все ожидания и строительный комитет решил приступить к постройке большого храма. В 1883 году была совершена закладка, но постройка затянулась на 24 года. Особенно много времени строители потратили на мозаичные работы, и мозаикой внутри и снаружи покрыли более десяти тысяч квадратных метров.

В постройке и украшении храма мозаикой, фресками и иконами принимали участие самые известные русские художники и зодчие: Афанасьев, Бондаренко, Бруни, Бунин, Васнецов, Дмитриев-Оренбургский, Журавлев, Нестеров, Парланд, Рябушкин и другие.

С трех сторон храма, на наружных стенах, вставлены на высоте человеческого роста, роскошные гранитные плиты, на которых выгравированы надписи о крупнейших событиях царствования Царя Освободителя.

---

[22]) Интересна характеристика данная императору Николаю II в первые дни войны одним простым русским человеком и переданная Ф. Винбергом в его мало известной книге «Крестный путь. Корни зла». Перед отъездом на фронт автор, офицер л.-гвардии Уланского полка, ехал по Невскому. Вез его старый извозчик, назвавший себя «старым, не нонешним солдатом». Разговор, как и все разговоры в те дни, зашел о войне и государе. И вот что сказал этот старый служака о своем царе:

«Царя я очень почитаю и жалею... Ведь душа у него чисто херувимская, чистая, и святая, что хрусталь. А только не по нашенскому времени и нашему народу такая душа... Нынче такой народ пошел, что такого ли им царя надобно... Их уж, как в железной рукавице зажать следовало бы, чтобы только пищать могли да просить помилования. А тут у нас все добром да лаской, да любовью хотят управлять!»

Слова простого русского человека, старого солдата, оказались вещими.

Через западные, массивные, с серебреной чеканкой, врата, молящийся входит во храм и видит перед собой сень на том месте, где пал смертельно раненый царь. В полном оригинале сохранены: часть чугунной решетки Екатерининского канала, плиты панели и часть булыжной мостовой со следами крови государя. Это место окружено решеткой с четырьмя колоннами, накрытыми сверху шатром, увенчанным крестом. Четыре колонны по углам сооружены из почти что черной яшмы, с лиловатым оттенком. Из того же камня, других цветов и оттенков, сделаны верхние части сени.

Замечательный крест наверху вышлифован из граненых кусков дымчатого топаза. Все эти камни отрабатывались в императорских гранильных мастерских Екатеринбурга, Колывани и Петергофа.

Прелестный иконостас из разноцветных пород мрамора украшен чудными царскими вратами чистого серебра. Среди мозаичных икон особенно выделяются «Вознесение» и «Сошествие во ад» — работы Нестерова как и «Спаситель и Богоматерь» — Васнецова.

Пол храма, из разноцветных сортов мрамора, пестрея гармонично подобранными узорами, представляет собою замечательное произведение русского искусства. На фасаде церкви, у места гибели царя, сооружено большое распятие у которого многие прохожие останавливались с молитвой.

Архитектура храма выдержана в Московском стиле 16-17 веков, и, своей композицией он схож с Василием Блаженным. Наружная высота церкви около трехсот футов, вместимость до 2 000 молящихся. Все строительные и другие работы закончились в 1907 году и, торжественное освящение было совершено 16 августа того же года.

Храм Воскресения Христова был еще известен под названием **Храма на крови** или **Церкви Спаса на крови.**

В первые годы после захвата власти большевиками до конца 20-х годов в **Церкви Спаса на крови** еще происходили службы. Потом храм закрыли, вход законопатили, а внутри устроили какие-то склады. Во время войны **Спас на крови** был слегка поранен осколками немецких снарядов. А с послевоенных лет почти что до последнего времени в церкви держали декорации Малого оперного театра.

Постепенно к храму начало стекаться все больше и больше народу. Советские люди читали на гранитных плитах наруж-

ных стен о том, что **Царь Освободитель** сделал для русского народа: освобождение крестьян, судебная реформа, ограничение телесных наказаний, сокращение срока военной службы......

> «Часто возле распятия на восточной стене храма видела я молящихся...... На этот раз это были не только старушки, как тридцать лет назад. Я видела молодых мужчин и женщин, погруженных в молитву»,

писала одна из новейших эмигранток из СССР, чуть ли не всю свою жизнь прожившая возле **Церкви Спаса на крови.**[23])

Потом большевики соорудили вокруг храма забор, позднее одели лесами и по городу ходили слухи, что внутри будет музей мозаики или революционного движения конца XIX века.

Улицы в районе **Спаса на крови** названы именем убийц **Царя Освободителя:** улица Желябова, Софии Перовской, Халтурина и т. д..

Санктпетербург
Флорида, май 81

Павел Пагануцци

БИБЛИОГРАФИЯ

НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ.
Винберг, Ф. КРЕСТНЫЙ ПУТЬ. Корни зла. Мюнхен, 1922, 1922, 1 ч.
«Грани» Франкфурт, 1967, номер 66.
Кизеветтер, А. А. профессор. Исторические очерки. Москва, 1912.
Корнилов, А. А. Курс Истории России XIX века. Общественное движение при Александре II. Петербург, 1913.
МАНИФЕСТ по поводу освобождения крестьян. Санктпетербург, 19 фев., 1861 г.
Мельгунов, С. П. Гражданская война в освещении П. Н. Милюкова. Париж, 1929 г.
1929 год. «Нива» (журнал), 1907 год, номер 36.
Платонов, С. Ф. проф. Лекции по Русской Истории. Петроград 1915 и 1917 г. г.
Плетнев, Р. В. проф. Лекции по Истории Русской Литературы 18 и 19 веков. Торонто, 1959.
«Православная Русь». Джорданвиль, Н. Й., январь-апрель, 1981.
Пушкарев, С. Г. проф. Обзор Русской Истории. Нью Йорк, 1958.
Татищев, С. С. Император Александр II. Ст. Петербург, 1903, т. 2.
Тютчева, Анна Федоровна. При дворе двух Императоров. Воспоминания, дневники — 185»-1882. Москва, 1928-9.
ЦАРСКИЕ КОРОНАЦИИ НА РУСИ. Япония, 1971.

---

23) Лия Хавкина, Храм на Крови, «Новое Русское Слово», Н. Й., март 1981. Гжа Хавкина очевидно только что прибыла из СССР, т. к. приложенная к статье фотография датирована 1979 годом.

НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ :

Alexander Mikailovich, the Grand Duke. **Once a Grand Duke.** London, 1908.
Alexinsky, Gregor, ex-Deputy of the Duma. **Russia and Europe.** New York, 1917.
Carr, E. H., **Michael Bakunin,** London, 1937.
Cowles, Virginia. **The Romanovs.** New York, 1971.
Florinsky, Michael. Russia. **A History and Interpretation.** New York, 1958.
Grahm, S., **Tsar of Freedom.** New Haven, 1935.
Hamley, Sir Edward. **The War in Crimea.** London, 1910.
Hingley, Ronald. **The Tsars. 1533-1917.** New York, 1968.
Hoertsch, Otto. **The Evolution of Russia.** New York, 1966.
Karpovich, Michael. **Imperial Rusia 1801-1917.** New York.
Kornilov, Alexander. **Modern Russian History.** New York, 1957.
Lawrence, John, **A History of Russia.** New York, 1957.
MacKenzie, F. A. **Russia Before Dawn.** London, 1922-23.
Massie, Suzanne. **Land of the Firebird. The Beauty of Old Russia.** New York, 1980.
Pares, Sir Bernard. **Russia Between Reforms and Revolution.** New York, 1962.
Pares, Sir Bernard. **A History of Russia.** New York, 1953.
Seton-Watson, Hugh. **The Russian Empire.** 1801-1917. Oxford Press, 1967.
Seton-Watson, Hugh. **The Decline of Imperial Russia,** 1855-1914. New York, 1952.
Vernadsky, George. **A History of Russia.** New Haven, Yale University Press, 1961.

Храм «Спаса на крови»

Генерал В. О. Каппель и его «Каппелевцы»
(На Волге и в Сибири /1918 - 1820 гг./)

8-го июня 1918 года восставшими чехами была занята Самара. В этом принимали участие также и небольшие русские отряды. Как пишет А. А. Федорович («В. О. Каппель» стр. 22): «В тот же вечер, в освобожденном от большевиков городе состоялось собрание офицеров ген. штаба, оказавшихся в Самаре. Был поднят вопрос кто объединит и возглавит эти русские отряды. Желающих взять на себя эту ответственность среди присутствующих не оказалось. Все мялись и смущенно молчали. Кто-то даже предложил бросить жребий. Тогда неожиданно выступил, скромный на вид, молодой офицер ген. штаба и попросил слова: «Раз нет желающих, то временно, пока не найдется старший, разрешите мне повести части против большевиков», спокойно и негромко произнес он.

Это был подполковник Владимир Оскарович Каппель. Так начался героический и тернистый путь одного из наиболее выдающихся вождей Белой борьбы на Волге и в Сибири. Ему было только 37 лет. Он родился в 1881 году в военной семье, окончил 2-ой кадетский корпус в Петербурге, потом Николаевское кавалерийское училище и Академию Генерального Штаба. С честью прошел боевую страду 1914-1917 годов и был дважды ранен.

Самарский объединенный отряд Каппеля получился немногочисленный — всего около 350 добровольцев. Это все что дала Самара, — город с населением больше ста тысяч человек. Казалось безумием начинать с такими силами борьбу с

большевиками, захватившими в то время почти всю Россию. Но Каппель начал и с честью выполнил всзятую на себя задачу.

Первый экзамен отряду Каппеля был дан уже через три дня, под Сызранью. Этот город под давлением красных был оставлен чехами. От Самары до Сызрани около 100 верст. Каппель сажает свой отряд на поезд. Под вечер, в 15-ти верстах от Сызрани он высаживает отряд и разбивает на две части. Меньшую часть, с конной батареей, посылает в обход города. На рассвете следующего дня, точно в 5 часов утра, началось наступление на город с двух сторон. После победы над чехами, красные этого не ожидали. Среди них началась паника, особенно когда с их тыла начали падать снаряды. Большевики побежали, побросав орудия, пулеметы, обозы. Потери в людях у красных были большие, у белых только четыре убитых.

Этот первый, неожиданный успех создал Каппелю огромную популярность, окружив его имя ореолом победы. С этого дня отряд Каппеля начал с гордостью называть себя «каппелевцами».

Потом победы под Ставрополем, под Климовкой, под Новодевичьем, под Сингелеем, где кроме орудий и пулеметов был взят в плен командующий этим фронтом, бывший царский поручик Мельников. Если в отношении пленных красноармейцев Каппель был мягок, и разоружив, как правило, отпускал на все четыре стороны, то Мельников был судим как предатель и расстрелян. Дальше опять Сызрань, которую каппелевцы должны были опять спасать от красных. Потом Симбирск. От Сызрани до Симбирска около 200 верст. Большевики его ожидают с Волги, считая что он прибудет на отнятых у них пароходах, и укрепляют ее берега. А он проделывает этот путь, посадив свои войска на подводы, и цепи каппелевцев врываются в город с суши. Опять победа. Население восторженно встречает победителей и молодежь устремляется в их ряды. За голову Каппеля большевики нзначают большую награду. Сюда посылается Тухачевский, сам Троцкий приезжает на каппелевский фронт и расстрелами старается остановить панику и восстановить дисциплину.

В это время, под защитой чешских и каппелевских штыков, в Самаре было образовано эсеровское правительство из оказавшихся здесь членов разогнанного большевиками Учредительного Собрания, во главе с Черновым и Авксентьевым.

Нужно пояснить, что чехи на Волге оказались совсем случайно и что не любовь к России, а только жизненная необходимость заставила их вступить в борьбу с большевиками. В 1917 г. из чехов (добровольцев), находившихся в русском плену, было сформировано две дивизии, около сорока тысяч человек. После Октябрьского переворота, в начавшейся гражданской войне, ими был объявлен нейтралитет и заключено с большевиками соглашение об их отъезде через Владивосток на французский фронт. В мае чехи находились в эшелонах, направлявшихся во Владивосток. Германия, заключившая с Советами Брест-Литовский мир, рассматривая чехов как австрийских подданных, изменивших присяге, конечно, хотела этому воспрепятствовать и получить их в свои руки. Толчком к востанию чехов был неожиданный приказ Троцкого, желавшего угодить немцам, данный им 25-го мая 18-го года, о полном разоружении чешских войск. Приказывалось «расстреливать на месте каждого чеха или словака, оказавшегося вооруженным». Как следующий шаг можно было ожидать выдачу их немцам, что для чехов было равносильно смерти. Таким образом, спасая себя, чехи восстали и временно оказались на стороне белых, боровшихся с большевиками.

В Симбирске Каппель в первый раз выступил публично. В переполненном городском театре на сцену вышел скромный, одетый в защитную гимнастерку, молодой офицер. В своей речи он звал на борьбу за поруганную Россию, за русский народ, за его веру. Его простая речь не внушала сомнения, что он глубоко верит в необходимость борьбы и готов первый отдать свою жизнь за Россию. Как пишут присутствовавшие «его речь была покрыта не овациями, а каким-то сплошным ревом и громом, от которого дрожало здание». Такая популярность Каппеля — царского офицера по убеждениям монархиста — начала бесспокоить Самарское Правительство. Чтобы контролировать его действия, в штаб Каппеля назначаются представители Самарского Правительства — Фортунатов и Лебедев, к слову сказать оказавшиеся вполне порядочными людьми и Каппелю никаких неприятностей не чинившие.

Каппель был выше всяких политических течений и партий. Он один из немногих белых вождей трезво отдавал себе отчет какие необратимые сдвиги произошли в России и что нужно делать, чтобы выиграть борьбу. Полковник Вырыпаев,

близкий сотрудник Каппеля, в своих воспоминаниях приводит его высказывания тех дней:

«Мы, военные, оказались врасплох застигнуты революцией и политически совершенно не подготовлены и нам сейчас приходится учиться тяжелыми уроками. Гражданская война это не то, что война с внешним врагом. Там все гораздо проще. В гражданской войне много сложнее, в ней все население, активно или пассивно, участвует, и победит тот на чьей стороне будут симпатии народа. Если мы честно любим родину, нужно забыть кем мы были до революции и что мы из-за нее потеряли. Конечно, я хотел бы, как многие из нас, чтобы образом правления была монархия, но в данный момент о монархии говорить преждевременно.

Что революция совершилась — это факт. И мы все должны честно признать этот факт. Народ ждет от революции многого — большевики ему обещают золотые горы. Нам народу надо не только обещать, но и на самом деле дать ему то, что ему нужно, чтобы удовлетворить его справедливые надежды».

Каппель, по всем рассказам, близко стоял к своим солдатам. Если была необходимость, взяв в руки винтовку, он вместе с ними шел в атаку. Он знал их мысли и настроения и они любили его и верили ему безгранично.

После Симбирской операции белые погнали красных вверх по Волге. Дальше была Казань, один из главных городов Поволжья. Каппель знал, что там большой гарнизон и что туда стягиваются красные войска, но он верил в победу и решил ее взять. Узнав об этом, Самарское Правительство, или как народ называл его «Учредилка», обеспокоенное, растущей славой Каппеля, приказало ему остановиться. Но Каппель не послушался. Он спешно собирает совещание, на него приглашают чехов и представителей Самары — Фортунатова и Лебедева. Он увлекает их своим планом и своей верой в успех и они вместе с ним берут на себя ответственность за неисполнение приказа Самарского Правительства.

6-го июля 1918 года в Казани, когда по сведениям красных, белые должны были быть еще далеко, вечером, во время проливного дождя, начали рваться снаряды каппелевской артиллерии и каппелевцы с громовым Ура ворвались на улицы Казани. Комиссары и красные командиры безрезультатно пытались остановить красноармейцев. Даже 5-ый Латышский

полк — Ленинская гвардия — не выдержал, поднял руки и сдал оружие. Население освободителей засыпало цветами и у всех на языке было слово «Каппель». Победителям досталось много пленных и огромные запасы военного имущества.

А что самое главное, был захвачен весь российский государственный золотой запас, эвакуированный в Казань. В общей сложности:

1) Шестьсот пятьдесят миллионов золотых рублей в монетах.
2) Сто миллионов рублей в кредитных знаках.
3) Большие запасы платины и других драгоценностей.

В Казани Каппель надеялся пополнить свои силы. Здесь находилось около тридцати тысяч офицеров и в полном составе Академия Генерального Штаба. Но его надежды не оправдались. В своем большинстве офицерство, уставшее и измученное после четырех лет неудачной войны, предпочитало выжидать или ехать в тыл, в Сибирь.

На собрании офицеров Ген. Штаба Каппель настаивал на немедленном продвижении вперед — на Нижний Новгород, а потом и дальше. Он доказывал, что в гражданской войне побеждает тот, кто находится в движении вперед, а не тот, кто обороняется. Но настоять на этом ему не удалось, он был слишком молод и к тому же только подполковник! Против этого была Самара и чехи, в то время еще союзники белых. А Ленин и Троцкий потом признавались, что у них именно в этот момент все трещало по швам. Так была упущена возможность победы... Данная большевикам передышка дала им время оправиться и подтянуть новые, свежие силы.

Началось это с Симбирска, перед этим взятым Каппелем, на который красные под командой Тухачевского (бывшего гвардейского поручика) повели свое наступление. Для обороны местных сил не хватало, город был перед падением. Из Казани до Симбирска 200 верст. Каппель грузит свои войска на пароходы и спешит опять в Симбирск. Там после трехдневного ожесточенного боя, он отбрасывает войска Тухачевского.

Город спасен и опять его там встречают как героя. Но окончательно добить Тухачевского ему не дают: его обратно зовут в Казань. Там Троцкий, расстреляв больше 20-ти красных командиров, а после поражения под городом Свияжском, расстреляв и каждого десятого красноармейца, навел порядок и дисциплину и начал наступление на Казань. Кап-

пель со своими каппелевцами опять возвращается в Казань и останавливает наступление. Сам Троцкий чуть не попадает в плен. Только исключительное везение спасает его от этого. Но добить Троцкого, как и Тухачевского, ему опять не дают. Опять приказ из Самары: бросить все, грузиться на пароходы и двигаться на помощь Симбирску. Каппеля рвут на все стороны.

На этот раз каппелевцы Симбирск не спасли. 12-го сентября, когда они подошли к Симбирску, он уже был оставлен. По мосту через Волгу отходили отступающие белые войска и колонны беженцев. В этот день каппелевцы в песледний раз видели Волгу... За короткий период своего пребывания на Волге, от -го июня до 12-го сентября 1918 года, т. е. около трех месяцев, Каппелевский отряд (их было всего три тысячи) проделал больше двух тысяч верст, при этом все время в боях и стычках, бросаемый взад и вперед на самые ответственные места. При чем за все это время у них не было ни одного поражения, только победы: Сызрань, Ставрополь, Сингелей, Симбирск, Сызрань, Казань, Симбирск, Свияжск, Казань и т. д.

После Симбирска началось отступление к Уралу. Самарскому Правительству к сожалению никаких сильных боеспособных сил создать не удалось, чехи, стремившиеся домой, воевать не хотели, а каппелевцев было слишком мало, чтобы удержать фронт.

Отходили с тяжелыми боями. В этом походе Каппель получил сообщение о производстве его в генералы. Пришедшему его поздравить полковнику Вырыпаеву он с горечью и грустью сказал: «Я был бы более рад, если бы мне вместо производства прислали батальон пехоты».

В это время Сибирь, почти полностью освобожденная от большевиков, имела свое правительство, и даже не одно, а несколько. Главное из них, находившееся в Омске, долго не могло сговориться с Самарой, кому возглавить объединенное правительство.

В конце концов было составлено коалиционное возглавление, названное «Директорией». В него вошли Авксентьев и Зензинов (эсеры), Вологодский (сибиряк), Виноградский (кадет) и ген. Болдырев, как главнокомандующий (впоследствии перешедший к большевикам).

Сформированную в Омске армию посылать на фронт не спешили, ждали конца переговоров. Так была упущена воз-

можность победить большевиков, тогда еще сравнительно слабых. Сговорились же только тогда, когда началось отступление. Только тогда Сибирские войска сменили на фронте измученных каппелевцев, которые были отведены в тыл для отдыха и пополнения.

При отходе за Урал каппелевцам приходилось проходить через Приуральские горнозаводские районы. Распропагандированные рабочие этих районов враждебно относились к белым. Разведка доносила, что на заводе Ата-Балашовском на митинге рабочих было решено чинить возможные препятствия проходящим белым и поручить группе рабочих произвести покушение на штаб и на самого Каппеля. Поздно вечером, взяв с собой только одного проводника, Каппель отправился на очередной митинг рабочих этого завода. Одетый в английскую куртку, в смятой кавалерийской фуражке, в темноте похожей на кепку, он не выделялся в толпе рабочих. Пробравшись вперед, в самый разгар митинга он попросил слова и сказал: «Здесь на вчерашнем митинге было постановлено чинить препятствия проходящим войскам и произвести покушение на меня. Я — генерал Каппель и пришел поговорить с вами, как с русскими людьми». Действие его слов было подобно разорвавшейся бомбе: толпа начала разбегаться. С большим трудом Каппелю удалось убедить слушателей, что он здесь один, без охраны и что им нечего его бояться. И дальше он говорил им о том, что происходит сейчас в России, кто такие большевики и куда они ведут страну. Свою речь он закончил словами: «Я хочу, чтобы Россия процветала наравне с другими передовыми странами и чтобы рабочие и их семьи жили в достатке». Его речь была покрыта громким Ура. Рабочие вынесли Каппеля на руках и проводили до самого штаба. На следующий день, пришедшая делегация рабочих заявила генералу Каппелю, что они не только не будут чинить препятствий, но всем чем могут будут ему помогать. И действительно дальнейшее продвижение каппелевцев через этот рабочий район прошло без всяких осложнений. (Этот эпизод описан в воспоминаниях и у полковника Вырыпаева и А. А. Федоровича).

В это время в возглавлении Белых Сил произошли большие перемены. Из правительства (Директории) были удалены эсеры и адмиралу Колчаку было предложено возглавить Белые силы Сибири с титулом «Верховного Правителя России». Переворот в Омске (18-го ноября 18-го года) прошел

безболезненно — защитников у Директории не нашлось ни в тылу, ни на фронте.*)

Верховная власть Колчака, имя которого было тогда известно во всей России, была сразу признана всей Сибирью, а также всеми белыми вождями (Деникиным, Юденичем и Миллером). Только, атаманы Семенов и Калмыков, ставленники японцев, хозяйничавших в то время на Дальнем Востоке, заняли тогда враждебную позицию к Правительству Колчака. Семеновым даже было временно прервано железнодорожное сообщение Сибири с Владивостоком, т. е. поставлено под угрозу снабжение Белого фронта.

В это время окончилась Мировая война (Германия капитулировала 11-го ноября 1918 г.). Чехи, недавние союзники белых, считая, что большевики и немцы им больше не угрожают, стали уходить с фронта. В ожидании отъезда домой, их поселили в вагонах. Т. к. с отправкой Союзники не спешили, им, была поручена охрана Сибирской железной дороги, что дало им возможность захватить ее в свои руки. В дальнейшем, при отступлении, это создало для белых безвыходное положение.

Чехи, в своем большинстве, приход к власти адмирала Колчака не приветствовали — их симпатии были на стороне эсеров. Находясь за спиной белых армий и имея поддержку Союзников, они интриговали, саботировали и помогали оставшимся, ушедшим в подполье, эсерам.

Адмиралу Колчаку не только с чехами, а вообще, с возложенной на его плечи непомерно трудной задачей, на несчастье России, справиться не удалось.

Как я уже писал в «Перекличке» № 25, он был отважным мореплавателем, лично безгранично храбрым человеком, благородным, честным, бескомпромиссным, не ищущим славы для себя лично. Но как Верховный Правитель он не оправдал надежд. Он был слишком доверчивым, слишком прямолинейным, а иногда и слишком горячим и вспыльчивым. А в то жестокое время нужно было быть более гибким, расчетливо холодным и, если нужно, даже жестоким.

---

*) Примечание: Арестованные участниками переворота члены Директории — эсеры (Авксентьев, Зензинов, Аргунов) были по приказу адмирала Колчака освобождены и им было предложено выехать заграницу. В их распоряжение был предоставлен вагон в скором поезде и они были снабжены деньгами и заграничным паспортом.

А через год адмирал Колчак был выдан чехами эсерам. Эсеры в свою очередь выдали его большевикам, которые как известно его расстреляли. (Привожу для сравнения. Б. П.)

После отвода каппелевцев в тыл, адм. Колчак вызвал к себе генерала Каппеля в Омск для личного доклада. В ставке Колчака против Каппеля в это время плелись интриги, его растущая популярность и тут, как раньше в Самаре, сильно тревожила окружение Колчака. Ему завидовали, считая его выскочкой, авантюристом, обвиняли в «бонапартизме». А некоторые обвиняли его в левизне, в симпатиях к эсерам. Внушали Колчаку, что если его отряд развернуть в корпус, то возможно, вместо того чтобы повести свой корпус против большевиков, Каппель двинет его на Омск. Одним словом всеми силами старались восстановить Колчака против Каппеля. Но это им не удалось. В связи со всем выше сказанным адм. Колчак встретил Каппеля сначала официально-холодно. Доклад был очень длинным. Каппель рассказал все, что ему пришлось пережить, передумать и что им было за это время сделано, и Колчак понял его, оценил и они расстались друзьями. Вот что впоследствии говорил об этом свидании адм. Колчак: «Каппеля я не знал раньше. ... Я встретился с ним в феврале 1918 года, когда его части были выведены в резерв и он приехал ко мне в Омск. Я долго беседовал с ним и убедился, что он один из самых выдающихся молодых начальников». («Архив Русской Революции», том 10, стр. 301).

Враги Каппеля временно утихли, но не надолго. Каппелю было поручено формирование Волжского корпуса, ядром которому должен был послужить его отряд.

Нужно сказать, что в конце 1918 года и весной 1919 года у белых были большие успехи. Были взяты Пермь и Уфа, опять шло наступление на Казань. Оптимисты считали, что большевики уже разбиты и что их дни сочтены.*) Поэтому недоброжелатели Каппеля, имевшие влияние в штабе Колчака, с формированием Волжского корпуса не спешили. На все запросы Каппеля отделывались обещаниями, но обещенных пополнений и снаряжения не присылали. Только, когда оптимистические предсказания не оправдались и на фронте начались неудачи, вспомнили о Каппеле. В его корпус были спешно влиты только что взятые в плен красноармейцы, не проверенные и не профильтрованные, которые своей массой поглотили старый, верный состав отряда. Времени для пере-

*) Примечание: Любопытно, что во время этих успехов белых, у чехов даже появился план, присоединившись опять к Колчаковской армии, попытаться прорваться в Чехию через Европейскую Россию, т. к. их отправка через Владивосток Союзниками все время задерживалась. Но Массарик, первый президент независимой Чехословакии, приказал им оставаться нейтральными.

формирования и политической проверки дано не было. несмотря на протесты и просьбы Каппеля не губить корпуса, был получен приказ «выступать немедленно на фронт». Это сказалось в первых же боях. Бывшие красноармейцы, в рядах которых оказалось много партийцев, силой уводя своих офицеров, начали переходить к красным. Только старые каппелевцы не сдавались и, неся тяжелые потери, отходили в порядке. Остановить наступление большевиков не удалось. Белый фронт откатывался на восток, вместе с ним и сильно поредевший Каппелевский корпус.

Военный министр Колчаковского Правительства, генерал Будберг, в своем дневнике тогда писал: «Мы могли бы смотреть сейчас более уверенно на будущее, если бы в тылу расстроенных и катящихся на восток армий стояли достаточно подготовленные резервы Каппеля..., погубленные в судорожных потугах нашими горе-стратегами». («Архив Русской Революции» том 14, стр. 309).

Чтобы как-то спасти положение, у Капеля созрел план, о котором он донес в Ставку. Он состоял в следующем: две тысячи своих старых Волжан он сажает на коней, придав им конную артиллерию. С этим отрядом Каппель переходит ночью фронт (сплошного фронта, ведь, тогда не было). Отряд из двух тысяч бойцов, таких как каппелевцы, по тем временам представлял уже большую силу. В первую ночь, обходя населенные пункты, отряд углубится на 20-30 верст в занятую большевиками территорию, а потом, внося панику, ударит неожиданно по тылам, взрывая мосты, поезда и другие важные объекты. Конечно, был какой-то риск, могла бы быть неудача. А для того, чтобы поймать и разбить такой отряд большевики должны бы были с фронта оттянуть свои лучшие части, а это дало бы возможность белым оправиться и остановить большевиков.

Под большим секретом Каппель с этим планом ознакомил главных офицеров-волжан, которых он собирался взять с собой и они этот план полностью одобрили. Из Ставки долго не было ответа на это предложение. Уже когда отступающая армия перевалила через Урал был получен ответ: «Ставка не располагает такими рессурсами, чтобы рисковать двумя тысячами всадников». Опять не поверили Каппелю, а в этом, может быть, было спасение.

Все лето и осень 1919 года прошли в отступлении, — ведь

отступать пришлось тысячи верст, через всю Сибирь. В ноябре был оставлен Омск, столица Белой Сибири...

С огромным тылом, где, пользуясь неудачами белых, начали хозяйничать уже открыто чехи и всякого рода атаманы, Колчак справиться не смог. Их своеволие, переходящее в беззаконие, реквизиции, переходящие в грабеж, карательные экспедиции, с не всегда оправданной жестокостью — все это создавало благоприятную обстановку для анти-колчаковской пропаганды. Для этой работы у эсеров и большевиков сохранился партийный аппарат еще с прежних времен, только ушедший в подполье. Сибирское же население, уставшее от войны, с советской властью знакомо еще не было, а потому тем легче поддавалось пропаганде. В тылу расцвело партизанское движение, начались восстания, находящие негласную поддержку у чехов. Белые же фактически владели только полосой, примыкающей к Сибирской железной дороге, да и там хозяйничали главным образом чехи. В остальных необъятных просторах Сибири власть белых была по существу иллюзорна.

Наступила суровая Сибирская зима. Белая армия, которой неожиданно пришлось отступать, совсем не была подготовлена к такой зиме. Как результат этого: — обмороженные, тиф и окончательное расстройство транспорта и снабжения. Пал дух, мораль, дисциплина, — началось разложение не только на низах, но еще больше на верхах. И это было одно из главных несчастий, — в окружении Колчака не нашлось людей, способных справиться с возложенными на них сложными и трудными задачами. С неудачами на фронте началась смена Главнокомандующих. Генерал Дитерихс был заменен генералом Сахаровым, который тоже не оправдал себя и после оставления Омска был уволен.

При такой ситуации, чтобы спасать положение, Главнокомандующим Восточного фронта был назначен генерал Каппель. Полковник Вырыпаев в своих воспоминаниях передает телеграфный разговор между адмиралом Колчаком и генералом Каппелем, при котором он присутствовал. На предложение занять пост Главнокомандующего, Каппель искренне и просто ответил: «Ваше Высокопревосходительство, есть много командиров старше и опытней меня. Я не подготовлен к такой большой и ответственной роли». И он добавил: »Ваше Высокопревосходительство, почему Вы мне это предлагаете?» Несколько секунд телеграф молчал, а потом начал

отстукивать: «Потому что только Вам, Владимир Оскарович, можно верить». И адмирал Колчак приказал Каппелю принять командование.

Так началась последняя, самая трагическая страница короткой жизни генерала Каппеля. На станции Судженка, 3-го декабря 1919 года произошло последнее свидание генерала Каппеля с адмиралом Колчаком. Они проговорили наедине больше трех часов. О чем они говорили осталось тайной. Как пишет полковник Вырыпаев, Каппель после разговора с адмиралом был мрачен и молчалив. Только сказал, что адмирал предлагал ему взять для армии несколько ящиков золота из стоящего в Судженке эшелона с золотым запасом. Но он отклонил это, т. к. армии это не помогло бы, а только осложнило бы его положение. Каппель также сказал, что он уговаривал адмирала не расставаться с армией и отступать вместе с ней. Но адмирал это предложение не принял. Как видно, адмирал Колчак считал своим долгом оставаться при эшелоне с российским золотым запасом, который как-бы завещала ему Россия. Этот эшелон отступал вместе с эшелонами чехов и Союзников и другого выхода у Колчака не было. (В то время Колчак, видимо, еще верил в их честность).

Усугубляя тяжесть создавшегося положения, на имя Каппеля начали поступать телеграммы с линии железной дороги о безобразиях и небывалой жестокости чехов. Имея в своих руках силу, они отбирали паровозы у эшелонов с ранеными, а иногда, просто чтобы очистить для себя место, выбрасывали из вагонов этих раненых, а также эвакуирующихся женщин, стариков и детей. Их поезда вывозили не только свои воинские части, в их вагонах можно было видеть все, до пианино и мягкой мебели включительно. Ими, «несчастными, возвращающимися домой пленными», было вывезено, как выяснилось потом, около 30 тысяч вагонов благоприобретенных грузов никакого отношения к армии не имеющих. И это ценою того, что в замерзших эшелонах без паровозов или просто на снегу гибли многие тысячи русских раненых, детей, стариков и женщин!*)

Все это ложилось на плечи Каппеля. Он слал бесчисленные телеграммы чешским командирам. Многих из них он знал

*) Примечание: Только на пароход «Легия», увозящем чехов домой из Владивостока, в марте 1921 года, было погружено кос — 65 000 штук, сноповозок — 50 штук, жаток — 30 штук, подков — 5376 пудов, кожи для подошв — 29000 пудов, рез. колец — 80000 штук, бертолетовой соли — 3000 пудов, чаю — 8 470 пудов и дальше — мыло, перец, медикаменты, свечи, белье, тетради и т. д. (А. Котомкин «О Чехословацких Легионах в Сибири» стр. 171).

лично еще с Волги. Но ничто не помогало, бесчинства продолжались.

В довершение всего, как предел наглости и самоуправства чехов, генералом Каппелем была получена из Нижнеудинска телеграмма от адмирала Колчака. В ней сообщалось, что для пропуска чешских эшелонов движение русских поездов полностью остановлено и что чехи силой забрали два паровоза из эшелонов адмирала. Это был уже открытый враждебный выпад против русской армии и ее возглавителя. Перед генералом Каппелем встал вопрос, что ему делать. На стороне чехов были Союзники, во главе с генералом Жаненом. Выступать против чехов с оружием? Это открыло бы кроме большевиков еще новый фронт и еще более осложнило положение адмирала Колчака, находящегося в их руках.

Ген. Каппель посылает ген. Сыровому, командующему чешскими войсками, телеграмму. Копии ее он посылает адмиралу Колчаку, ген. Жанену, ген. Ноксу, главнокомандующему японскими войсками в Забайкалье, ген. Оой, атаману Семенову и другим. С некоторыми сокращениями она гласила:

«Сейчас мною получено извещение, что в силу вашего распоряжения об остановке движения всех русских эшелонов, задержан на станции Нижнеудинск поезд Верховного Правителя, с попыткой отобрать у него силой паровоз. При этом Верховному Правителю был нанесен ряд оскорблений. В силу этого же распоряжения уже потеряно 120 составов с эвакуированными ранеными, больными, женами и детьми сражающихся на фронте солдат и офицеров.

Я, как Главнокомандующий армиями Восточного фронта, требую от вас немедленного извинения перед Верховным Правителем за нанесенное вами оскорбление и немедленного пропуска эшелонов Верховного Правителя, а также отмены распоряжения об остановке русских эшелонов. Я не считаю себя вправе вовлекать измученный русский народ и его армию в новое испытание, но если вы, опираясь на штыки тех чехов, с которыми мы вместе, уважая друг друга, дрались в одних рядах, решились нанести оскорбление Русской армии и ее Верховному Главнокомандующему, то я, как ее Главнокомандующий, в защиту ее чести и достоинства, требую от вас удовлетворения путем дуэли со мной.

. . . .

Главнокомандующий армиями восточного фронта,
Генерального штаба Генерал-лейтенант Каппель».

Посылая эту телеграмму Сыровому, ген. Каппель считал, что он имеет дело с человеком, для которого кодексы долга и честь офицерского мундира не пустые слова, но на этот раз он ошибся. Ответа на телеграмму не последовало.*)

За несколько переходов до Красноярска, где Каппель предполагал, получив пополнение из свежих и сильных численно, вновь сформированных там частей, остановиться и дать отпор большевикам, было получено сообщение, что эти войска, во главе с командующим, генералом Зиневичем, перешли на сторону красных и преградили дорогу отступающей Белой армии. Опять тяжкое разочарование. Казалось бы безвыходное положение, — и спереди и сзади враги. Единственный выход — сдаваться, что и предлагали распространяемые листовки красных. Ген. Зиневич пытался вызвать к телеграфу генерала Каппеля (телеграфная связь еще не была прервана), предлагая посредничество при переговорах о перемирии с красными, на что Каппель приказал ответить, что «он с изменниками не разговаривает».

Первая попытка передовых белых отрядов взять Красноярск окончилась неудачей. Чтобы не терять зря сил, Каппель решил обойти Красноярск. Перед этим он всем, потерявшим веру, предложил итти в город и присоединиться к красным. Но веровавшие в него до конца пошли за ним.

Как пишет о тех днях в своих воспоминаниях профессор Гинс (бывший министром в правительстве Колчака): «Каппель приказал идти. Значит какой-то просвет впереди есть и, не задумываясь над тем — куда, сколько тысяч верст, с какими средствами — все мы двинулись вперед».

Вывести и спасти этих верных людей для будущей борьбы, в которую он верил, Каппель считал своим долгом.

Наступила самая тяжелая часть похода. Итти пришлось по мало населенной местности, почти без дорог, сначала по замерзшему Енисею, а потом по его притоку Кан. Здесь генерала Каппеля, сильного, молодого, полного энергии, ожидала смерть.

---

*) Примечание: Справедливости ради нужно признать, что не все чехи вели себя как ген. Сыровой. Были и исключения. Например полк. Швец, который, когда его полк, еще в 1918 году, замитинговал и отказался итти в атаку, застрелился; или полк. Прхала, который вопреки приказанию Сырового, со своим полком вместе с каппелевцами под ст. Зима (1920 г.) разбил красных.

Обыкновенно Каппель шел вместе с проводниками впереди всех. На реке Кан пришлось итти по глубокому снегу. И тут Каппель неожиданно провалился по пояс в воду. А температура была минус 35 градусов. До ближайшего населенного пункта Барга было больше 70-ти верст. Ноги сразу покрылись ледяной корой. Но он продолжал итти пешком, еле передвигая ноги, превратившиеся в ледяные поленья. Он видел единственное для себя спасение в движении. Но это не спасло, организм не выдержал. Начался озноб, жар, он потерял сознание, его положили в сани, укутавши в шинели и шубы. Только на третьи сутки пришли в Баргу. Там Каппелю пришлось в примитивнейших условиях ампутировать пятки и часть пальцев на обеих ногах. Как только он пришел в себя и когда уменьшались боли, он призывал к себе отдельных начальников. Они докладывали ему о продвижении войск и он отдавал распоряжения. Когда он убедился, что большая часть войск прошла Баргу, он решил тоже двигаться дальше. В Барге достали удобные сани, обитые мехом, но он и слышать о них не хотел. Зная, что в связи с его болезнью дух в армии упал, он велел подать себе коня. Вот как описывает это участник похода, А. А. Федорович:

> «Стиснувшего зубы от боли, бледного, худого, страшного, генерала на руках вынесли во двор и посадили в седло. Он тронул коня и выехал на улицу — там тянулись части его армии — и преодолевая мучительную боль, разгоняя туман, застилавший мозг, Каппель выпрямился в седле и приложил руку к папахе. Он отдал честь тем, кого вел, кто не сложил оружие в борьбе. На ночлег его осторожно снимали с седла и вносили на руках в избу».

Можно только удивляться небывалой силе духа и нечеловеческой выдержке. Это были последние сознательные дни генерала Каппеля. Началось ухудшение и, как добавление ко всему, двухстороннее воспаление легких. У разъезда Урей, 26-го января 1920-го года сердце генерала В. О. Каппеля перестало биться. С этого времени вся армия стала называть себя «каппелевцы». В деревянном, наскоро сбитом, гробу с почетным конвоем, продолжал свой путь со своей армией ее скончавшийся Главнокомандующий.

Перед смертью Каппель своим наместником назначил молодого генерала Войцеховского, который и возглавил отступающую армию.

Цель каппелевцев было Забайкалье, оккупированное японцами, где власть была в руках атамана Семенова. С Семеновым еще раньше как-то удалось сговориться и он даже был назначен наместником адм. Колчака в Забайкалье. Там каппелевцы надеялись передохнуть и собраться с силами для продолжения борьбы.

На дороге туда лежал Иркутск, захваченный повстанцами, руководимыми эсерами, и большевиками. Там же находились и чехи во главе с их главнокомандующим Сыровым. Там, как известно, чехи выдали адмирала Колчака эсерам, а эсеры выдали его большевикам. Там же чехи, чтобы обеспечить беспрепятственное продвижение их эшелонов в Забайкалье, расплатились с большевиками золотым запасом.

В начале февраля 1920 года подошли к Иркутску. Генерал П. П. Петров, участник похода, в своих воспоминаниях пишет: «Наши части, к моменту подхода к Иркутску, были сплошным транспортом больных тифом». В дивизии, которой он командовал, «можно было собрать 200-250 здоровых бойцов». Но несмотря на такое положение каппелевской армии, у красных и у чехов в Иркутске началась тревога. Генерал Сыровой начал переговоры с генералом Войцеховским о том, чтобы каппелевцы без боя обошли Иркутск с юга. Генерал Войцеховский согласился, но только под условием, что адмирал Колчак будет немедленно освобожден. Большевики, узнавшие об этих требованиях и не желавшие выдавать Колчака белым, на рассвете 7-го февраля его расстреляли.

Отпал главный смысл переговоров — адмирала Колчака уже не было в живых. Генерал Войцеховский, жалея своих людей, решил в бой не вступать и в ночь на 9-ое февраля, не предупреждая чехов, обошел Иркутск. Обход прошел без препятствий и потерь. Дальше, через два дня каппелевцы перешли через Байкал и оказались на территории, оккупированной японцами, т. е. в недосягаемости красных.

Так был закончен героический поход каппелевцев от Омска до Байкала, около 3.000 верст, названный «Сибирским Ледяным Походом».

Здесь, около Мысовска, Забайкалье встретило каппелевцев исключительно тепло и радушно. Для больных и раненых уже стояли наготове поезда, которые отвозили их в тыл, в Читу, и там размещали их по госпиталям. Бойцы были тоже отведены в тыл и там получили заслуженный отдых. Атаман

Семенов, как видно, всеми силами старался загладить свои большие грехи по отношению к адмиралу Колчаку и его армии.*)

Тело генерала Каппеля было отвезено в Читу и там с большим почетом и при огромном стечении народа временно похоронено.

В Чите весной 1920 года каппелевцы в последний раз столкнулись с ген. Сыровым. (Чешские эшелоны, пройдя через Иркутск, еще продолжали двигаться через Забайкалье, направляясь во Владивосток). Этот финальный инцидент произошел в штабном вагоне Сырового. Есаул А. Котомкин, бывший в то время связным между атаманом Семеновым и чехами, находившийся во время этого инцидента в штабе Сырового, пишет: «У вагона остановился конный вестовой. Вестовой затем появился в вагоне с казенным пакетом в руках и на желание адъютанта, кап. Скецеля, принять от него этот пакет, молодцевато ответил, что ему приказано передать его лично в руки Его Превосходительства, Главнокомандующего Чешским Войском, Генерала Сырового! Ген. Сыровой поднялся и принял пакет. Отдав честь по воински, вестовой удалился. Сыровой вскрыл пакет... и к нашему удивлению из пакета посыпались серебряные монеты. То бледнея, то краснея, Сыровой прочел содержание бумаги и затем передал ее мне. Я взял бумагу, в которой приблизительно стояло следующее:

Командующему Чехословацкими Войсками генералу Сыровому. Офицеры и солдаты Ижевской и Воткинской дивизий **) — посылают генералу Яну Сыровому **Тридцать серебряников — цена Крови иуды предателя.**

Дальше следовали подписи. (А. Котомкин «О Чехосл. Легионах в Сибири» стр. 148-149.

Каппелевцы не долго отдыхали. В конце апреля они были брошены против партизан Восточного Забайкалья. В июле 20-го года японцы заявили, что они покидают Забайкалье и в августе начали эвакуацию своих войск. Собственные силы атамана Семенова не представляли надежной опоры. Вся оборона огромного Забайкальского фронта легла на плечи кап-

---

*) Примечание: Конец Семенова был трагичен. В 45-ом году, когда Харбин был занят Сов. войсками, Семенов, не успевший оттуда эвакуироваться, был увезен в Москву и там повешен.

**) Примечание: Одни из самых верных Каппелевских частей, сформированных в 18-ом году из восставших рабочих Ижевского и Воткинского заводов Приуралья.

пелевцев. Генерал Войцеховский был даже назначен временно командующим объединенных каппелевских и семеновских войск. Но все таки сил не хватило и в конце октября Чита была оставлена. Перед отходом из Читы каппелевцами был вывезен гроб с останками их Главнокомандующего и в конце осени 1920 года был привезен в Харбин и там погребен в ограде военной церкви Иверской Божьей Матери у алтаря. Над могилой потом был поставлен большой черный гранитный крест, у подножья охваченный терновым венцом.

Как мне рассказывали, до последней Мировой войны здесь у могилы каждый год 28-го июля (праздник каппелевцев) совершалась панихида об упокоении раба Божьего воина Владимира. Потом за обедом, собравшихся каппелевцев во главе стола по традиции каждый год оставлялось пустое место с прибором, перед которым ставился букет белых роз.

В 1945 году Харбин был занят советскими войсками. Эти, первые пришедшие, могилу не тронули, только в 1955 году, по приказу советского консула в Харбине, памятник над могилой был снесен.

Борис Павлов.

Кадеты Каппелевцы.

Там — под бурю набатного звона,
В снеговые сибирские дали
Они мчались в горящих вагонах,
На разбитых площадках стояли.

Они пели, безумные, пели —
Обреченные в жертву Вандалу.
На их черных кадетских шинелях
Еще свежая кровь не застыла!

Красный флаг наступал отовсюду,
Русь металась подстреленной птицей...
Никогда, никогда не забуду
Эти русские, детские лица.

Н. Снесарева-Казакова.

А. В. Борщов

ЯПОНСКАЯ ВОЙНА
и ее отклики в России.
(Отрывок из манускрипта «Мои Воспоминания»)

В двадцатых числах Мая до Серого-Яра, газетным путем дошла ужасающая весть о Цусиме! Живо вспоминаю как первая телеграмма «Юного Края»[1]) приводила текст Японского сообщения о победе, пришедшего окружным путем через Лондон. — Я так горячо принял это известие, что объявил его английской провокацией и Японской ложью! — не надо забывать что со времен «Гулльского инцидента»[2]) наши отношения с Англией были более чем натянутыми. — Мы с Володей страшно волновались и считали Англию творцом очередной «утки». Но через два дня пришло «Новое Время» из Петербурга и надо было всем нам помириться с печальным фактом! — Единственными кораблями, прорвавшимися во Владивосток 14-го мая 1905 года были Крейсер «Алмаз» и два миноносца. Потом узнали, что эскадра Адмирала Зиквиста — «Аврора», «Олег» и «Жемчуг» ушла в Манилу, — где и разоружилась. Крейсер «Изумруд» выбросился на камни не дойдя до Владивостока — причину точно не помню — как будто-бы... поломка машин. Главные силы Эскадры и все линейные корабли погибли! — Раненый Адмирал Рождественский со Штабом был снят с горящего «Суворова» миноносцем «Буйный» и попал в плен к Японцам! — Но что было особо потрясающим и непонятным — это ничтожные потери Японского флота!

Еще через несколько дней уныние и горечь дошли до апогея — стал известным позорный факт сдачи Адмиралом Небогатовым кораблей «Орел» «Синявин», «Апраксин» и «Николай 1-ый». Правда, подчеркивалась доблесть Капитана 1-го ранга Миклухи-Маклая, отказавшегося исполнить сигнал Небогатова и затопившего свой «Ушаков» на глазах Японской эскадры. За сорок с лишним лет много было написано о Цусимском бое. — Причины русского поражения были многочисленны и послужили уроком на будущее и нам и всем другим флотам мира.

---

1) Тогдашняя Харьковская газета.

2) Попытка атаковать Эскадру Рождественского японскими миноносцами в британских водах Доггер-Банка в ночь с 8-го на 9-тое октября 1904 года под «завесой» английских рыболовных судов из порта Гулль.

Но мы, русские, имели хотя-бы утешение в сознании того что громадное большинство чинов эскадры Рождественского вели себя **истинными героями!** — По словам победителей японцев, всякий другой флот в подобных условиях был-бы заранее обречен на гибель. Тихоходность части устаревших кораблей и неслыханная еще в военно-морской Истории удаленность баз, сыграли тут фатальную роль. Интересующихся этим вопросом читателей я отсылаю к прекрасно написанным мемуарам князя Я. К. Туманова — участника похода и боя на «Орле»[3]) — Впоследствии мы узнали что двоюродный брат моего отца, князь Сергей Васильевич Горчаков, мичман запаса был одним из немногих, чудом спасшихся с броненосца «Ослябя».[4]) Он был тяжело контужен и подобран из воды японцами. До конца войны пробыл в японском плену. Скончался в Париже в 1930 году от последствий своей контузии.

Число погибших русских моряков в Цусимском бою превышает семь тысяч, т. е. половину всего состава Эскадры.

С начала учебного года пошли усиленные разговоры о мире с Японией.[5]) Помню хорошо как мы, кадеты, недоумевали почему Правительство считало, невозможным довести войну до победы над Японцами! — Воспитатели, очень дипломатично, конечно, старались нас успокоить, говоря что если будет мир то весьма почетный, без потери территории и... престижа на Дальнем Востоке. Много говорили о С. Ю. Витте — нашем представителе в Портсмуте. — Из частных разговоров дома я знал, что одни его «крепко» ругают, а другие, наоборот считают «восходящим светилом».

История показала нам впоследствии что обе критики увлекались, но граф Витте был несомненно Государственным человеком **далеко не заурядным.** Получив от Государя весьма трудную и деликатную миссию выйти с честью из положения, создавшегося в Портсмуте, он несомненно показал себя блестящим дипломатом и вел себя с японцами, как следовало себя вести бывшему Министру Императора Александра III-го — иначе говоря, был тверд как кремень! — И это — его историческая заслуга! А ругала его главным образом «дворцовая камарилья», зная хорошо что Витте, человек волевой и неподкупный, сам ее презирает и считаться с нею не на-

---

3) «Мичмана на войне» — издания — Прага 1930 год.

4) С «Ослябя» спаслось два офицера и шестьдесят матросов из экипажа свыше семисот человек.

5) Он был заключен в Портсмуте (САСШ) 25 августа 1905 года ст. ст.

мерен. Многие упрекают Витте за его тяжелый характер и резкость суждений. — Но ведь он был человек старой школы Александра III-го — идейный сторонник Просвещенного Абсолютизма, — льстецом и царедворцем, С. Ю. Витте рожден не был.[6]) Будь Витте жив в 1917 году — Покойному Государю Николаю Александровичу отрекаться от Власти не пришлось-бы. — В этом я глубоко уверен!

В исторической перспективе полу-века мне хочется все-же высказать читателю некоторые мои мысли, касающиеся злополучной войны с Японией 1904-1905 года.

Возраст мой тогда не позволил мне быть ее активным участником, но выйдя потом в войсковую часть, проделавшую эту кампанию, я от старших товарищей моих узнал многие подробности, даже не попавшие в печать той эпохи. — В сущности, единственным подробным описанием Манчжурской войны нашей, остались лишь мемуары ген. Куропаткина.

Мне пришлось их просматривать, но не читать подробно. Субъективность автора бьет в глаза с первых же глав!

Ценны мемуары полковника фон Гедке — германского военного Представителя при Штабе Главнокомандующего. Пришлось читать их интересные выдержки в переводе. Сэр Ян Гамильтон был всю войну при Японском Штабе и его резкая критика очень пристрастна японцам и мало продумана. — Генерал Куропаткин больше всего подчеркивает трудности, связанные с отдаленностью театра войны, от главных баз Империи. — Действительно, сосредоточение войск и их снабжение обеспечивалось лишь весьма растянутым одноколейным путем Сибирской магистрали. Кругобайкальский обводный путь был лишь в стадии окончания, хотя работы велись очень энергично и успешно по инициативе князя М. И. Хилкова. Однако, мы знаем примеры других войн, где удаление баз было огромно — предшествующую Русско-Японской — войну англичан в Трансваале . . .

Куропаткин выставляет в особо-неприглядном свете личности своих ближайших помощников, считая что вообще командный состав был не на высоте. На это можно возразить опять же, ссылаясь на указанные выше войны, что недостатки части командного состава англичан и французов в Крыму, и англичан в Южной Африке **общеизвестны,** что однако не помешало довести эти войны до успешного конца.

---

6) Хотя по матери и принадлежал к старой аристократии.

В широкой публике прочно укоренилось, было, мнение что мы уступали Японии в вопросах **вооружения.** И характерно — многие любили подчеркивать что это старая, мол, история: Россия всегда была хуже вооружена чем ее противники — ссылка на Крымскую и последнюю Турецкую войны.

— Так-ли это? Наша трех линейная винтовка ни капли не уступала Японской шестимиллиметровой Арисака, а полевая артиллерия русская была **скорострельная** (образец 1900 года) с приспособлениями для раздельной наводки, — иначе говоря, стрельбы с закрытых позиций. Японский полевой лафет был старого образца для «ускоренной стрельбы» и, конечно, уступал нашему системы ген. Энгельгардта. — Правда, Японцы широко применяли бризантную гранату (пресловутую «Шимозу»)[7]) наша же артиллерия ограничивалась шрапнелью с трубкой двойного действия.[8]) Однако в 1905 году в Манчжурию были посланы уже отличные скорострельные гаубицы (Крупповские и Обуховские, образца 1904 года) с мелинктовой 48-линейной бомбой сильнейшего фугасного действия. — Наконец, у нас было уже некоторое количество пулеметных рот системы «Максима» — у японцев автоматического оружия, как будто бы, не наблюдалось.

Как же можно серьезно говорить о недостатках русского вооружения? Все это очередной миф, пущенный, пожалуй, в оборот революционной пропагандой!

Теперь обратимся к сравнению сил, выставленных Россией и Японией в Манчжурии. — У Японцев кадровый состав армии был в 13 дивизий, правда автономных, усиленного состава. — Если и были новые формирования, то скорей резервного типа. Финансовое положение Японии не позволяло ей вооружить очень большой состав армий, несмотря на английские субсидии.

Русские войска на Дальнем Востоке в начале войны представляли собою состав трех Сибирских корпусов. С начала лета 1904 года они были усилены прибытием в Манчжурию из Киевского и Московского Округа двух армейских корпусов — 10-го и 1-го. Одновременно шло формирование 4-го и 5-го Сибирских Корпусов, если не ошибаюсь, из состава

---

[7]) Японский «секрет» — Шимоза оказался простейший «три-нитро-фенолом» т. е. мелинитом.

[8]) Очень большая начальная скорость нашей трехдюймовой пушки делала опасной применение старой ударной трубки 1884 года. — Изобретение-же нового взрывателя шло — надо сознаться — весьма медленно......

развернутых резервных бригад Казанского Округа. Недостатком их были старые сроки службы призванных туда запасных нижних чинов. — Затем к концу лета 1904 года в Манчжурию прибыл 8-ой корпус из Одесского Округа, а следом за ним 1-ый армейский из Петербургского. — К началу 1905 года Куропаткин получил еще 16-ый Корпус из Виленского Округа, затем стрелковые бригады (числом не помню) из Одессы и Варшавы. — Правда, из регулярной кавалерии было послано на фронт только два драгунских полка из Орла — 51-ый Черниговский и 52-ой Нежинский. — Главная масса конницы там состояла из казачьих частей — Забайкальских, Уссурийских, части Донских и бригады Терского Войска. — Японская кавалерия представляла **ничтожную** величину, как по численности, так и по качеству своему. Итак, от явно дефицитной массы в начале кампании, наша Армия в Манчжурии достигла равенства с японцами примерно к Августу (Лао-Янское сражение) и несомненому перевесу к концу года, принимая во внимание многочисленную конницу — Корпуса Ренненкамфа и Мищенко.

Кстати о последнем: молва делала ему большую рекламу. На деле он не был даже кавалеристом — командовал раньше артиллерийской бригадой. Полковник Гедих дает очень суровую критику его знаменитого «рейда» на японский тыл в Инкоу. — «Набег» делался по 20 верст в сутки, т. к. конница тащила за собою безконечный обоз!

Кстати, генерал Мищенко в 1914 году окончательно оскандалился в роли командира 2-го Кавказского Корпуса на Северо-Западном фронте, был отставлен и о нем скоро все забыли.

Причину неудач Японской кампании нужно искать только в **ошибках Главного Командования.** — Если отход после Тюрингена, Вафангоу и Дажичао был вынужден недостатком сил на растянутом фронте, то Лао-Янское отступление было **непростительной** ошибкой Куропаткина! — Был пропущен прекрасный момент верного разгрома генерала Кураки, оторвавшегося от главных сил Маршала Ойяма, в своем, крайне рискованном обходном движении. — «При Куропаткине не оказалось Скобелева» — по меткому слову старика Драгомирова! Шахейское наступление в сентябре велось «нехотя» — больше для успокоения общественного мнения Петербургских верхов. После этого в начале 1905 года Сандепу

— опять таки «симуляция» наступательного маневра и, наконец, скандальный Мукден — повторение Лао-Янской бездарной тактики!

Смена Куропаткина Линевичем была «переменой кукушки на ястреба». Линевич, хоть и старый «сибирец», популярный в известной части Сибирских войск — был человеком совершенно необразованным — близко даже не видел Академии и выслужился почти из фельдфебелей! Суворов несомненно назвал бы, с того света, стратегию Куропаткина — «подлой обороной»! — Впрочем через 35 лет французская Ставка придерживалась той-же концепции с линией Мажино!

Так обстояло чисто военное положение на Дальнем Востоке ко второй половине 1905 года. Морская кампания была проиграна после неизбежной сдачи Порт-Артура и, увы **неизбежной** же Цусимы.

Однако были-ли действительно серьезные основания русскому Правительству считать войну с Японией **безнадежно** проиграной? — На это я отвечу так: с точки зрения военной основания эти были **конечно спорны.** — Россия послала на Дальний Восток едва одну пятую своих европейских, кавказских и туркестанских корпусов и одну тридцать шестую долю своей регулярной кавалерии. — Конечно надо учесть необходимость охраны русских границ и внутренней территории. — По первому вопросу надо признать неосновательность опасений быть застигнутым врасплох — настроения Германии мною уже подчеркнуты были в главе 35-ой. — По второму вопросу можно, конечно, спорить. Революционное брожение в годы 1904-1905 было фактом несомненным. — «Черный передел» волновал крестьянские массы. Однако для охраны территории не нужно было 24 корпусов кадрового состава нашей Армии за вычетом 5-6 ушедших в Манчжурию. — Так, либо иначе, а средства Русской Империи для дальнейшего усиления Манчжурского фронта были еще вполне достаточны! Граф Витте, в своих «Воспоминаниях» говорит заведомую неправду, ссылаясь на то, что большая часть войска в 1905-1906 году отсутствовала из Европейской России, якобы занятая на Дальнем Востоке! Это, увы, одна из многих тенденциозностей его мемуаров — скажем, слишком персональных!

Но как обстоял вопрос с точки зрения **политической?**

В области внешней политики продолжение войны с Японией было безусловно необходимым и до победного конца

— раз мы решились эту войну начать и, скажем, даже по пустяковому делу Ялуйских концессий. — Со времен Александра III-го Европа очень внимательно и ревниво следила за развитием русской военной мощи — и сухопутной и морской. — Программа Царя-Миротворца, арбитра мировой политики, не на шутку беспокоила Англию и Бисмарковскую Германию. — Надо было, в первую очередь, **беречь русский престиж** в глазах народов Европы и Азии.

Если наше Правительство считало, что внутренняя склока общественного мнения и бунтарские поползновения части рабочих и крестьянских масс являются психологическим препятствием к продолжению успешной борьбы с внешним врагом — Японией, за спиною которой была, несомненно, Англия, то скажу смело — это было еще большей психологической-же ошибкой правящих сфер!

Не так рассуждали Государственные мужи Викторианской Англии в 1854 году и в 1899 (Трансваале).

Временные неудачи не могут идти в счет решения капитальнейших вопросов государственного престижа крупных мировых держав. Лучшим средством успокоения общественного мнения и пресечения революционных попыток известной доли населения было-бы, кончно, доведение войны до конца, требуемого национальным достоинством! — Демонстрация силы во внешней политике сама собою являлась-бы показателем таковой-же в делах внутренних. И странно... что граф Витте избегает высказать этот взгляд «государственного мужа» в своих мемуарах. Кажется порою, что он это делает как бы из духа принципиального противоречия!.. Витте упоминает о существовании летом 1905 года плана доведения Манчжурской армии до миллионного состава и подчинения всей этой внушительной массы Великому Князю Николаю Николаевичу.

Жалко, что эта прекрасная мысль не получила осуществления!..

Как будто-бы препятствием были признаны какие-то соображения характера технического и финансового. Теперь после результатов Второй мировой войны легко можно себе представить в какое критическое положение попала-бы тогда «скороспелая победительница» — Япония! — Не понадобилось бы атомной бомбы для полного окружения ее трех армий, отрезанных от Кореи двойным превосходством рус-

ских сил, да еще с многочисленной регулярной конницей на флангах. — Получились бы «Канны» Шлифферна! [9]).

Можно с уверенностью сказать что 1-ая Мировая война и все с нею связанное для нашей несчастной Родины было бы, конечно, избегнуто!

Уже к концу сентября настроение в России стало совсем тревожным. Ходили слухи о крестьянских и рабочих беспорядках в провинции. Москва вела себя вызывающе. С октября начались забастовки, сперва на заводах и шахтах, а затем они перекинулись на все железные дороги. — 1-го октября появился знаменитый манифест о созыве Думы и дарование разных свобод. — Я ясно помню, что никакого успокоения он не внес — по улицам Петербурга ходили бесчисленные манифестации. Из окон ротного зала мы видели раз толпу, шедшую по улице Кадетской и 1-ой линии,[10]) с красными тряпками на палках. На них было что-то написано мелом. Полиция отсутствовала. Однако в конце октября толпа пыталась строить баррикады неподалеку от нас, кажется между 4-ой и 5-ой линиями. — Были вызваны войска и я ясно помню, как мы слышали один-два залпа. После этого в Петербурге появились многочисленные разъезды гвардейской кавалерии и все перекрестки ими охранялись совместно с пехотой. Помню как у главного водопровода на Шпалерной улице, против Таврического Сада, ездили патрули Кавалергардов, а на углах стояли пулеметы на высоких лафетах со вложенными лентами. — 2-ая Гвардейская кавалерийская дивизия была собрана в Петербурге из окрестностей на усиление казачьей и Кирасирской бригад, постоянного гарнизона столицы. Целый эскадрон Конно-Гренадер размещался в нашем Корпусе, где, во внутренних дворах сохранился еще манеж Николаевских и Александровских времен. — В нем устроили конюшню. Где разместили солдат — точно не помню. Свободных помещений в громадном корпусном здании расширенного Меншиковского Дворца было еще много. Вспоминаю,как мы ходили иногда, небольшими группами, с позволения Забелина, смотреть в манеже чудных вороных лошадей.

---

[9]) Ученый труд по стратегии графа фон-Шлифферна анализирующий тактику Ганибала во Второй Пунической войне с Римом — его победа при «Канах».

[10]) На Васильевском Острове улицы носили название «линий» Линией была панель одной стороны, так что на улицу приходилось их две. — 1-ая линия была спарена с Кадетской, вдоль нашего Фасада.

Однако городская жизнь стала течь нормально — магазины были открыты, трамваи ходили регулярно. Нас увольняли в отпуск без каких-либо ограничений, но со строгим приказом никогда не смешиваться с толпою. — Занятия шли нормально. Штатские учителя держали себя скромно — вероятно получили должное внушение от Инспектора — полковника Квадри. — Однако я помню, как историк Новодворский, правда по просьбе самых кадет, на одном из уроков все-же прочитал некоторую лекцию, на политические темы, нас, естественно, интересовавшие. — Сделал он это вполне корректно, спокойно без всякой демогогии, разъяснив как следует понимать «конституционные свободы».

Офицеры-воспитатели обычно избегали щекотливых тем в разговорах с кадетами, касающихся причин неудачной войны и **вырванной** у Правительства, конституции.

Думаю я теперь, что иначе они поступить и не могли, чуя во всех, разразившихся к концу 1905 года событиях, и ненормальность, и чреватость жуткими последствиями, в будущем!

Мне хочется дать читателю известную картину настроений, которыя я, шестнадцати-летний юноша тогда, наблюдал у разных представителей старшего поколения.

Считая, что возврат к прежней, абсолютной форме Правления уже стал невозможным, Витте силился чем мог остановить дальнейшее «углубление революции» — иначе говоря ввести порядок и успокоение умов в рамках новых «конституционных» форм.

— Такова была, в сущности, и воля Государя Императора. — Однако революционные настроения известной и немалой части русской интеллигенции далеко не были удовлетворены реформой 1905 года. — Скажу кстати: — широкия массы ужасно злоупотребляли термином конституция, считая это слово как-бы антитезой прежнему самодержавному режиму. Вдумчивое отношение к этому термину должно было-бы пояснить всем и каждому что слово «конституция» — это латинский термин, указывающий на «государственное устройство» всякой страны в противоположность **анархии**. — В Истории народов, конечно, различного рода конституции не начинались только с Кромвеля и французской революции 1789 года!..

Либеральные круги пробовали установления у нас еще «Парламентарного» режима, на подобие английскому и со-

става Правительства из членов большинства Государственной Думы, только перед нею ответственного. — Забывали, что подобная система в основе нарушала вековой принцип Государственного Права, — верней Юридической науки о нем — о разделении **властей**.

— Я не говорю уже о том, что вдумчивое отношение к примерам Запада должно было-бы указать нашим «горе-либералам» что там на Западе, далеко не так уже все обстояло благополучно, как оно казалось на первый взгляд русским туристам, любившим обогащать «заграницу», русскими кровными рублями!..

Кроме того наши «либералы» считали своей неотъемлемой собственностью право именоваться «прогрессистами», как бы отрицая право за прежним режимом каких-либо культурных достижений в прошлом. — Не стоит даже говорить о том, что это было полным и бесстыдным искажением всей нашей Истории Императорского периода!..

Трагедия графа Витте заключалась в том, что он сразу попал под «перекрестный огонь» критики **справа** и **слева**. Правые публицисты нападали на его «конституцию»[11]) считая ее «демагогической уступкой» массам, тогда как, мол, нужно было ограничиться только первым ее проэктом Булыгина, основанном на законосовещательном принципе Лорис-Меликова [12]). — Левые метали громы и молнии за то, что Витте категорически отвергал всякую идею парламентаризма в западном его понимании. Не желая прибегать к слишком крутым мерам репрессии, Витте подал в отставку. — В 1906 году его заменил П. А. Столыпин, которому Россия и обязана была полным восстановлением порядка к 1909 году. Правда этот замечательный в истории государственный деятель заплатил за это своей жизнью в сентябре 1911 года!..

А. В. Борщов

---

[11]) Текст конституции 17-го октября 1905 года составлен по первоначальному проэкту, измененному в окончательной редакции Гр. С. Ю. Виттэ.

[12]) Известный проэкт конституции 1881 года Гр. Лорис-Меликова, подписанный утром 1-го Марта Императором Александром II за несколько часов до покушения на Него, но не принятый Его Преемником Александром III.

ОТ ПУШКИНА — ВДАЛЬ...

Он был самой светлой ступенью
В восхожденьи до этих дней.
Он склонился ласковой тенью
При рожденьи Музы моей.

Легким словом, мыслью глубокой
Смуглый мальчик душу обжег,
Всей любви моей стал истоком
И в основу всей жизни лег.

А потом ступени другие
Уводили вперед меня...
Разве мало было в России
Зажжено святого огня?

Пусть судьба не шутила с нами,
Удалив от родной земли,
Нашей русской культуры пламя
Эстафетой мы вдаль несли.

Да и быть не могло иначе,
Хоть потерян родимый дом,
Если мысль Чайковского плачет
И сейчас под каждым смычком.

Если наше вещее слово
Озаряет любую тьму,
Достоевского и Толстого
Дарим щедро миру всему.

И ничто вовек не потушит
Вдохновенья, мыслей и сил...
...Мы России вечную душу
Донесем до наших могил.
1959 г.

Нонна Белавина

ЗНАМЯ ЛЕЙБ ГРЕНАДЕР.

В последнем номере «Кадетской Переклички» редактор Н. В. Козякин поднял интересную тему о том как жило, во что верило и на что надеялось наше «незамеченное» поколение детей и внуков белых воинов. Были приведены выдержки из книг Февра и Казанцева, говоривших о тех, кто сумел сохранить себя полностью русскими, без признаков ассимиляции в чужой среде, что было относительно легко в Югославии, с сохранившимися корпусами, институтами, гимназией, русским домом, всевозможными курсами, даже академической группой. В других странах это было много труднее, но и там наши сверстники, вливаясь в жизнь чужих народов, становясь французами, немцами или американцами хранили в душе что то русское, не отрешались от русской культуры.

Одним из лучших представителей этой группы бесспорно является знаменитый французский писатель, заслуживший премию Гонкуров, «бессмертный», как называют во Франции членов Академии — Анри Труайа, прибывший на новую родину мальчиком Андрюшей Тарасовым. — Как то, копаясь в книжках у букиниста, нашел я скромно изданный на испанском языке томик этого писателя под интригующим названием «Иностранцы на земле». Полистал, увидел много русских имен и фамилий, купил, принес домой и прочел, почти не отрываясь.

Оказалась эта книга третьим томом большой эпопеи, начинающейся до первой войны еще в России, описывающей переживания большой семьи в военное, революционное и беженское безвременье, при чем действия моего третьего тома происходят уже в Париже. Книга безусловно автобиографична. Чудно описаны сомнения, переживания, горечь русского ученика французской гимназии, где его третируют как предателя и изменника за брест-литовский «похабный» мир. Очень хорошо его детское горе при семейных неурядицах, при наблюдении за тем, как отец, бывший хозяин огромной ткацкой фабрики в России, теряет состояние по вине недобросовестного компаньона и превращается в скромного торговца галантереей. Трогательно и его сочувствие дяде, Александрийскому гусару, доблестному полковнику, ставшему рабочим на автомобильном заводе.

Книга начинается с приезда полковника в Париж. В первое же воскресенье направился он в церковь и там встретил однополчанина, унтер-офицера, уже обзаведшегося автомобилем-

такси и женой француженкой. Отделавшись от последней, унтер приглашает полковника на рюмку водки и пирожок, в тот самый ресторанчик напротив церкви, что существует и поныне. Потом едут они. с лихими виражами, по парижским улицам, во временное пристанище полковника, дом его зятя, отца мальчика, который тоже их однополчанин, т. к. во время войны был «вольнопером» у бессмертных гусар. Так создалось объединение александрийцев, возглавляемое старшим — полковником, в которое постепенно вливались и остальные черные гусары. После многих перепитий полковник осел в Париже и даже выписал из России сестру. Постепенно их маленькая квартира превратилась в полковой музей, где помимо фотографий, указов и послужных списков оказались и чакширы, сапожки с розетками, черный доломан и фуражка с алым околышем. Были собрания, полковые встречи на праздники, молебны, панихиды. Но время шло и ряды все больше редели.

Почувствовав что и ему близок переход в иной мир, обратился полковник во французский военный музей с предложением передать ему собрание александрийских реликвий. Французы приехали к нему на квартиру, посмотрели на все имущество, пожали плечами и сказали, что в доме Инвалидов места нет и для французских исторических форм и регалий, а о русских и говорить нечего. Все же, если полковнику это угодно, он может сложить все в ящик, заколотить его и привезти для хранения в каком-нибудь подвале. Так и осталось все собранное на квартире полковника.

Потом скончался и полковник, а среди его однополчан не оказалось никого, способного принять музей и возглавить объединение. И все же музей существовал, а маленькая группа александрийцев продолжала собираться по праздником, служить молебны и панихиды и петь несравненные песни черных гусар под водительством сестры полковника, принявшей на себя негласное руководство ячейкой полка, с которой ее связала память о брате. На этом томик кончается к моему огромному огорчению, ибо такого трогательного описания близкой мне жизни русских офицеров в изгнании, я пожалуй не встречал. Вот вам и француз русского происхождения.

Теперь у всякого читающего эти строки возникает вопрос: а причем же тут знамя лейб-гренадер? Потерпите, доберемся и до знамени, хотя подход к нему будет совсем из другого угла.

В прошлом июле состоялся долгожданный седьмой кадетский съезд в Буживале под Парижем. О том, как хорошо прошел съезд, написано много и повторять не стоит. Перейду к тому, что непосредственно связано со знаменем.

Устроители съезда кормили нас в большой столовой отеля, состоящей из трех смежных комнат, в каждой из которых стояло по несколько столов.

Компанионом по нашему, уютно расположенному в первой комнате столу, оказался пожилой господин, передвигавшийся с двумя палочками, назвавший себя поручиком Александром Николаевичем Кондратовичем. Мне место досталось точно напротив господина поручика, т. ч. познакомиться, подружиться и наговориться досыта нам удалось вполне.

Александру Николаевичу 83 года. Он вице унтер офицер Второго Корпуса, основанного Великим Петром, старейшего из всех корпусов, но по какой-то забытой причине уступившего свое номерное первенство детищу Императрицы Анны Иоанновны. Окончив Корпус и стремясь на фронт, Ал. Ник. не прошел полный курс училища, а удовлетворился ускоренным и вышел в Лейб Гвардии Гренадерский полк, в котором окончил войну, сражался в Белой Армии, сидел в Галлиполи. Добравшись до Парижа, взялся гвардии поручик за руль такси и проездил на нем долгие годы эмиграции, пока силы позволяли. А сейчас на пенсии, живет с супругой в городке Кламаре и повторяет слова Спасителя: «дух бодр, плоть же немощна».

Перед прибором Ал. Ник. всегда стояла синяя с красным кантом и желтым трафаретом «Петрус Примус» флюгарка и мы неизменно поднимали стаканы за его Старейший Корпус, за мой родной Крымский и за Константиновский, чьи погоны носил я год, а большинство сотрапезников и всю свою кадетскую жизнь. Потом доходила очередь до Лейб Гренадер и мы с господином поручиком, под сурдинку, но дружно пели «Где не пройдем, там ляжем — умрем».

Кончился съезд, прошла приятная поездка «галопом по Европам», добрался я до своего логова и по установившейся привычке принялся за пространное описание всего виденнаго и пережитого, что делаю ежегодно для поддержания связи с многочисленными искренними друзьями, рассеянными по земному шару, но никак не расторгнутыми. Пришло время рассылать письмо и тут, очень своевременно, наш отчетливый секретарь позвонил мне по телефону, сообщил,

что вспоминает меня поручик Кондратович и продиктовал его адрес. Копия письма пошла и в Кламар.

Не прошло и трех недель, как обнаружил я в своем почтовом ящике целый пакет, прибывший из Кламара. Было в нем три письма, фотография корпусного знака Второго Корпуса и копия картины с изображением Отца Отечества Императора Всероссийского — основателя, ноты, меню годового ужина Лейб-Гренадер в 1933 году, с подписями всех присутствующих и краткое описание жизни полка со дня его основания.

Зрение Ал. Ник. оставляет желать много лучшего. Сидеть за машинкой ему тяжело, писал он видимо урывками. Приведу первое из писем. «Дорогой Владимир, получил Твое жизнеописание и сразу окунулся в Твое путешествие. Молодцы Вы, наша смена, действительно «рассеянные, но не расторгнутые». Старику в 83 года, как я, очень трудно все перепечатать, а главное, выйдет тоже самое — ошибки и пропуски. Посылаю ноты и слова марша моего полка. Пойте, Крымцы, и вспоминайте меня старика. Привет всем Вам, кадетам Югославии. Крепко Тебя обнимаю. Кадет 205-го выпуска, 1917 года А. Н. Кондратович.

Второе письмо посвящено описанию парада Второго Корпуса в 1912 году, по случаю его двухсотлетнего юбилея, в Павловском манеже в Петербурге в присутствии Государя. Ал. Ник. стоял в строю своей третьей «Светлейшего Князя Голенищева Кутузова Смоленского» роте, о которой кадеты Первого Корпуса острили, что ей на погоне, вместо вензеля, полагается носить голенище. Не знал я и того, что первая рота Старейшего носила вензеля Вел. Князя Михаила Павловича, а вторая Вел. Князя Михаила Николаевича, т. ч. все три роты были шефскими.

Приведу выдержки из жизнеописания Лейб-Гренадер. Основан полк в 1756 году Императрицей Елизаветой из гренадерских рот десяти других полков. В 1775 году Императрица Екатерина повелела «именовать полк, как первый по его степени, Своим Лейб Гренадерским полком» и изволила «принять в нем звание Полковника». Отсюда гренадеры в своем марше называют полк «сыном Елизаветы» и «полком Екатерины» одновременно. В 1813 году Лейб Гренадеры получили права молодой гвардии, а в 1831-ом и старой. Полк сражался в Пруской войне 1757-1761 годов, Турецкой (1769-73) под командой Суворова, участвовал в Финском походе

1789-90), Австро-Прусском (1805-07), Шведском 1808-09), в Отечественной войне (1812-14), в Персидском походе (1826-27), Турецком (1829-30), усмирении Польши (1830-31) и Венгрии (1849), в освободительной войне с турками (1877-78) и Первой мировой (1914-17).

Императоры щедро награждали своих «ратных доблестных бойцов». Имел полк Георгиевские знамена, Андреевскую юбилейную ленту, серебрянные трубы, знаки на кивера, но самой необычной наградой, дарованной в 1775 году были аксельбанты на правое плечо, золотые для офицеров, желтые гарусные для гренадер.

При образовании Добровольческой Армии, Лейб Гренадеры первоначально в составе восемнадцати офицеров, проделали Ледяной поход, под сенью седого знамени. Затем, развернувшись последовательно в роту и батальон сводных частей Гвардии, доблестно сражались до конца Белой борьбы, потеряв убитыми и умершими от ран 24 офицера. Эвакуация, Галлиполи, Болгария и, наконец, рассеяние по разным странам. Большая группа осела во Франции, сохраняя твердую связь со всеми однополчанами, приняв на себя хранение святыни полка — знамени, верности России и полковых традиций. К этой группе принадлежал и поручик Кондратович.

Несомненно ячейка Лейб Гренадер жила точно так же, как и Александрийцы, описанные Труайа. Полковые праздники, молебны с поминовением усопших, встречи, скромные застолья, неизменное пение полкового марша. Доказательством тому — меню ужина в Апреле 1933 года: hors d'oeuvres variés, poisson à la gelée, escalope viennoise, parfait auberge, café. На обложке портрет Императрицы основательницы, на обороте подписи участников, начиная с почетных гостей Генералов Миллера, Шатилова, Витковского, на последней странице полковой марш, с прибавлением в скобках «Старый Екатериненский». Обложка полу-картонная, меню напечатано на машинке под копирку и закреплено синим шнурочком. Бедно, скромно, но сколько любви вложил в свой труд офицер, приготовивший этот подарок однополчанам к полковому празднику.

А потом начали редеть ряды Лейб Гренадер, так же как и других Белых воинов, как редеют теперь и наши кадетские ряды. В своем третьем письме Ал. Ник. пишет: «Еще раз дорогой Владимир, посылаю Тебе ноты и слова нашего полкового марша. Я последний Лейб Гренадер, мои сыновья

ушли в свою другую жизнь и их это совершенно не интересует. А поэтому мне бы хотелось, чтобы Ты и все Крымцы пели бы марш моего полка и наиграли его на пластинку. Думаю, что Тараканов примет в этом участие». Ал. Ник., видимо, полагает, что все заграничные кадеты были Крымцами, наслушавшись за столом наших воспоминаний именно об этом Корпусе. Остальная часть письма посвящена судьбе гренадерского знамени. В силу немощи Александра Николаевича, написана она схематично и я передам ее своими словами.

В начале века, задолго до Первой мировой войны, Король Англии Эдуард VII нанес визит Государю Императору. Как всегда, Короля сопровождал конвой гренадер, тех самых, что в больших медвежьих шапках и алых мундирах несут караул у Букингемского дворца и поныне, собирая толпу народа у решеток в часы развода. Естественно, Лейб Гренадеры Его Величества Императора Всероссийского принимали в своем собрании и на домах Гренадер Короля Английского и сделали все возможное, чтобы пребывание последних в Петербурге было наиболее приятным. Завязалась между-полковая дружба. Русские Гренадеры, бывая в Англии, посещали английских, по почте и телеграфу шли поздравления с праздниками и связь не терялась вплоть до начала войны. Уже в эмиграции, возглавители объединения Лейб-Гренадер почли необходимым восстановить связь с полком-другом и обмен поздравлениями и приветствиями шел теперь по реляции Париж-Лондон и обратно.

Эдуард VII был женат на сестре Императрицы Марии Федоровны, т. ч. Государь был двоюродным братом Короля Англии Георга V, вступившего на престол в 1910-ом году. Отсюда их разительное сходство. В 1936 году Король Георг скончался и на короткое время престол занял его старший сын Эдуард VIII, в том же году отказавшийся от своих прав, Чтобы жениться на разведенной. Королем стал его брат, Георг VI, отец теперешней Королевы Елизаветы, которая т. о. является внучатой племянницей Государя.

Помня о старой дружбе, приняв во внимание родство шефов двух полков — товарищей по оружию, решили русские Лейб Гренадеры просить английских друзей принять на хранение в своем музее их святыню — знамя. Ответ был принципиально положительным, при чем англичане предложили организовать встречу для выработки церемониала передачи

знамени. Встреча состоялась на квартире Великой Княгини Ксении Александровны, сестры покойного Государя и дальней бабушки Королевы Елизаветы. Одним из вопросов был о том, как будут одеты русские гренадеры, чтобы определить форму одежды для гренадер английских. Что могли ответить на такой вопрос парижские рабочие, шоферы, мелкие служащие? Жакетов, фраков или смокингов у них не было и пришлось сообщить, что будут они в обычных костюмах. Англичане ответили, что в таком случае и г. г. офицеры будут в каждодневной форме и лишь оркестр и рота, назначенная для принятия знамени, будут в парадной форме. Был выработан и текст договора о том, что полк Гренадер Ее Величества Королевы Английской принимает на хранение в своем музее знамя русского Лейб Гвардии Гренадерского Его Величества полка и обязуется передать его представителям русского национального правительства, когда таковое будет установлено.

В назначенный день у ворот Виндзорского замка русских офицеров ожидали два офицера английских в обычной форме, а во дворе была построена рота и оркестр в красных мундирах и медвежьих шапках. Перед оркестром стояли барабанщики, «без которых англичане не могут», как пишет Ал. Ник.

Впереди русской группы шел старейший Лейб Гренадер, за ним знаменщик при двух ассистентах, были ли при этом еще другие офицеры, Ал. Ник. не пишет. Рота взяла на караул, а оркестр грянул старый марш русских гренадер «Славься лаврами покрытый, древний боевоей, славься ныне именитый, славься полк наш родной». От строя, на встречу русским, шел командир и офицеры английских гренадер. Перед барабанщиками две группы встретились и старейший русский офицер, после короткой речи, передал командиру полка знамя, которое и было отнесено в музей в сопровождении почетного караула. Офицеры же, хозяева и гости, под звуки марша английских гренадер направились в офицерское собрание, где состоялся акт подписей договора о передаче знамени, а затем был сервирован завтрак. «Англичане постарались; все было отлично, почти что, как раньше». пишет участник этого события поручик Кондратович.

Так обрело свое «место покойное» знамя одного из славнейших полков исторической России, избежав участи боль-

шинства реликвий, коллекций и собраний, так тщательно накопленных и так бережно хранимых воинами и потомками воинов Белых Армий.

Огромное дело творит общество «Родина», организовав и поддерживая свой музей в Ховеле (Н. Джерси), низкий поклон его бессменному куратору, товарищу-кадету В. Стеллецкому. Туда и перешлю я все присланное А. Н. Кондратовичем, что горячо рекомендую сделать, всем, кто хранит на руках любые документы, связанные с прошлым России и ее последних защитников — Белых воинов. Это безусловно нужно выполнить, чтобы спасти для будущей России правду о былом, так злостно искаженную теперешними властителями нашей родины с вольной или невольной помощью их приспешников по обе стороны границы.

Владимир Бодиско

МАРШ ЛЕЙБ ГВАРДИИ ГРЕНАДЕРСКОГО ПОЛКА

Славься лаврами покрытый, древний, боевой,
Славься ныне именитый, славься полк наш родной.
Ты хранил отцов заветы, помнил честь и долг,
Славься сын Елизаветы, славься храбрый полк.

Припев: Встречи в боях страшился с ним враг.
Ты в тяжелые годины первым в битвах был,
Славься полк Екатерины, полк могучих сил,
Славься древний, боевой,
Славься лаврами покрытый, славься полк наш родной.

Гордо славные знамена реют над тобой,
Славься полк, защитник трона и земли своей родной.
Ореол победных зарев честен твой венец,
Славься ратный государев доблестный боец.

Припев.

И ведем мы след кровавый в битвах за собой,
Пусть не много нас осталось, мы не дрогнем душой
И инако гренадерам невозможно быть:
Аксельбант нас призывает пасть иль победить.

Припев: Где не пройдем, там ляжем-умрем.
Ты в тяжелые годины первым в битвах был,
Славься полк Екатерины, полк могучих сил.
Славься древний, боевой,
Славься лаврами покрытый, славься полк наш родной.

НАШ ВЫБОР.

Может быть для архива, который отметит период времени от исхода с родины, до еще одной миграции, из Европы за океан, той части русского народа, которая или только родилась в России или ее представители еще совсем молодыми приняли участие в последних трагических актах исторической империи. Для истории важно узнать психологию этого «класса» к которому принадлежали кадеты российских, а в последствии зарубежных корпусов.

Последние кадеты, служившие в частях Русской Армии. (Так была официально названа Добровольческая Армия в Крыму) по приказу главнокомандующего, генерала барона Врангеля, были собраны в Крымском Кадетском Корпусе, состоящем из кадров эвакуированных Петровского Полтавского и Владикавказского корпусов. К полтавцам присоединялись кадеты из южных и северных корпусов, главным образом одесского, киевского и сумского, а к владикавказцам тоже случайные тифлиссцы и ташкентцы.

В полтавской части корпуса, в первой роте — седьмом и шестом классе, не было кадет не служивших в армии, а заслуживших георгиевские отличия, в шестом классе было больше половины состава. Эти, случайно оставшиеся в живых представители специфической части русской молодежи воспитанные на гениальных духовных началах преподанных Великим Князем Константином Константиновичем были фанатическими патриотами своей родины веря, в ее исторические традиции и отрицая разрушительные интернациональные лжеучения.

В лагере Стернище, за два года пребывания там Крымского Корпуса, вся духовная жизнь кадет проходила или под зна-

ком надежд на «ближайшую весну», когда русская армия из Галлиполи, потом с рудников в Болгарии или с границ Югославии, снова позовет в свои ряды или ... в разочаровании во всем и безисходном отчаянии от потерь самого дорогого, приводила к трагическим решениям.

Поддерживали дух, совпадая полностью со святая святых наследников русского воинского духа, чтения директором корпуса генералом Римским-Корсаковым произведений генерала Краснова и особенно «От двуглавого орла к красному знамени».

Как естественный результат духовного напряжения был радостный отъезд больших групп кадет перваго и второго выпуска, всех бывших участников Добровольческой и Русской Армии, в Николаевское Кавалерийское Училище в Белой Церкви.

Можно с уверенностью утверждать, что и остальные кадеты из двух выпусков, избравшие другие пути, включая университеты, не изменяли общим духовным идеалам привитым воспитанием в кадетских корпусах.

Завещанный дедами дух служения правому делу, привел многих кадет из последовавших выпусков, в югославское военное училище, чтобы продолжить военное образование для службы обожаемому Королю Александру.

Преданность родине и жертвенное ей служение привело некоторых бывших кадет во Франции, где активно действовал Обще-Воинский Союз, возглавляемый генералом Кутеповым, к непосредственному применению своих сил на территории России, с трагическими последствиями для героев.

Идея реальной жертвы доминировала в настроениях молодежи, так, в Белграде, в середине двадцатых годов, на квартире сенатора Трегубова, группой студентов-монархистов был основан Национальный Союз Нового Поколения изменивший впоследствии идеологию, отказавшись от монархизма, допустивший в своей идеологии естественные эволюции, но имевший своей основной задачей жертвенную работу на территории России.

Большую воспитательную работу вела Организация «Сокол» приобщая русских детей к восприятию священных понятий о родине и поддерживая патриотический дух в молодежи.

Если для большинства здравомыслящих молодых людей было нетрудно отказаться от извращенных понятий в орга-

низации младороссов, упростивших свою идеологию в формуле: «Царь и Советы», то идеи Вонсяцкого, на фоне фашизма в Италии, Нац. социализма в Германии и Фаланги в Испании заставляли задуматься.

Все политические течения того периода не имевшие в своих программах марксизма и этим органически противостоящих советскому коммунизму, несмотря на крайности, как расизм и т. п. были симпатичны русской молодежи.

В последний период перед войной из-за железного занавеса начали проникать идеи подсоветских людей схожие с нашими, по своим конечным устремлениям, но различных по предполагаемой технике работы.

К этому времени, русская эмигрантская молодеж подверглась, до известной степени, ассимиляции, если и не в духовном смысле, оставаясь в душе русскими патриотами, то в плане материальном. Так, не говоря о браках с не русскими партнерами, многие, окончившие высшие школы, вошли в жизнь страны, занимая, соответственное своей культуре положение, обязывающее подчинением своих национальных чувств во имя нового положения.

Создавалось новое понятие о долге перед родиной. На традиционные, консервативные принципы прививались данные из реальной жизни в Советском Союзе и все это просеивалось через сито обывательского благополучия или недоверия к новшествам.

В таком состоянии застигла война русскую молодежь. С одной стороны была сила армий и новых идей фашизма, борющегося с комунизмом, а с другой неясное, по началу, отношение, врагов коммунизма к национальному русскому вопросу.

С точки зрения здравого смысла, следовало, без двусмысленного сентиментализма пользоваться возможностью борьбы с мировым злом марксизма, надеясь на будущее решение русского национального вопроса.

Так думала часть русской молодежи или вступившая в Русский Корпус или поехавшая в Россию, чтобы помочь завоевателям не делать ошибок с русским народом или вступившая в партизанские и казачьи части.

Имена наших братьев, погибших в боях против красных партизан или красной армии или в тупой машине немецкого гестапо, Ты, Господи, веси!

Андрей Бертельс-Меньшой

Борис К. Ганусовский

ДЕСЯТЬ ЛЕТ ЗА ЖЕЛЕЗНЫМ ЗАНАВЕСОМ

(Продолжение. См. № 24)

ЧЕРЕЗ ВОСЕМЬ ЛЕТ

Сегодня, когда все прошло, у меня есть много времени на размышления, когда у меня, жалкой щепки потонувшего корабля, чудом оставшейся на поверхности и вырвавшейся из засасывающей водяной воронки, есть время вспомнить все пройденное, невольно скачут мысли и не хотят рисовать картины в хронологическом порядке.

Я должен забежать вперед. Перед моими духовными глазами маячит день — 17-го июня 1953 года, тот самый день, когда восточная Германия сделала свою попытку героическими усилиями освободиться от коммунистической мертвечины, тот день, когда меня везли «вагон зак-ом» (вагон для заключеных), или, как его чаще называют в СССР «в столыпке» (?), в полит-изолятор на Инте.

В то время я уже стал старшим, матерым, опытным лагерником, отлично знавшим все чекистские правила и умевшим даже из них выжимать для себя максимум пользы.

В полит-изолятор на Инту меня отправили как неисправимого и опасного. Ехать туда мне никак не хотелось. Ходить с номером на спине и шапке, терпеть гораздо больший «прижим» со стороны эмведистов... опять голодать. А главное попасть еще дальше на север, на самый полярный круг.

С момента осуждения на высылку и до отправки прошло почти шесть месяцев. Я пустил в ход все средства, чтобы ее оттянуть. Симуляции, хитрости, увиливание. Но мои выдумки иссякли, чекисты поняли в чем дело и исполнив все формальности под конвоем довели меня до «столыпина» и воткнули в него.

Снаружи «столыпин» выглядит, как всякий другой пассажирский вагон. Но внутри от его вида стынет кровь даже на крайнем севере. Во всю длину вагона идет узкий коридор, настолько узкий, что два человека не могут в нем разминуться. «Купе» — камеры, разделены солидными решетками. Двери в камеры тоже из толстых стальных прутьев. Каждое «купе» вмещает семь человек. Полки-нары, в три этажа. Меня впихнули в одно такое отделение, в котором было только четыре человека. На мое счастье народу в вагоне вообще было немного. Со смертью Сталина количество этапируемых резко упало. Было время, когда в отделение для семи впихи-

вали по 28 человек. Тогда задыхались люди не только до обморока, но и до смерти.

Поезд тронулся. Сидим покачиваясь, каждый думая свои думы. «Там» люди мало разговаривают, в особенности попадая в незнакомую или мало знакомую обстановку, встречаясь с людьми непривычными, чужими. Нужно съесть сначала пуд соли с человеком, для того, чтобы развязался язык.

Лязгнули замки вагонов, ударяясь один о другой, сжимая и разжимая суставы-вагоны, как бы пружинясь и готовясь к прыжку. Еще толчек и мы покатили на север. Вдруг с верхней полки свесилась голова:

— Вы откуда будете?

В лагерях дальше каторжного периода воспоминания не идут. Отвечаю коротко:

— Из Усть-вим-лага.

Человек еще ниже свесился и внимательно всматривается в мое лицо.

— А в казаках, чай, служили?

— Служил!

— Лейтенантом, что-ли?

— Лейтенантом!

— Ну теперь я вас совсемочки вспомнил. Вы у нас в 1944 году лекцию читали.

Завязался у нас разговор. Остальные трое «компаньонов» положив мешки под головы, дремали. Народ там, в лагерях особый и мало любопытный, поскольку в «сексотах» не подвизается. Мой собеседник оказался казаком 3-го Кубанского полка нашего 15-го корпуса. Первый казак, рядовой, с которым я после выдачи встретился. Так по дороге на полярный круг этот человек рассказал мне, что случилось после того, когда увезли офицеров.

— Вас увезли, а мы ничего не знали. Поговаривали всякое да было как-то спокойно. Приходили «агитатели» из англичан и всяческое успокоивающее говорили.

За офицерами, вдогонку, в заокеанские страны обещали послать.

Потом привезли в расположение нашего полка походные бани на автомобилях и дез-камеры. Всем приказали вымыться и продезенфицировали одежду. Выдали на три дня продуктов и приказали грузиться. Грузились в свои же обозные повозки и телеги, пригнанные англичанами. Окружили нас их солдаты, как из под земли вынырнувшие. Обыскали. Отоб-

рали оружие, компасы, карты, ножи, бритвы. Тронулись под конвоем на восток. Проехали километров 30 и стали. Поле громадное, огороженное проволокой. Нам приказали слезть с повозок, не брать вещей и идти за проволоку. Откуда то появились солдаты в венгерских формах. Вскочили на наши повозки и поминай как звали. Мы остались без вещей и без продуктов. В чем были. Оглянулись. Бежать хотели, а англичан уже нету. Вместо них — советские танки и блиндировки нас окружили и стерегут. Как в театре все быстро делалось. Так ловко, собаки, обтяпали дело, что мы и очухаться не успели.

С нами не церемонились. Не судили. Не допрашивали. Из этого лагеря, благо железная дорога была близко, грузили нас в эшелоны и прямым трактом гнали в восточную Сибирь. Я, с партией так, тысяч в восемь, угодил прямиком на Колыму.

Там нас разместили «свободно». Объявили, что «Родина нам все простила» и только в назидание дала по 6 лет «вольной ссылки».

Все там делалось «добровольно, но обязательно».

Работали «по найму» в рудниках. Жили в бараках. Кормежка — казенная. Сами знаете какая. Ни жить, ни дохнуть. Все, что было за жратву отдавали.

Вскоре у нас появились эмведисты. Начали по одному из массы выдергивать. Каждый день от десятка до сотни на допрос отправляли. Следствие короткое. Один отмер, что своему подсоветскому, что из эмигрантов.

Машина ихняя медленно молола. И чего торопиться. Сидим и работаем и так. Кто раньше прошел, кто позже, а мера одна. Всем, как правило, «катушку» давали. (25 лет). Меня осудили недавно. Без следствия можно сказать 7 лет отбухал. Сейчас неосужденных уже кажись, никого не осталось. После суда, обычно, отправляют в другие лагеря. Я вот, на Воркуту, куда-то еду.

— Что ж вас не расстреливали по дороге?

— Чего ж расстреливать? Кому суждено, тот сам помер, не выдержал. Туда ему и дорога. Значит слабый и работник из него никакой. А зачем скотину рабочую расстреливать? Расходов на нее никаких, а пользу приносит. Когда износится — как отработанный пар сама окачурится.

Страшные вещи говорятся на ссылке самым обычным языком, самым спокойным тоном. Никаких эмоций. Если они и

существуют, люди привыкли прятать их не только от других, но и от самих себя.

Это была моя последняя встреча с сослуживцем, однополчанином. Это была первая точная правда о том, что сделали англичане с солдатами-казаками, после того, как их разделили с офицерами. Уехал казак на Воркуту. Там через полтора месяца был бунт и забастовка, кроваво подавленная чекистами. Может быть и он сложил там свою голову и лежит замороженный в сосульку в вечной мерзлоте до Второго Пришествия.

Прощаясь, я отдал ему «запас». Кусок хлеба и немного сахара, которыми меня снабдили перед отъездом товарищи. Больше ничего я для него сделать не мог. Он шел и если еще жив, будет идти, до самой смерти, по тому пути по которому всех казаков и русских людей повело предательство англичан.

ВСТРЕЧА С МАРШАЛОМ ТОЛБУХИНЫМ

Нет. От меня нельзя требовать хронологической последовательности. Мысли скачут и переносят из одного периода в другой. Иной раз годы кажутся днями. Иной день подобен вечности. Прошло одиннадцать лет, а мне все еще трудно спокойно, как летописцу, пишущему строки для потомства, регистрирующему правду для историков, придерживаться каких то правил или, просто, листков календаря.

Я опять перенесся мыслью в Юденбург. Я опять и опять вижу обрывки наших документов и фотографий, с которыми играет ветер, крутя маленькие смерчи из придорожной пыли. Каменистые берега Мура, каменный мост. Полет тела человека избравшего в смерти свободу. Я тысячный раз в жизни переживаю тот момент, когда я почувствовал себя бесповоротно безличной монеткой выплаченной по договору, одним из миллионов серебреников, которыми расплачивались Иуды с Иудами.

...Команды по-английски, непонятные по словам, но все же доходящие до сознания солдата, сменились командами по-русски, пересыпанными самой богомерзкой бранью. Из грузовиков нас выгрузили на площади и привели через ворота во двор фабрики. Приказали раздеться до гола. Мой первый обыск в жизни. Жгучий стыд несмотря на то, что кругом только мужчины. От унижения не знал куда смотреть. Солдаты, зубоскаля, сплевывая и ругаясь обыскивали наши вещи, сложенные перед нашими ногами и забирали

себе все, что им хотелось. Вечные перья, компасы, часы, несессеры с бритвенными принадлежностями в первую очередь. Ни о чем не жалели, ни о чем не грустили. Хотелось одного — покрыть свою наготу и укрыться от липких человеческих глаз.

После обыска загнали в огромный цех. Там уже была неисчислимая толпа народа. Домановцы. Люди затиснуты между станками молчащих машин. Целые ряды машин связанных трансмиссиями, проводами, рычагами. Многие станки все еще держат недоделанные бруски металла. Почему то мозг работает и невольно проводит параллель:

— Станки... тиски... бруски... болванки... Машины режущие и мелющие сталь, и одновременно другая машина, другие станки и тиски, давящие, режущие, мелющие человека.

Опять ловлю себя на том, что на моем лице застыла идиотская, такая неподходящая улыбка.

Домановцы и наши. Россия всех народностей. Какие-то «кавказские человеки» с огромными узлами домашнего скарба. Женщины. Дети. Русские и немцы...

Нас отвели в угол. Стали кое как размещаться. Молча. Стараясь не смотреть друг другу в глаза. Вдруг какая-то суета, возня. Забегали советские офицеры. Ворота цеха широко распахнулись. Ворвался шум автомобильных моторов, какие-то команды и в помещение вошла большая группа военных.

Впереди шел высокого роста, отягощенный брюшком, генерал, в длинных брюках с широкими лампасами. На кителе широченные золотые погоны с красными звездами. За ним шло еще три генерала и целая свита полковников, майоров, ординарцев. Это был маршал Толбухин, пожелавший взглянуть на казачьих офицеров, о которых ему не раз докладывали.

Не торопясь, все внимательно рассматривая он прошел через весь цех до нашего угла и остановился недалеко от меня, тогда еще одетого в полную немецкую форму с погонами, орденами и значками. Он рассматривал нас, остановил взгляд на немецком орле нашитом на левой стороне груди кителя и, поморщившись, сказал:

— И как не стыдно носить эту самую штуку.

— Если было не стыдно носить тогда, когда мы побеждали, то не стыдно носить и теперь — побежденным.

— Ого! — сказал маршал, смерив меня с головы до ног и, отвернувшись, шепнул что-то одному из сопровождающих.

Где здесь майор Бондаренко? — громко крикнул тот.

Бондаренко вышел вперед. Маленький, худенький, с симпатичным подвижным лицом, в полной форме и массой орденов на груди. Из бывших беспризорников. Человек легендарной храбрости и военной удачи.

Маршал рассматривал майора с большим вниманием пожевывая губами. Бондаренко смотрел ему прямо в глаза, не мигая.

— Это ты Питомачу брал? процедил маршал.

— Я.

Маршал повернулся к сопровождавшим и громко сказал:

— Разбил мне 38-ую пехотную дивизию. Пришлось из за него по мадьярским дорогам тащить целый корпус на подмогу. Сами помните, какая горячка была под Валантоном.

Голос у Толбухина, как раз подстать его «маршальской» внешности. Этакий приятный, бархатный, с раскатами, басок. Он играл в «полководца». Не то Наполеона, не то Кутузова. Улыбка на лице. Прищуренный благосклонный взгляд. Опять повернулся к Бондаренко.

— Молодец! Талант! Воевать умеешь. Нравится. Но вот, почему ты против своего пошел.

— Вы мне не «свой». Я — солдат. Шел с той стороны, которую сердце выбрало...

— Жалко... Жалко, что мы вас раньше в руки не получили. Такой бы я батальон штрафников из вас сделал. Чудеса бы вы у меня творили! Ишь какие молодцы!

Ответа с нашей стороны не последовало. Маршал нахмурился, но решил играть свою роль справедливого победителя и ни к кому в особенности не обращаясь, громко спросил:

— Вас никто не обижал! Имущество не отбирали? Ну, там, деньги, часы?

Молчание. Наконец я нс выдержал:

— Часы... — начал я.

— Часы у всех отобрали! — подхватило еще два-три голоса.

Маршал был, как бы удивлен. Ясно было, что вопрос был задан только ради формы. Однако, если уж последовал ответ — необходимо было реагировать.

Повернувшись круто на каблуках к свите, Толбухин рокочущим приказывающим басом загремел:

— Что это за безобразие! Кто здесь мародерством разрешил заниматься? Чтобы немедленно все возвратили! — и не прощаясь с нами, даже не бросив больше взгляда, быстрыми шагами вышел из цеха.

Минут через двадцать, в помещение вошел какой-то рябой капитан. В руках у него была глубокая, вывернутая подкладкой наружу, папаха, наполненная часами.

Он зло посмотрел на нас и сказал: — Смотрите! Может быть и ваши часы здесь! Ишь, солдатам пожалели то, что самим больше не надо!

Я подошел ближе и о чудо. Почти на самом верху, лежали мои часы с такой знакомой цепочкой.

Как по сигналу часы были разобраны. Гипноз страха рассеялся и папаха опустела. Я совершенно не уверен, что все часы попали в руки их настоящих хозяев, но, хозяева опять имели хоть какие то часы и временно, они ушли из рук мародеров. Временно...

...Под вечер к дверям цеха подъехало несколько штабных, открытых машин. Громадные двери помещения были открыты настежь, для вентиляции спертого воздуха. Отчетливо, на фоне сереющего вечернего неба обрисовались фигуры выходящих из машин. Послышались слова:

— Ну что-ж, можно немного размять ноги!

Говорил советский офицер, один из группы вышедших из машин. Сжалось больно сердце, когда мы узнали согбенную фигуру генерала П. Н. Краснова, Семена Краснова, в немецкой генеральской форме, и Андрея Григорьевича Шкуро, в черной черкеске с серебряными газырями и кинжалом. На плечах русские генеральские погоны. На голове щегольская каракулевая папаха. Нараспашку едва держась, наброшена немецкая шинель с немецкими генеральскими погонами. Советчики ощетинились и особенно засуетились около знаменитого Шкуро, на груди у которого в четыре ряда пестрели орденские ленточки.

Кто то мне уже теперь рассказывал о том, что генерал Шкуро потерял нервы, что он плакал, просил. Это неправда. Мы видели совсем другое.

Андрей Шкуро стоял у машины, небрежно облокотившись на нее рукой. Около него стоял советский капитан, о чем то говоря. Мы прислушались. Разговор определенно шел о гражданской войне. До нас долетела фраза, громко сказанная Андреем Григорьевичем Шкуро.

— ...Под Касторной? Помню! Как же! Бил вас и под Касторной»!

Когда генералов повели через цех в особое помещение, они прошли очень близко мимо нас. Узнав меня, бывшего хорошо знакомым по Белграду, и других земляков, Шкуро кивнул головой и сделал жест руками, как бы говоривший:

— Все брат случается! От судьбы не уйдешь!

Б. Ганусовский

7-ой СЪЕЗД КАДЕТ.

Я снова встретил Вас — Кадетская Семья...
И все далекое так стало близко.
И полог Прошлого поднялся в этот час,
И складки разошлись, упавшие так низко...

Открылся Город наш, в виденьях потонувший:
Цветением каштановых аллей,
Увлек меня к мечте минувшей
И к юности далеких наших дней...

И свечи белые, среди листов зеленых,
Венчали Прошлое с вечернею зарей
Заката, догорающего к ночи,
И с первою, далекою звездой...

м. прот. **Владимир Голунский.**

Буживаль. Дом И. С. Тургенева.
Париж. Июнь. 1980.

Н. С. ЛЕСКОВ О РУССКОЙ ИКОНОПИСИ.

Интерес Н. С. Лескова к Русской Иконописи выразился в целом ряде появившихся в газете «Русский Мир» статей, начиная с 1837 года. Также статьи его появились в газете «Новое Время» за 1886 год. Здесь он рассказывает об известном иконописце, Никите Сергеевиче Рачейскове. Из этих дат уже видно, что интерес не был ни случайным, ни коротким. Критически относясь к ремесленникам в деле иконописания, он так и озаглавил свою статью: «О богомазне, которою заняты ребята да девки, в Холуе, Суздали, Палихове и Мстерах». Массовое производство здесь получило характер исключительно доходного ремесла, и, конечно, имело мало общего с настоящим религиозным искусством. Но не только Лесков обратил на это внимание. Еще «Стоглав» объявил прещение на распространение икон кустарного производства. Некоторое время это прещение было действительным и кустари этих сел расписывали свои изделия: ларцы, ковши, ендовы и т. д., украшая узорчатым рисунком на подобие Хохломских мастеров. Затем, с ослаблением контроля они опять вернулись к иконнописанию, но опять-же, в том-же, ремесленном значении. Это и вызвало нападки в печати Лескова, который глубоко понимал, и разбирался, в вопросах религиозного искусства.

Изливая нашу горечь по поводу забвения нашего русского религиозного искусства, мы оказываемся далеко не первыми — уже задолго до нас те же чувства выразил Лесков в своих статьях.

«Того впечатления, — говорит он, — которое произвело на меня некогда мое первое свидание с Василием Александровичем Прохоровым. После довольно продолжительного разговора об упадке русского национального искусства вообще, и особенно о безобразном повреждении иконографического искусства, он сказал: что не верит себе, что видит человека, относящегося с любовью к одной из самых покинутых отраслей русского искусства».

Нужно сказать, что В. А. Прохоров был продолжительное время редактором и издателем журнала «Христианские Древности и Археология» в годы с 1862 и по 1877. Кроме того, он был основателем при Академии Художеств древне-христианского музея, будучи профессором археологии. После встречи Лесков пишет: «Тогда я не понимал всего значения этого отношения почтенного ученого ко мне и к моим занятиям

иконографией... Но прошло немного времени и я сам испытываю почти то же самое».

С тех пор уже прошло почти сто лет, и те же самые вопросы, какие поднимал когда-то Лесков на страницах русских газет в России, ставим и мы теперь, в русских газетах в Зарубежье. И так же мы, почитатели русского религиозного искусства, разыскиваем друг друга, по разным углам нашего рассеяния, чтобы высказать те же наши печали, и ту же горечь.

«Упадком этого искусства, — пишет Н. С. Лесков, — и даже окончательным низведением его к окончательному безобразию и ничтожеству у Церкви, очевидно, отнимается одно из самых сильных средств распространения в народе знакомства со священной историей и деяниями Святых. Это такая потеря, о которой стоит пожалеть. Даже помимо того, что не менее жалко и само заброшенное искусство, стоявшее по технике на такой высоте, что наши иконописные миниатюристы своей тонкостью, правильностью рисунка и раскраски, обратили на себя внимание самых просвещенных людей. Таковы, например, «Капонийские створы» русского письма, находящиеся в Ватикане у Папы».

Кстати сказать, происхождение этого иконописного шедевра относится к до-Петровским временам. **Петр Великий, среди других даров для Греческого Афонского монастыря,** передал греческому монаху **и эти миниатюры,** которые **последний продал некоему итальянцу Капони** и тот уже **их перепродал** в **Ватикан под своим именем.**

Помимо этого, так сказать заграничного интереса к отечественному искусству, Лесков указывает на симптомы более глубокого интереса тогдашнего русского общества. Был основан христианский музей при Академии Художеств с большим собранием иконописных предметов, самых разнообразных русских школ, и также и греческих икон. Был создан отдел коптский, абиссинский, сербский и т. д. Он упоминал целый ряд имен частных коллекционеров, но тут же с горечью рассказывает: «Однако все названные музеи и собрания **почти никем не посещаются,** а если и посещаются, то безо всякой пользы, потому что **ни один русский художник не занимается русской иконографией. И самую мысль об этом отвергает, как нечто унизительное и недостойное его художественного призвания».** — «Ни один из редких экземпляров из иконографских музеев не копируется, и, благодаря тому, все

эти музеи, кроме исторического никакого иного значения не имеют».

Здесь следует пояснить: почему же русские художники с таким надменным пренебрежением отнеслись к своему отечественному искусству? Прочтя программу Академии Художеств в Петербурге, да и Московской Школы Живописи и Ваяния, откуда выпускались воспитанники этих заведений, будет понятным их отношение. Нашей истории искусств еще не существовало и профессора академий преподавали историю искусства **со слов и по книгам немецких, французских и итальянских искусствоведов и историков, которые и сами ничего не знали о христианском религиозном искусстве, начавшем свое развитие в Византии.** Весь период до итальянского Возрождения был назван **примитивным и варварским** (см. Стендаля). Вот почему и И. Репин, в своих воспоминаниях идиллически рассказывает о начале своей художественной карьеры, когда ему приходилось работать в артели у подрядчиков по росписи церквей. Я бы не вспомнил этого, если бы тон рассказа Репина был близок тому, что пишет Лесков. И. Репин не был исключением.

Даже, Лесков указывает на статью и письмо, напечатанные в газете «Русский Мир» — с практическими предложениями, как начать дело восстановления забытого искусства. Высказывается также и мысль производить иконы хромолитографическим способом для продажи при церквах. На последнее Лесков возражает: «Это уже совершенно не годится: по желанию и вкусу русского человека, икона непременно **должна быть писанная рукою, а не печатаная.** Набожные люди, держащиеся старых преданий, откидывают печатные иконы и называют их «печатными пряниками и коврижками. То, — говорят, — пряник с конем, а это пряник с Николой, а все равно пряник печатный, а не икона, **с верою писанная для моего поклонения».** И дальше: «Возбуждать об этом спор, с таковыми иконопочитателями было бы, конечно, бесполезно для дела, тем более что есть и отеческие правила, возбраняющие поклонение иконам печатным и писанным на стеклах. Правил этих народ еще сильно держится и потому надо, кажется, позаботиться о производстве хороших икон другим путем. Иконы надо **писать** руками иконописцев, а не литографировать, но надо писать их лучше, чем они пишутся, и строго по-русскому иконописному подлиннику». Далее Лесков прямо предлагает для решения этого вопроса обратить-

ся к Академии Художеств, как и к Московской Художественной Школе, с тем чтобы таковые открыли иконописные отделения, как существует мозаическое отделение и другие. Кроме этого, Лесков предлагает устраивать конкурсы с выдачей премий за лучшие работы по иконописи, с приглашением известных мастеров и авторитетов в качестве жюри. Так, по его мнению, мог бы быть вызван интерес общества к иконе, которое бы само таким образом было бы научено понимать и ценить ее.

Но кратчайший путь, как поднять русское иконописное производство, он указывает на старые правила, которыми оберегалось качество иконы, как исключительного средства к Богопознанию. Он говорит: — «Встарь иконы освящались не иначе как по рассмотрению их технического достоинства тем духовным лицом, которому икона подавалась для освящения. Тоже самое, разумеется, можно бы постановить построже наблюдать и теперь (см. Книга Соборных Деяний, лето 7175, гор. Москва, и совместный указ Святейшего Синода и Правительственного Сената от 11-го октября 1725 года о назначении Ивана Зарудного надзирателем за иконописцами). В этом случае надо возобновить контроль, какой **признавал необходимым Император Петр Великий**. Но дело в том, что, по случаю дороговизны Лицевого Подлинника (7 рублей) его нет почти ни при одной Православной Церкви и потому священник лишен возможности сверить принесенную ему икону с хорошим и правильным начертанием, принятым церковью — с святит все, что ему поднесут. От этого и распространяются иконы самые фантастические это бывало в встарь, и тогда изографы «много ложно ко прелести невежд писали» (Книга Соборных Деяний), но за ними было тогда кому наблюдать, а теперь некому. Надо бы, чтобы Лицевой Подлинник был во всякой Православной Церкви, ибо без этого само духовенство наше, совершенно несведущее в иконописании, не может определить — правильна или неправильна приносимая к освящению икона».

«И, наконец, надо кому-нибудь собраться с духом и напечатать техническую часть русского подлинника (первую часть греческого подлинника, составленного монахом Дейонисием, и изданного французом Дидерон «Мануаль де Иконографи Крестьен», Париж 1845 год), где изложены рецепты приготовления досок, грунтов, полимента, холста, красок, золота, олифы, и т. п. У французов, которым это сочинение до-

рого только как антик, оно переведено и издано, а у нас, для которых оно имеет живое значение, это часть Подлинника до сих пор не издана...».

Не поразительно ли, что эти советы Лескова, некогда поданные для внимания общества и надлежащих властей, в конечности пригодны и для нас, и в наши дни. И действительно, как нужно было бы иметь изданным в Лицевой Подлинник, и технические указания для художников иконописцев, и инструкции священникам для освящения и т. д. Неужели мы не могли бы собрать среди ваших приходов средств для издания таких нужнейших книг?

Не пора ли встряхнуться нашему обществу от того состояния теплохладности в вопросе нашей веры, в которой оно пребывает вот уже более столетия, равнодушное и беспомощное в деле религиозного творчества?! Не несем ли мы на себе ответственности за это бездумное отношение к вопросам, которые, конечно, для нас национально главные? Это ответственность усугубляется сегодня, знанием, что никто, кроме нас, русских за рубежом, живущих на полной свободе, не сможет отнестись с подобающей серьезностью к грядущему возрождению нашей отечественной культуры. Как остро-злободневно и вместе каким упреком звучат слова Н. С. Лескова, когда он говорит: — «Как сведено ни к чему и поставлено на нет наше некогда столь славное, столь изумительно-прекрасное русское иконописное искусство, о котором, благодаря счастливому случаю, нам неожиданно довелось сказать несколько слов, не знаю, на пользу ли ему или на то только, чтобы большее число людей имело случай убедиться, что все, кто мог бы и кому следует позаботиться об этом деле, считают его недостойным его просвещенного внимания». Эти последние слова столь свежо звучат в наше время, несмотря на свою вековую давность, что поневоле их захотелось воспроизвести.

Неужели наши храмы здесь выглядят лучше и богаче того, что было в России? Конечно, нет. Почти повсеместно мы находим их засоренными всякой издательской макулатурой, с задачей их украшения. В короткой статье невозможно перечислить примеры всего того, что можно у нас встретить в храмах. И вот от этого печатного мусора мы должны придти в восторг и в некоем религиозном экстазе поднять взор к небу. Слава Богу — этого не происходит и в экстаз никто не впадает. Но, тем не менее, нам нужно, вот как нужно, хоть

раз в неделю увидеть наше православное небо, в образах строго духовной эстетической чистоты.

Заканчивая свою заметку, Лесков обращает внимание общества на Академию Художеств, которая должна была бы отозваться на потребности народа, и, адресуясь к ней, предъявить справедливое требование подготовки грамотных художников. Мы знаем, что его обращение осталось «гласом вопиющего». В нашем случае зарубежного пребывания Академиями могут служить только наши Монастыри. И наше пристальное внимание потому обращается на духовные авторитеты, от которых мы с правом ожидаем нужных мероприятий по этому вопросу.

Сергей Байкалов-Латышев

—

М. Каратеев.

Русский зять Вильгельма Второго.

В наше время, когда короли запросто женятся на киноартистках и манекенщах, а дочери королей выходят замуж за простых фотографов, мезальянс стал заурядным явлением и мало кого шокирует. Но в быту не-коронованом, он почти всегда носит характер обоюдовыгодной сделки: «она» получает громкое имя и титул, а «он» богатство. Впрочем, это не исключает того, что позже появляется любовь и такой брак оказывается счастливым.

Сколь противоестественным это ни выглядит, но в ультрадемократических Соединенных Штатах Америки пышным родословным, гербам и титулам придают большое значение, и среди американских богачей образовался своеобразный класс псевдо-аристократии, которая, надо заметить, постепенно сливается с аристократией подлинной.

В этой среде существует, повидимому, убеждение, что обладая достаточными средствами, купить можно все что угодно, до знатных предков включительно и, что если за них честно уплачено, значит все в порядке и можно ими пользоваться как вполне законными. Для удовлетворения такого рода тщеславия, в США давно возникли и пышно разрослись специальные генеалогические общества и агентства, внешне поставленные вполне солидно, но основанные на чисто коммерческих началах: за деньги они кому угодно по всей форме составят умопомрачительную родословную, установят его

право на любой герб и, дважды-два четыре, докажут что этот «кто угодно» является прямым потомком короля Артура, Юлия Цезаря или еще более древнего исторического персонажа, — все дело в цене.*) Процветающий там же, скажем мягко, самопроизвольный Мальтийский Орден бойко торгует рыцарскими званиями, мантиями и орденами.

Чтобы меня не заподозрили в том, что я тут впадаю в гиперболу, приведу несколько известных мне примеров: согласно подобным «генеалогическим» изысканиям, архимиллионеры Морганы ведут свою родословную с 7-го века, от древних королей Уэльса; Рокфеллеры, Гроверы и Кливеленды являются потомками французского короля Генриха Первого и его жены Анны, дочери Ярослава Мудрого; родоначальником Грантов был, оказывается Вильгельм Завоеватель (11 век), а Кулиджей император Карл Великий (8 век).

В. Г. Сенютович в своей интереснейшей статье «Об американской аристократии и псевдо-аристократии» приводит ряд заглавий и авторов подобных «генеалогических» трудов, а также точные названия обществ и учреждений, о которых тут идет речь.

Согласно наиболее авторитетному и серьезному источнику — Готскому Альманаху, древнейшим из европейских родов является русский род Рюриковичей, восходящий к 862-му году, а следующими по старшинству род Бурбонов (866 г.) и Габсбургов (883 г.)

Бывают, хотя и значительно реже, явления обратного порядка, когда женщина из знатного и богатого дома выходит замуж за человека простого и ничем не примечательного, кроме красивой внешности. И если говорить о мезальянсах подобного рода, то тут все рекорды побил русский эмигрант, матрос Николай Зубков, женившийся на принцессе Виктории Шомбург-Липпе, родной сестре императора Вильгельма Второго.

Это случилось в начале 1928 года, и в силу своего «географического положения», мне довелось слегка соприкоснуться с этим событием. Я лично знал обоих молодоженов и находился в курсе всех обстоятельств и перипетий этого нашумевшего тогда романа и его печальных последствий. Никаких письменных материалов у меня не сохранилось, а из памяти

---

*) Дело это весьма прибыльное, — за такие родословные платят не скупясь. Семья Тоуеров, например, еще в конце прошлого века заплатила за свою 50 000 долларов.

за полстолетия многое выветрилось, поэтому отнюдь не претендуя на абсолютную точность в деталях, опишу эту историю лишь в общих чертах.

В книге, которую позже выпустил сам Зубков, он так описывает свои приключения, закончившиеся этим необычайным браком: по окончании гражданской войны, в которой он принимал участие в качестве вольноопределяющегося на одном из военных кораблей, он в общем порядке попал заграницу и первое время перебивался так же, как и все другие военные эмигранты, т. е. черной работой. Потом, благодаря счастливому случаю, ему удалось устроиться матросом на торговый пароход какой-то германской компании. На нем он несколько лет проплавал по морям и океанам, ведя, по собственному признанию, довольно беспутный образ жизни. И однажды, во время стоянки в одном из немецких портов, загуляв с какой-то подвернувшейся ему не очень добродетельной красоткой, опоздал на свой пароход, который ушел в долгосрочное плавание.

Осталось у него только то, что на нем было надето, да очень небольшая сумма денег, которую он не успел прокутить. Поболтавшись в порту и не преуспев в своей попытке наняться на какой-нибудь другой пароход, он решил ехать в Берлин. Поступать куда-нибудь простым рабочим ему не хотелось и он рассудил, что в столице у него будет больше возможностей устроиться получше.

Денег у него едва хватило на билет и в Берлин он приехал с пустым карманом. Голодный, но довольно прилично одетый и обладавший красивой внешностью, брел он по одной из главных улиц Берлина и увидел большую афишу, возвещающую что в четыре часа того же дня на берлинском аэродроме состоится авиационное празднество, во время которого будет продемонстрирована новая система парашюта, — с высоты двух тысяч метров с ним совершит прыжок сам изобретатель. От нечего делать Зубков отправился туда.

Аэродром был переполнен народом. На самом видном месте, окруженная офицерами авиации, восседала почетная председательница союза военных летчиков, принцесса Виктория Шомбург-Липпе, младшая сестра экс-кайзера Вильгельма. Как известно, германская революция была совсем не похожа на наш «великий октябрь»: никого из членов свергнутого императорского дома не тронули пальцем, не изгнали и продолжали относиться к ним с полным уважением.

Начался праздник. Летчики, один за другим поднимались в воздух, успешно проделывали фигуры высшего пилотажа, но когда дело дошло до прыжка с новым парашютом, изобретатель внезапно «заболел», — очевидно он не вполне полагался на надежность своего изобретения и всем это стало ясно. Произошел конфуз, — это был гвоздь программы, а никто из опытных парашютистов не вызывался спасти положение. Наконец объявили, что если кто-либо из присутствующих согласится прыгнуть с этим парашютом, премией будет тысча марок. Сумма была не ахти какая, но голодный Зубов тотчас крикнул, что он согласен.

Прикрепив парашют, его посадили на аэроплан, подняли на высоту двух километров и оттуда он прыгнул вниз. Парашют сработал прекрасно и случаю было угодно, чтобы он приземлился чуть ли не у самых ног принцессы Виктории. Последняя, разумеется, пожелала, чтобы ей представили этого отважного молодого человека. Когда адъютант его подвел ближе, она, — полагая что это немец, — по-французски сказала что-то очень для него лестное, обращаясь к сидевшему рядом с ней генералу. Зубков с поклоном ее поблагодарил, тоже на французском языке, и добавил, что счастлив был иметь случай поспособствовать успеху этого праздника.

Его представили. Отвечая на вопросы принцессы, Зубков ей сказал, что он русский дворянин, участник гражданской войны, а ныне политический эмигрант.

— Что же вас побудило вызваться на этот рискованный прыжок? — спросила, наконец, принцесса.

— Пустой карман, ваше высочество, — откровенно ответил Зубков и в коротких словах поведал своей высокопоставленной собеседнице какие обстоятельства привели его в Берлин.

— Зайдите ко мне на дом дня через три, — выслушав его сказала Виктория. — Я кое с кем переговорю и подумаю, куда бы вас можно было устроить.

Когда Зубков пришел, принцесса с ним долго и милостиво беседовала, а потом предложила ему место управляющего одним из своих замков. Но тут следует, наконец, сказать несколько слов и о ней: она была вдовой владетельного князя Адольфа Шомбург-Липпе и одной из богатейших женщин Германии. В ту пору ей было шестьдесят три года, Зубкову двадцать семь. Он, конечно, с радостью принял предложен-

ную ему службу, сейчас же отправился в замок и приступил к исполнению своих новых обязанностей.

Вскоре в этот замок наведалась принцесса, нашла там все в образцовом порядке, своим новым управляющим осталась довольна, а затем стала приезжать туда все чаща и оставаться подольше. Зубкову вскоре стало ясно, что она к нему неравнодушна, но он держал себя, как святой Антоний и когда довел ее до того, что она сама предложила ему любовную связь, — сокрушенно ответил, что для него, как человека получившего строго религиозное воспитание, подобные отношения с женщиной вне брака просто немыслимы. А так как он прекрасно понимал, что брак между ними невозможен, то лучше о таких вещах даже не думать, хотя ему и самому это очень тяжело. Долго, тщетно, она старалась его переубедить, а кончила тем, что влюбилась в него до безумия и согласилась на брак.

Когда было официально объявлено о их помолвке, вся Германия ахнула. Возмутилась многочисленная родня принцессы, а проживавший в Голландии экс-кайзер Вильгельм пришел в ярость. Он вызвал сестру к себе и всячески старался пробудить в ней благоразумие, молил, грозил и кричал, что она превращает себя в мировое посмешище и позорит тысячелетний род Гогенцоллернов, связывая его с каким-то русским проходимцем, который, к тому же младше ее почти на сорок лет. Виктория стойко выдержала эту бурю и осталась непреклонной.

Тогда Вильгельм пригласил к себе Зубкова. Когда последний приехал и предстал перед ним, кайзер окинул его надменным взглядом и сказал:

— Будьте откровенны, молодой человек, и скажите: что именно побуждает вас на этот скандальный брак?

— Любовь к принцессе Виктории, ваше величество, — ответил Зубков.

— Чепуха! Любовь к старухе, которая годится вам в бабушки! Да вы бы на нее и внимания не обратили, если бы ее звали фрау Миллер и на сберегательной книжке у нее было бы три тысячи марок! И меня не старайтесь обморочить, я не влюбленная женщина и прекрасно понимаю, что вами руководят совсем иные побуждения. Но я не допущу, чтобы имя моей сестры, имя Гогенцоллернов, — понимаете ли вы — Го-ген-цоллер-нов! стало объектом насмешек всего мира. Вас, разумеется, прежде всего прельщают деньги, так вот,

чтобы покончить с этим делом полюбовно, не прибегая к неприятным для нас мерам, предлагаю вам сто тысяч долларов за добровольный отказ от этой недостойной авантюры.

— Я уже имел честь сообщить вашему величеству, что люблю принцессу Викторию. И чувства своего я не продаю.

— Двести тысяч! — стукнув кулаком по столу крикнул Вильгельм.

— Ни двести, ни триста, ни миллион, — твердо сказал Зубков.

— Ну, так убирайся вон, русская свинья! — теряя самообладание заорал Вильгельм. — И за последствия на себя пеняй, я докажу тебе, что руки у меня еще длинные!

Через месяц после этого, в одном из провинциальных городов Германии состоялось официальное бракосочетание и молодые поселились в замке принцессы Виктории, ныне фрау Зубковой.

Шум, вызванный этим событием вскоре поутих и наступило внешнее спокойствие. Но оно длилось недолго. В окружении молодоженов появилось несколько немецких офицеров из богатых и аристократических фамилий, все они необычайно быстро сошлись с Зубковым на дружескую ногу и начали его втягивать во всевозможные кутежи, легкомысленные похождения и скандалы. Трудно было сомневаться в том, что немецкие монархисты, которые по указанию Вильгельма, а может быть и по своему собственному почину, стараются спаивать Зубкова и показывать его принцессе в самом неприглядном виде, с целью расстроить этот брак. На всякого рода беспутства Зубков был податлив, но очевидно чувство Виктории было сильно: средство не действовало. Тогда, во время очередного кутежа в каком-то шикарном ресторане, спровоцировали особо шумный скандал, закончившийся тем, что пьяный Зубков избил кельнера. Во всех немецких газетах появились негодующие статьи, дело гомерически раздули и кончилось оно тем, что Зубкова по суду выслали из Германии. Супруга последовала за ним и они поселились в великом герцогстве Люксембургском, где у принцессы тоже было какое-то имение. И тут начинается вторая, финальная фаза этой необычайной истории.

***

Как раз в это время большая кожевенная фабрика, находившаяся в Вильтце, — небольшом городке герцогства Люксембургского, — законтрактовала в Болгарии человек полто-

раста рабочих, бывших офицеров Белой армии, в числе которых приехал туда и я. За исключением семейных, которые нанимали квартиры в городе, все остальные жили там в большом, деревянном доме, полубарачного типа, который предоставила в наше распоряжение фабрика. В нижнем его этаже мы оборудовали скромную, но уютную церковь, уговорили одного из наших пожилых полковников постричься в священники, — таким образом возник первый и единственный в Люксембурге православный приход. Все это миниатюрное государство можно было за день объехать по периферии на велосипеде, русских в нем почти не было, а те единицы, которые были, стали по праздникам приезжать к нам на богослужения. Появились и супруги Зубковы.

Разумеется мы, зная по газетам о всех предшествовавших событиях, с интересом к ним приглядывались. Зубков показался нам открытым и славным парнем; принцесса, которая перед свадьбой подвергалась специальной процедуре омоложения (пластическая хирургия тогда еще не практиковалась), старухой совсем не выглядела, была мила и приветлива. Многих из нас Зубков ей представил, а вскоре она, в нашей же церкви приняла православие, если память не изменяет, с именем Вероники.

Конечно, в нашей группе по-поводу них и всей этой истории было много толков. Зубкова мы, в общем, не осуждали за его авантюру, — в ней прежде всего проглядывала удаль, которая нам импонировала. Да и за что, собственно, можно было его осуждать? Жил он не на содержании у Виктории, а был ее законным мужем, относился к ней внимательно и заботливо, как нежный и любящий супруг, — если даже эти чувства не были искренними, то внешние приличия, во всяком случае, строго соблюдались, а мало ли браков испокон веков заключается по рассчету! Что же касается их мезальянса, то его воспринимали даже с некоторой долей злорадства: к кайзеру Вильгелму, который развязал мировую войну и вполне сознательно разжигал в России революцию, никто из нас светлых чувств не питал, — его пострадавшего гонора нам было ничуть не жаль, а то, что Зубков не принял от него «отступных», сильно возвышало последнего в наших глазах.

В отношениях с люксембургцами Зубков усвоил тон благосклонного и щедрого вельможи, что, впрочем, первое время проскальзывало у него и в нашей среде. В герцогстве он

стал своего рода знаменитостью, тут все его величали графом и относились к нему с большим почтением. Помню такой, весьма показательный случай: однажды в воскресенье, когда Зубков приехал в церковь один, т. к. его супруге нездоровилось, после богослужения мы, т. е. человек десять молодых офицеров, отправились с ним в ресторан, там пообедали и основательно выпили, а затем всей гурьбой пошли провожать его на вокзал. Поезда в Люксембурге приходили и отходили с немецкой точностью, минута в минуту по расписанию. Когда мы пришли, поезд уже подходил к перрону. Вильтц — маленькая станция, остановка всего три минуты, но тем не менее Зубков заказал в буфете «разгонный» круг пива.

— Да что вы, ведь не успеем выпить, — сказал кто-то из нас.

— Не беспокойтесь, нас подождут, — важно промолвил он и обратившись к кельнеру добавил: — скажите начальнику станции, что граф Зубков просит немного задержать поезд, пока мы тут кончим. — И поезд действительно задержали не меньше чем на пять минут.

В общем казалось, что тут супруги зажили спокойно и счастливо, но идиллия продолжалась не долго. Вильгельм и его приверженцы тоже не дремали. Из прежней компании вслед за Зубковым в Люксембург приехали два офицера, которые быстро возобновили с ним дружбу, продолжая спаивать и дискредитировать его в глазах принцессы. Прошел слух, что Вильгельм добивается того, чтобы его сестра была официально объявлена ненормальной, а ее брак недействительным.

На это Зубков ответил тем, что где-то приобрел целую кипу открыток, — каррикатур на кайзера, издававшихся во Франции в период войны, и ежедневно стал отправлять Вильгельму по одной, с ироническими, а то и просто издевательскими приписками. Многие из таких, уже заготовленных открыток он нам показывал, — некоторые тексты этих «родственных» посланий я в общих чертах запомнил, — в переводе на русский язык они были примерно таковы: «Любезный шурин, я очень обеспокоен: сегодня видел во сне, что вас скушали русские свиньи. Умоляю, берегите себя ради ваших любящих родичей Зубковых». Другая открытка: «Дорогой Вилли, шлю вам братский привет и пожелания всех полезных в наше время качеств, а в особенности ума и вежливости». Третья: «Да здравствует семейный союз Зубковых и Гогенцоллернов!» и т. п.

Надо полагать, что все это на несколько лет укоротило жизнь экс-кайзера. Но и он не остался в долгу: вскоре принцесса Виктория была объявлена умственно дефективной и хотя в официальном судебном постановлении все это было выражено в более научных и деликатных терминах, на все ее имения и капиталы наложили опеку. Для супругов это был страшный удар, особенно для Зубкова, который теперь оставался у разбитого корыта. Он стал пить напропалую, между ними начались нелады и ссоры, закончившиеся тем, что Виктория от него уехала. Разумеется, немедленно исчезли и все его немецкие друзья.

Оставшись в Люксембурге один и почти без денег, Зубков, чтобы поправить свои финансовые дела, а также в отместку жене, написал и издал на немецком языке книгу, — точного ее заглавия не помню, кажется «Мой роман с принцессой Викторией». На цветной обложке, наверху был помещен портрет принцессы в овальной золотой раме, на фоне горностаевой мантии и с императорской короной сверху; в нижней части обложки была изображена палуба парохода и на ней Зубков, в матросской «робе», босой и с бутылкой в руке. Я эту книгу читал и главным образом из нее почерпнул те сведения, которые относятся к до-люксембургскому периоду этой истории. Впрочем, в минуты полупьяной откровенности, кое что рассказал мне и сам Зубков, в частности о том, что кайзер обругал его свиньей, — в своем письменном повествовании он об этом скромно умолчал.

В этой книге, написанной с большой долей цинизма, Зубков, — как и на обложке, — особенно старался оттенить контрасты этого брака. Себя он с полной и даже излишней откровенностью выставлял как человека находившегося (во всяком случае заграницей) на самом низком социальном уровне и, к тому же, морально совершенно опустившегося. И вот, поди ж ты, — было, мол, во мне что-то такое, что заставило принцессу, родную сестру императора, потерять от меня голову и, пренебрегая мнением всего света, стать моей законной женой. Описав, как все это произошло, далее он в полуидиллических тонах повествует о их интимной и семейной жизни, которая, по словам автора, могла бы сложиться мирно и счастливо, если бы не происки многочисленных завистников и врагов, козни которых он дальше подробно описывает. Конечно, в этом произведении основательно досталось и «любезному шурину Вилли».

В общем эта книга, в литературном отношении, стояла на уровне самой низкопробной бульварщины и у мало-мальски благопристойного читателя вызывала чувство близкое к гадливости. Она сразу отвратила все наши симпатии от Зубкова, но его материальные рассчеты оправдала самым блестящим образом: очевидно по распоряжению Вильгельма, немецкие монархисты моментально скупили у книготорговцев и уничтожили почти весь тираж, так что только единичные экземпляры попали в руки читателей. Отлично заработавший Зубков собирался сразу же выпустить второе издание, но к его большому удивлению ни прежнее издательство, ни многие другие, в которые он обращался, не согласились печатать его книгу. Очевидно на этот случай им были кем-то сделаны предупреждения, с которыми благоразумие заставляло считаться. Да и нравы тогда были иные. Если бы все это случилось теперь, любое американское издательство в такую сенсацию вцепилось бы мертвой хваткой и книга принесла бы автору миллионы.

Почувствовав, что отношение к нему резко переменилось, Зубков перестал появляться в Вильтце и с нашего горизонта исчез. Вскоре после этого я переехал в Бельгию, где поступил в университет и о том, что происходило дальше, плохо осведомлен. Знаю только, что принцесса Виктория вскоре получила развод и была восстановлена во всех своих имущественных правах. Но вся эта история видимо подорвала ее здоровье и через два-три года она умерла.

Зубков, по доходившим до меня слухам, пьянствовал и опускался все ниже. Потом он из Люксембурга куда-то уехал и все о нем позабыли.

Прошло еще года три и вот, волею случая мне довелось его снова увидеть, уже в последний раз и при таких обстоятельствах, которые позволяют добавить здесь последние штрихи к его моральному облику и довести это невеселое повествование до конца.

Однажды, во время каникул, я, с двумя другими русскими студентами, отправился в путешествие по Бельгии на велосипедах. На отели денег у нас не было, — ночевали мы в попутных католических монастырях, — и как-то вечером прикатили в небольшой городок, где у нас была запланирована очередная ночевка в одном из таких монастырей. Там в это время шел «кермес», — неделя ежегодных празднеств, со всеми подобающими в таких случаях развлечениями, в

числе которых было и два-три балагана с какими-то атракционами. Идти в монастырь было еще рано, мы решили предварительно пройтись по площади и поглядеть на праздник. На высоком помосте, над входом в один из этих балаганов, мы увидели одетого матросом человека, в котором я не сразу узнал Зубкова. Стоявший рядом с ним зазывала громко кричал:

— Заходите, господа, и вы о том не пожалеете! Всего за один франк вы здесь услышите интереснейший рассказ о романе и о семейной жизни принцессы Виктории Германской, родной сестры императора Вильгельма Второго и жены русского матроса Николая Зубкова, — вот он здесь стоит перед вами! Заходите, господа, он вам, всего лишь за один франк, расскажет такие интимные подробности, каких вы нигде не услышите, и ответит на любой ваш вопрос!

— Вот же мерзавец! — промолвил один из моих спутников. Идемте отсюда от греха, а то уж больно хочется измордовать этого «артиста!»

Падать ниже было уже, пожалуй некуда. Да на это и времени у Зубкова оставалось мало: вскоре он умер от туберкулеза.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Объединению Кадет Российских
Кадетских Корпусов за Рубежом.
Нью Иорк.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Поздравляю со Светлым Праздником Христова Воскресения и желаю всего, всего наилучшего: председателя, секретаря, правление и всех дорогих одноклассников. Пусть принесут Вам всем эти радостныя дни много здоровья и душевной бодрости, встретить этот Светлый праздник в своей дружной кадетской семье.

Рассеяны, но не расторгнуты — это великая истина, которой Мы все можем гордиться. Судьба нас разбросала по многим странам света, но мы не теряем связи, а укрепляем ее на страх врагам.

Испрашиваю у Пресвятыя Троицы благословения на нашу маленькую, но дружную семью.

И опять каждогодняя обыденная проза: по старой привычке прилагаю мой личный чек № 290 на сумму Амер. Долл. 200,00 для детского лагеря.

Крепко по кадетски жму Ваши руки,
искренне и всею душою Ваш,

11 апр. 1981 г. **Борис Белоусов — Рюбецал.**

Дорогой Однокашник!

...Хочу обратить внимание на **прекрасную** статью нашего однокашника В. Бодиско, напечатанную в № 28-ом «Переклички» — «Прошлое, настоящее, будущее».

Статья очень актуальна, написана с глубоким пониманием разбираемой им темы хорошим литературным русским языком. Умелый подход автора к нашим беспокоющим вопросам, удачно подобранный материал подкрепляемый логичными доказательствами, прекрасный анализ «волн» эмиграции ставят этот труд В. Бодиско в ряд лучших политических статей написанных на эту тему в зарубежной периодической печати и делает как честь самому автору, так и самой нашей «Перекличке». Статья которая попав в руки серьезного объективного историка занятого изысканием причин русской политической эмиграции начав от 1917 года, как и самого быта ее в **Зарубежьи** на протяжении шести с лишком десятилетий, поможет ему в его трудах правильно разобраться во многом.

М. Мальчевский

ХРОНИКА

НАГРАЖДЕНИЕ О. ВЛАДИМИРА ШЛЕНЕВА.

Наш однокашник, настоятель Храма Св. Сергия Радонежского в Вижа Бажестер (Аргентина) протоиерей о. Владимир Шленев удостоен награды «Золотой Крест с украшениями».

Награждение состоялось в помянутом Храме 14 июня с. г., когда по постановлению Синода Зарубежной Церкви Преосвященнейший Афанасий, Архиепископ Аргентинский и Парагвайский, в присутствии большого числа прихожан возложил награду на отца Владимира, отметивши затем в своей проповеди значение этой награды и подчеркнувши заслуги награжденного как на Церковной так и на просветительной ниве.

Отец Владимир уже в течении более 15 лет состоит настоя-

телем храма, но в то же время руководит, в качестве директора, епархиальной школой. Благодаря его стараниям и энергии школа имеет свое собственное прекрасное здание, которое в данный момент расширяетсяя и в будущем будет служить очагом Русской культуры для следующих за нами поколений. Пожелаем же о. Владимиру и в дальнейшем полного успеха как в его пастырской так и полезной просветительной работе по воспитанию молодежи в русском национальном духе и укреплении в православии.

АРГЕНТИНА

КАДЕТСКАЯ ВСТРЕЧА.

7-го июня с. г. в Храме Св. Сергия Радонежского, после Божественной литургии был отслужен торжественный молебен с поминовением, по поводу корпусного и шефского праздников Крымского и 1-го Русского Вел. Кн. Константина Константиновича кадетских корпусов. Чинодействовал протоиерей отец Владимир Шленев (Княжеконстантиновец) сказавший приветственное слово своим однокашникам. После молебна, по установившемуся обычаю, перед зданием епархиальной школы была отдана, в кадетском строю, честь флагам: Аргентинскому и Русскому. Поднимали флаги юноши в кадетской форме Аргентинского и Крымского корпусов. После этого все кадеты со своими родственниками и друзьями собрались в зале школы, где председатель Объединения С. А. Якимович приветствовал всех присутствующих, поздравивши с праздниками кадет Крымцев и Княжеконстантиновцев и прочитавши список однокашников, ушедших в лучший мир, попросил вставанием и пением песни Дворянского полка почтить их память.

После того, как была пропета молитва и священники благословили трапезу, председатель попросил гостей «не побрезговать хлебом солью».

Как и всегда, так и на этот раз, благодаря заботам дамского комитета, «скатерть-самобранка» не обидела кадет.

Были провозглашены тосты, вспомнили и присутствующих и отсутствующих, и всех однокашников «в рассеянии сущих».

Присутствовало на встрече больше 60 человек. Кадет было 22 человека. Было много вдов наших однокашников. В Аргентине сейчас зима и поэтому многие, желавшие присутствовать на встрече не могли придти из за простуды.

К началу трапезы приехал из далекого Темперлея протоие-

рей отец Сергий Иванов (Донского корпуса) со своим сыном, который тут же записался в члены Объединения.

Нужно отметить дружеский жест председательницы Объединения Институток в Аргентине Н. С. Юргенс — вдовы покойного почетного председателя Объединения В. В. Юргенс. Будучи больна, она прислала два больших торта, как знак внимания к нашему Объединению.

В дружеской беседе, воспоминаниях и песнях быстро прошло время, но расходясь, каждый уносил в сердце радость этой встречи и чувство нашей вечной дружбы.

В ЛОС АНЖЕЛОСЕ.

В воскресенье 22 марта 1981 года Объединением Кадет Российских Кадетских Корпусов в Лос Анжелосе, при поддержке Объединенных Русских Организаций было устроено в Русском Зале на Оргайл Авеню траурное собрание, посвященное светлой памяти императора Александра Второго по случаю его трагической гибели сто лет тому назад.

Русские люди, жители Лос Анжелоса, дружно откликнулись на призыв устроителей и заполнили почти весь обширный зал. Вначале были исполнены американский и русский гимны с выносом национальных флагов при почетном карауле местных бой-скаутов.

Настоятелем Свято-Покровского Храма о. Александром Милеант было произнесено прочувственное слово, в котором он отметил божественное существо христианской власти, особенно в России, где русские цари считались помазанниками Божиими, которые заботились по мере сил своих о благе народа и государства. Один из благороднейших и любимейших государей наших был император Александр Второй, прозванный народом Царем-Освободителем.

Закончив слово, о. настоятель в сослужении протодиакона о. Иоанна Гречишкина отслужил литию и хором была пропета Вечная память безвременно погибшему Императору.

Э. М. Мистулов в своем докладе напомнил присутствующим о зарождении в России пришедшей с запада идеи «нигилизма» и так называемого революционного движения, родившего безобразную организацию небольшой кучки террористов самозванно назвавших себя «Народной Волей». Террористы «народовольцы», несмотря на грандиозные реформы, проведенные на благо России Царем-Освободителем, несколько раз покушались на его жизнь и, наконец, это вопиющее преступление, вызвавшее негодование по всей стране, было соверше-

но 1-го марта по старому стилю в 1881 году.

Профессор В. Г. Улитин сделал доклад о том, как создалось на Руси крепостное право и положение крестьянства перед реформой, о долгом стремлении Государя и всех его сподвижников создать и провести в жизнь крестьянскую реформу на благо всего русского народа.

Эта реформа была проведена обнародованием Манифеста об освобождении крестьян 19 февраля 1861-го года. Незабываемы торжественные слова Манифеста: «Осени себя Крестным знаменем русский народ и призови с Нами Божие благословение на твой свободный труд, залог твоего домашнего благополучия и блага общественного».

В конце первой части программы А. П. Кавецкой было прочитано стихотворение А. Майкова «Манифест 19-го февраля 1861-го года».

Во втором отделении И. А. Автамонов сделал доклад, в котором подробно осветил всю жизнь и деятельность Царя-Освободителя, с юных лет до страшного его конца от руки злобного и жестокого террориста-«народовольца» Гриневицкого, в печальной памяти день 1-го марта 1881 г. Инж. И. А. Автамонов захватил внимание зала на протяжении всего своего доклада, длившегося почти один час без перерыва.

«Русский хор» под управлением Д. М. Гортынского исполнил следующие патриотические песни: «Гей славяне!», «Братья, все в одно моленье», «В степи широкой под Иканом» и «Спите орлы боевые». В заключение И. А. Соколов с чувством прочитал стихотворение К. Р. «12-го октября 1877 года».

Траурное собрание закончилось. Присутствующие расходились сравнивая благодатное царствование Царя Освободителя, даровавшего Государству Российскому столько прекрасных реформ, освободившего от крепостничества крестьянство, а от турецкой зависимости братьев славян с мрачным и зловещим правлением «Народно-крестьянской власти», закабалившей всю Россию и залившей ее просторы невинной кровью.

Б. И. К.

ИСПРАВЛЕНИЕ

В статье А. Боголюбова «Пасхальные и другие заметки из Москвы», напечатанной в № 27-ом нашего журнала, не по вине редакции, вкралась досадная опечатка.

На стр 34-ой указано, что храм Воскресения Христова в Москве строился с 1870 по 1913 гг. В действительности же храм строился с 1910 по 1913 г.

ВЛАДИМИРСКОЕ СОРЕВНОВАНИЕ УЧЕНИКОВ РУССКИХ ШКОЛ 1981 г.

По примеру прошлых лет Объединение Кадет Российских Кадетских Корпусов в Нью Йорке 11-го апреля с. г. провело литературно-исторический конкурс учеников Свято-Сергиевской Гимназии и Церковно-Приходских школ в Наяке, Лейквуде, Флошинге и Торонто (Канада). В этом году тема была: «Куликовская битва и ее значение в создании государственности Московской Руси».

После тщательного обсуждения работ, комиссия по оценке вынесла следующее решение:

Лучшей работой признано сочинение, написанное Дмитрием Окопным, учеником Приходской Школы Св. Александра Невского в Лейквуде, с присуждением ему первого приза в размере 100 долларов, а школе в Лейквуде переходного «Владимирского Стяга».

Вторую и третью награды в размере 75 и 50 долларов получили ученица Св.-Троцкой Школы в Торонто Елизавета Чумакова и ученица Благовещенской Школы во Флошинге Мария Каруна.

Всем награжденным также будет выдана книга: «Русские Кадетские Корпуса за Рубежом».

Комиссия по оценке работ также решила выдать утешительную награду в размере 25 долларов ученику Св.-Троицкой Школы в Торонто Александру Найда.

Сочинение присланное Св.-Сергиевской гимназией не было принято комиссией к участию в соревновании т. к. оно было написано ученицей получившей первую награду на соревновании в прошлом году.

От имени Комиссии и Правления Объединения, поздравляем всех награжденных за отлично выполненные работы, всех участников конкурса за проявленное старание и интерес к русской истории и литературе. Поздравляем директоров и наставников школ и желаем им сил и здоровья на продолжение их работы с молодежью на религиозно-национальном поприще. Комиссия сообщает, что в начале следующего года некоторые правила конкурса будут изменены, о чем будет сообщено заблаговременно. Есть основания предпологать, что на следующий год в конкурсе примет участие больше школ.

Председатель Комиссии
А. Иордан

Сочинение получившее первую награду.

Дмитрий Окопный

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В СОЗДАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В МОСКОВСКОЙ РУСИ

"Не в силе Бог, а в правде"
Кн. Александр Невский

Не раз в истории нашей великой Родины, кровавой битвой решалось ее будущее, но Куликовское сражение по своему значению занимает главное и основное место.

Несмотря на то, что Александр Невский в 1240 и 1242 гг. разбил шведов и литовцев, а Великое Княжество Московское начало свое медленное возвышение, татарское иго еще крепко держало в своих руках весь русский народ.

Во второй половине XIV века Московское княжество жило в мире с Ордой, платя аккуратно дань, не смея еще противостоять ее силе.

Благодаря нашей Православной Церкви и ее просветителям: Митрополиту Петру, святителю Алексею и преподобному Сергию Радонежскому, в русском народе крепла вера в Бога и Его правоту, а в то же время крепло сознание того, что близится час свержения татарского ига.

Великий князь Димитрий Иванович (1359-1389) сделал первый шаг, перестав платить дань и разбив татарских баскаков. Это повлекло к нашествию татарского хана Мамая, который заключив союз с литовским князем Ягайлой и собрав огромное войско двинулся на Русь. Но князь Димитрий, узнав о приготовлениях татар и литовцев, не ожидая их нападения, стал собирать войско, решив выйти им навстречу. Он послал гонцов к удельным князьям и в Новгород, Рязань и Тверь с призывом объединиться на борьбу с татарами. На его призыв отозвалось очень незначительное количество соседних князей, а Новгород, Рязань и Тверь вообще не прислали своих дружин, ссылаясь на то, что будут ожидать татар у своих границ. Таким образом князь Дмитрий остался один со своей московской ратью и верными ему соседями.

Перед походом князь Дмитрий посетил Троицкую обитель и игумена Сергия Радонежского.

Сергий Радонежский, сын ростовского боярина, уже давно был советником великого князя и народ почитал его, как святого и верил его слову и молитвам.

Известный русский историк В. О. Ключевский, определяя

значение преп. Сергия для русского национального значения писал: «Таких людей была капля в море... Такие люди становятся для грядущих поколений не просто великими покойниками, а вечными их спутниками, даже путеводителями. Это не только назидательная, отрадная страница нашей истории, но и светлая черта нашего нравственного народного содержания».

Князь Димитрий горячо молился: «Господи великий» — шептал он — «услыши молитву мою, на Тебя одного уповаю! Не дай погибнуть Руси!»

После окончания службы преп. Сергий, благословив князя Димитрия, сказал: «Будь здрав на многие лета, великий государь! И да исполнит Господь твою молитву».

О. Сергий дал князю Димитрию двух иноков Ослябю и Пересвета, бывших бояр и славных витязей, показав этим, что борьба за свободу родины есть дело не менее важное, чем монастырские подвиги. Оба инока погибли в бою.

Приняв благословение и двух иноков князь Димитрий выступил в поход. 6-го сентября он подошел к Дону и остановился, не решаясь его перейти. В это время прискакал гонец от преп. Сергия с просфорой и грамотой, в которой было написано: «Иди смело, князь и да поможет тебе Бог».

Воодушевленный словами игумена Сергия, князь Димитрий переправил свое войско через реку Дон и расположил его на поле Куликовом к югу от притока Дона, Непрядвы. Князь Димитрий, после обхода поля битвы выстроил свои полки длинным крестом в 10 верст так, что концы его упирались в трудно проходимые места для врага, овраги и болота. По середине стоял Большой полк под начальством воевод Бренка и братьев Вельминовых, а за ним стояла дружина князя Димитрия и развевался черный стяг с золотым ликом Спасителя. Немного впереди Передовой полк с князьями Ольгердовичами. Позади Большого полка Запасной полк под начальством князей Тарусских и Оболенских. Справа от Большого полка стоял полк Правой руки с воеводами кн. Андреем Ростовским и кн. Андреем Стародубским. Слева от Большого полка, полк Левой руки под начальством кн. Белозерского. В лесу с левой стороны был спрятан Засадный полк под начальством Боброка-Волынского и Владимира Серпуховского с приказом не вступать в битву до тех пор пока татары не начнут явно одолевать или преследовать их если они побегут. Сам кн. Димитрий, передав княжеский стяг и

свои доспехи боярину Бренко, приложился ко кресту и вкусив просфору, посланную ему преп. Сергием, отправился как простой воин в бой.

Перед сражением был поединок между иноком Пересветом и татарским великаном Темир-беем. Они столкнулись с такой силой, что кони чуть не опрокинулись навзничь, а оба витязя пали сраженные насмерть. Тогда началась общая битва.

Это было 8-го сентября 1380 года в день Рождества Пресвятой Богородицы. «Бысть сеча велика и брань крепка» (По летописи). Татар было почти в два раза больше чем русских. Они напирали на центр Большого полка, но русские их отбили. Тогда они обрушились на Левый полк и оттеснив его угрожали зайти в тыл Большому полку. Тогда Димитрий пустил на татар Засадный полк. Татары, не ожидая свежих сил русских смешались и побежали. Побежал с ними и Мамай. Есть предание, что он сказал: «Велик Бог Христианский!» Русские преследовали татар и окончательно их победили. После битвы князь Владимир начал искать своего брата, но никто не видел князя Димитрия. Искали его между убитыми и нашли под деревом в изорванной кольчуге, без сознания, но живым. Придя в себя, видя радостные лица около себя князь Димитрий горячо благодарил Бога за дарованную победу, а потом, сев на коня объехал поле битвы, где лежало около двух тысяч убитых русских воинов и татар. Князь плакал видя столько убитых русских воинов. Велика была победа, но велики были и потери. Русская церковь, по желанию князя Димитрия, установила праздновать память убитых на Куликовом поле в Димитриеву Субботу — последнюю субботу перед памятью св. Димитрия Солунского 26-го актября. За победу у Дона кн. Димитрий был назван «Донским».

Так Москва и вся северо-восточная Русь была спасена от нашествия Мамая. Литовский князь Ягайло, узнав о поражении татар, ушел назад в Литву.

Победа на Куликовом поле показала, что татары уже не так сильны и что русские могут их побеждать. В то-же время высоко подняла Московских князей в глазах всей Руси. Необходимость единения и то под стягом московских князей теперь стала ясной, так как московские князья стоят не только за свое княжество, но и за всю Русскую землю и русский народ стал видеть в Московских князьях своих национальных вождей.

Куликовская битва не спасла Москву от нашествий других

монгольских ханов Тахтамыша и Тамерлана и Русь должна была опять платить дань еще сто лет, но татары уже не смогли утвердить свою власть с прежней силой. Куликовская победа подготовила благоприятную почву для окончательного освобождения от татарского ига и открыла дорогу «собирателям русской земли» для образования Великого Московского Государства.

«Клянусь вам честью, что ни за что на свете я не захотел бы переменить Отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой как нам Бог послал». (**А. С. Пушкин**)

Источники:
История Государства Российского — Карамзин;
История Государства Российского — Ключевский;
Очерки по русской истории — Пушкарского;
Урок Русской Истории — Юрьевой;
Кадетская Перекличка № 25;
Трезвон № 1, 1980-81;

—

ОТЧЕТ О ПОДАРОЧНОМ ФОНДЕ «ПЕРЕКЛИЧКИ»

С 1979 года, когда финансовая отчетность «Кадетской Переклички» была выделена из бюджета Объединения в Нью Иорке, по июнь 1981 года журналу было пожертвовано 1830 долларов. Из этой суммы жертвователи внесли в подарочный фонд 455 долларов для бесплатной рассылки журнала.

Редакция высылает безвозмездно 12-ть экзэмпляров каждого номера. Кроме того представители журнала в Сан-Франциско, Австралии, Аргентине, Бразилии, Бельгии и Франции получают для бесплатной рассылки по два экземпляра. С лета 1980 года, когда фонд, созданный по инициативе Венецуэльского Объединения, был основан, бесплатно было распространено 96 экземпляров (24 экз. каждого из четырех выпущенных номеров), на общую сумму в 384 долларов.

Касса подарочного фонда располагает неизрасходованной суммой в 71 доллар для бесплатной рассылки следующего 29-го номера. Почтовые расходы Редакция принимает на свой счет.

Н. В. К.

—

СПИСОК ЖЕРТВОВАТЕЛЕЙ В ФОНД ЖУРНАЛА

Н. Жемчужников — 12 долл., Архиепископ Виталий Канадский — 300; А. Кулаков — 36; Е. Протопопова — 3; В. Федоров — 2; Н. Тимофеев — 3; Г. Грейц — 70.

СУДЬБА БАХМЕТЬЕВСКОГО АРХИВА.

В начале 50-х годов бывший российский посол в США Б. А. Бахметьев передал Калумбийскому университету архив российского посольства, который лег в основу новосозданного Русского Архива. Согласно «джентельменскому» соглашению с генералом Айзенхауэром, тогдашним президентом университета, куратором архива был назначен Л. Ф. Магеровский (Владимирского Киевского Кадетского Корпуса выпуска 1913 года), пользовавшийся полным доверием русской эмиграции.

Бахметьев передал в распоряжение университета сумму в 1 600 000,00 долларов, которая вероятно, была остатком посольского фонда.

Впоследствии архив пополнялся личными документами генерала Деникина, архивом Добровольческой Армии, РОА, личными архивами графа Витте, Милюкова (в частности его дневники с 1917 по 1921 годы), Быв. военного атташе во Франции графа Игнатьева (вернувшегося в Сов. Союз), письмами Бунина, архивом лидера меньшевиков Абрамовича и другими материалами.

Неожиданно после 25-ти летнего руководства Л. Ф. Магеровский был уволен, и односторонним решением президента университета Мэк-Гилла архив был передан в не русские руки. Руководителями Бахметьевского Архива стали специалисты по венгерской истории и знатоки украинского, польского, чешского и других славянских языков, в перечне научных работ которых, нельзя найти трудов посвященных России.

Ниже мы помещаем сообщение Конгресса Русских Американцев о судьбе Архива и Фонда в полной уверенности, что это вопиющее нарушение основного статуса архива, послужит всем нам серьезным предупреждением не вверять наши исторические ценности иностранному попечению.

Мы предлагаем русским организациям и отдельным лицам, вне зависимости от места проживания, писать письма в поддержку акции Конгресса Русских Американцев. Письма нужно адресовать президенту Колумбийского Университета в Нью-Йорке доктору М. И. Соверну и подписывать с указанием своего адреса. Письма, написанные по-английски или на языке страны проживания, следует посылать или непосредственно в Колумбийский университет или в редакцию «Переклички».

Н. В. Козякин

О РУССКОМ АРХИВЕ И ФОНДЕ.

В статье, опубликованной в Новом Русском Слове 2-го июня, совершенно справедливо, поставлен вопрос о Русском архиве при Колумбийском университете и о «Хюмeнити фонде». Эти вопросы весьма остро переживаются русскими американцами, мнение которых выражает Конгресс Русских Американцев. По сути, это совершенно два разных дела, которые теперь часто упоминаются вместе.

Устранение русских от контроля над Русским архивом при Колумбийском университете, называемым теперь Бахметевским, создало конфликт между русским Зарубежьем и университетом. Этот Архив создавался всем русским Зарубежьем. Еще в 1951 году в кратком описании фондов Архива было напечатано «Положение об Архиве», о порядке назначения его куратора и членов совещательного комитета. В «Положении», в частности, сказано: «лица, дарящие, продающие или отдающие на хранение Архиву материалы, могут, по соглашению с Архивом, ставить свои условия относительно допуска к материалам, снятия копий, цитирования этих материалов, а также назначать срок их хранения».

Предыдущий президент Колумбийского университета д-р Мак-Гил создал было совещательный комитет для решения вопроса о будущем руководстве Русским архивом. В комитет вошли следующие лица: д-р Пол Андерсон, основатель издательства ИМКА-Пресс в Париже, Р. Б. Гуль — редактор «Нового Журнала», д-р Джордж Кеннан — бывший посол США в Москве, Григорий Костюк — член Украинской Академии искусств и наук, д-р о. Иоанн Мейндорф (Св. Владимирская семинария), д-р Глеб Струве — бывший профессор университета в Беркли, д-р Сергий Якобсон (Библиотека Конгресса) и профессор А. П. Щербатов (университет Фарлей Диккенсон в Нью Джерзи). За все время этот комитет совещался с представителями Колумбийского университета только один раз. Причем на совещании несколько членов комитета не присутствовали, но присутствовал Г. А. Клименко, член главного правления Конгресса Русских Американцев. Мнение комитета сводилось к требованию назначить на пост хранителя Архива лицо, пользующееся доверием русского Зарубежья. Назывались и обсуждались кандидатуры на эту должность. Однако Колумбийский университет пренебрег мнением комитета и начал управлять Архивом по своему усмотрению.

В русской прессе стали появляться тревожные сведения о создавшемся положении и о нарушении новой администрацией Архива правил хранения архивных материалов, в противоречии с волей лиц, передавших собрания документов в Архив. Все это возмутило русское Зарубежье, и на имя президента Мак-Гила стали поступать протесты от русских организаций и отдельных лиц со всего свободного мира. Мак-Гил не пожелал пойти навстречу их пожеланиям. К тому же год тому назад он ушел в отставку, и его сменил д-р М. И. Соверн.

По инициативе главного правления Конгресса Русских Американцев, в полном согласии с Русской Академической группой, было решено вновь писать письма с протестами на имя нового президента университета. Это были письма от организаций, лиц, передавших Архиву свои материалы, и от лиц, окончивших Колумбийский университет. В этих письмах было указано, что восстановление отношений между русским Зарубежьем и Колумбийским университетом возможно только при условии назначения на пост хранителя Архива лица, пользующегося доверием русского Зарубежья. Без соблюдения этих условий материалы от русских в Архив больше поступать не будут. Письма с протестами поступили в адрес д-ра Соверна со всех концов земного шара. Копии их хранятся в канцелярии Конгресса Русских Американцев. По поручению д-ра Соверна были написаны стандартные ответы на эти протесты, они сводились к сообщению, что сохранности Архива ничто не грозит. Аналогичный ответ получил также главный редактор Нового Русского Слова. Эти отписки совершенно неудовлетворительны и показывают оскорбительное пренебрежение администрации Колумбийского университета к естественным требованиям русского Зарубежья. Колумбийский университет сможет восстановить отношения с русским Зарубежьем, если в ближайшее время наши представители получат возможность обсудить с представителями университета создавшийся конфликт, и в управлении Архива произойдут перемены, на которых настаивает русское Зарубежье.

Отдельно стоит вопрос о русских деньгах, находящихся ныне в распоряжении Колумбийского университета и принадлежащих ранее «Хюмэнити фонду». Этот фонд был основан задолго до возникновения Русского архива — в 1936 году. Как известно, его основателем был покойный Б. А. Бахметьев, который хотел создать постоянный источник средств

для оказания помощи жертвам коммунизма в деле развития и сохранения русской культуры в свободном мире. Фонд просуществовал около 35 лет и успешно оказывал поддержку русским в области культурных и научных начинаний. Правление фонда было смешанным, и со временем русские члены этого правления один за другим скончались, не позаботившись о том, чтобы заблаговременно обеспечить себя сменой из представителей более молодого русского поколения. Оставшиеся нерусские члены правления решили фонд ликвидировать «за ненадобностью» и передали его Колумбийскому университету.

Разумеется, адвокаты фонда произвели эту передачу с соблюдением существующих законов, но с человеческой точки зрения был совершен акт, лишивший нас всех средств. Вряд ли бы с этим согласился основатель фонда Б. А. Бахметьев. По поводу источника средств, составивших фонд, существовало два мнения: 1) Фонд представляет собой остаток средств русского императорского посольства в США и 2) Фонд был личным пожертвованием Бахметьева. Однако следует указать на один достоверный источник, о котором до сего времени в прессе не упоминалось — это средства русских ветеранов Белых армий, в основном рабочих, делавших ежемесячные денежные взносы в «Хюмэнити фонд». Документы об этом имеются в распоряжении Конгресса Русских Американцев. Создалось совершенно ненормальное положение: деньги, собранные на русское дело, попали в нерусские руки и используются не по назначению, не так, как хотел основатель фонда. Конгресс Русских Американцев, к сожалению, не существовал в момент ликвидации фонда и не смог участвовать в борьбе за его сохранение в русских руках.

Служба информации Конгресса Русских Американцев

ПАМЯТИ КАДЕТА

Этот рассказ я посвящаю вам, дорогие мои внуки — Алик, Леночка и Сереженька, в память вашего деда, покинувшего нас навсегда. Прочтя этот рассказ — может быть, скорее поймете, почему многие русские люди (в том числе и ваш дед), безгранично любя свою Родину — нашли свой вечный покой не на родной земле, а под равнодушным небом чужбины.

Известный русский писатель — Тургенев в одном из своих стихотворений в прозе, сказал, что «любовь сильнее смерти и страха смерти». И вот, великая любовь к Родине в роковые минуты ее истории, собрала горсточку отважных русских людей, в том числе и совсем юных мальчиков, бросившихся на защиту этой погибающей и поруганной Родины, отдававших ей единственное сокровище, которым они обладали, — свои жизни.

Следовало бы запомнить слова одного замечательного историка и писателя о Белой борьбе. Нет, не русского, а иностранца — аргентинца, съумевшего, однако постичь всю трагедию России. Это профессор Альберт Фальчионелли, который в своей книге: «История современной России» пишет так: «Вся эпоха Белой борьбы в России — одна из самых героических страниц мировой истории. Нельзя забывать, что, хотя Белая Армия и не добилась победы с оружием в руках против своего численно неимоверно превосходящего противника и принуждена была покинуть пределы своей Родины, но она добилась великой моральной победы, так как спасла честь поруганной своей матери-России».

Рождественские каникулы 1916-17 учебного года — Толя Захаржевский, 11-летний кадет 2-го класса Киевского Владимирского Корпуса, проводил в Бендерских казармах, в квартире своего отчима — князя Димитрия Григорьевича Волконского, ротмистра Изюмского гусарского полка, приехавшего недавно в Киев с фронта — для проведения ремонта конного запаса полка.

«Дядя Митя», как отчима называл Толя, очень любил своего пасынка и брал его с собой всегда и всюду, когда это было возможно. Так было и в тот памятный морозный день 28-го декабря 1916 года. Толя сидел в пролетке, рядом со своим отчимом, с интересом и восхищением наблюдая проходившие мимо бесконечные колонны пехоты, (отчим объяснил ему,

что пехоту отправляют на фронт). Все хотелось ему увидеть, запомнить, запечатлеть: и солдатскую форму и их лица и грохочущие, где-то позади, какие-то повозки, хотелось отчетливее рассмотреть полковые знамена, вслушаться в слова песни, которую, то и дело, лихо запевали в солдатских рядах. Надо было еще кое о чем расспросить дядю Митю, тем более, что пролетка останавливалась, пропуская пехоту. Но проходившие бодрым шагом солдаты внезапно остановились совсем вплотную к коляске.

Толя внезапно почувствовал себя как-то неловко, неприятно, заметив, что на него обращен пристальный, полный ненависти и злобы взгляд, оттуда из солдатских рядов, откуда до сих пор ему только лишь дружелюбно улыбались и весело подмигивали молодые, часто совсем еще безусые добродушные парни-солдаты, его — Толины друзья, его братья. Однако, он никак не мог отвести своих глаз от глядевшего на него солдата такого-же как все, но ненавидевшего его. Взгляд этот преследовал Толю до тех пор, пока солдатские ряды не шевельнулись, двинулись, отошли . . . Затем кучер-солдат поднял вожжи, цокнул и лошади с места рванули . . .

Этот, казалось-бы, незначительный и даже как-то неосознанный эпизод, остался в памяти на всю жизнь. Впрочем, уже вернувшись в казармы, Толя рассказал отчиму об этом «взгляде, полном ненависти». Дядя Митя молча и внимательно выслушал его, нахмурился, и медленно, подчеркивая каждое слово, ответил: «Этот вот солдат, глядевший на тебя с ненавистью и злобой, не разделяет нашей солдатской присяги «за Веру, Царя и Отечество», так как ненавидит и веру, и царя и отечество. Он принадлежит к растлителям и разрушителям нашей России. Помни это Анатольчик», и Толя запомнилъ все, что сказал ему дядя Митя, хотя и не понимал, кто же эти люди, жаждущие разрушения России?! Зачем? почему?! Но сердце охватило желание воспрепятствовать, не позволить, разрушить. Все то, что он так искренно и глубоко любил. Россия — это ведь его Киев, дивный зеленый город, с его цветущими садами, съ бесчисленными храмами, сверкающими золотом куполов. Это широкие разливы рек, золото полей, прохлада густых лесов.

Вспомнилось, как он уже будучи кадетом 1-го класса участвовал на параде по случаю приезда в Киев Государя Императора с Наследником. Позабылись подробности всего этого парада — запомнилась лишь одна коротенькая, но незабы-

ваемая сценка... Сперва казалось, что время тянется нудно, медленно и как то скучно, пока он стоял в строю... На левом фланге... И вдруг, где-то далеко грянуло солдатское ура... оно катилось, все приближаясь, подобно волне шумного прибоя. Он как-то весь напрягся, вытянулся и сразу увидел издали группу всадников, а за ними открытую пролетку, в которой тотчас обнаружил Наследника в серой солдатской шинели, сидящего рядом с каким-то матросом. (Позже ему сказали, что это был дядька Наследника матрос Деревенько). Но Толю интересовало только лишь одно: увидеть, не прозевать, не пропустить Государя... и тотчас же в группе всадников он узнал его. Государь ехал чуть впереди остальных легко и изящно держа поводья левой рукой, правой же както грациозно опирался на седло, постоянно поднося руку к козырьку и смотрел внимательно на лица выстроенных кадет. Группа всадников медленно приближалась. И как раз в то мгновение, когда почти поровнялись с ним — военный оркестр грянул национальный русский гимн. Совсем, совсем близко увидел Толя лицо Государя и его большие, светлые и, как ему показалось, очень грустные глаза, которые на какое-то мгновение коснулись его лица и как-будто заглянули ему в душу. Помнит Толя, что он испытывал какой-то трепет, какой-то небывалый восторг... знал он, что для спасения своего Государя он не задумываясь тут-же отдал бы свою жизнь.

«Февральская революция» и последующие за ней месяцы, вплоть до начала учебного года 1918-1919 принесли целый ряд переживаний. Однако Киевский корпус все еще собирал своих питомцев и занятия, хотя не регулярно, но все же продолжались. Власть в Киеве постоянно менялась: временное правительство сменилось кратковременной анархией после октябрьского переворота. Затем настоящая чехарда — немецкая оккупация, гетман Скоропадский, Петлюра, а весной 1919 года появились Добровольцы, которым удалось эвакуировать корпус в Одессу ввиду угрозы от стягивавшихся к Киеву большевицких частей.

В Одессе занятия в корпусе шли кое-как, но все же не прекращались. Но в Толиной судьбе вскоре перевернулась новая страница его жизни: ему вручили неожиданно письмо от отчима, вызывавшего его к себе на одесскую квартиру (потом лишь он узнал, что отчим прибыл в Одессу с частями генерала Драгомирова, в конвое которого он состоял). По-

лучив от начальства корпуса разрешение отлучиться — Толя поспешил к дяде Мите, которого застал в тифозной горячке. Он оставался неотлучно у постели больного до тех пор, пока не миновала опасность и бледный, сильно исхудавший дядя Митя не потребовал от своего «спасителя» немедленно вернуться в корпус. Впрочем, пребывание в одесском корпусе оказалось для Толи очень кратковременным т. к. уже через несколько дней его отвезли в военный госпиталь в тифозном жару.

Здесь воспоминания сменяются то бредом, то страшными картинами яви. Помнятся разбитые стекла окон и целые насыпи снега на одеяле, горячечные речи и стоны соседей, мечущихся в бреду — солдат, офицеров, юнкеров, кадет. Ощущение нестерпимого холода сменялось пыткой словно в огне горящего тела, муками жажды и какой-то безнадежной неизяснимой тоской. Запомнилось и появление целой толпы стучащих сапогами, красноармейцев. Кто-то стянул одеяло и какая-то цепкая волосатая рука сорвала у него с шеи золотой нательный крест вместе с цепочкой.

Сколько времени он болел?! Время как-будто остановилось для него. Бред мешался с действительностью, действительность казалась бредом. Неясно помнится, что изредка являлась какая-то сестра, иногда давала ему выпить что-то теплое, стряхивала с одеяла налеты снега, старалась чем то заткнуть разбитые стекла окна, из которого все сыпал и сыпал снег.

Сосед по койке ни раз обращал к нему худое изможденное лицо с жарко пылающими щеками. Потом он узнал, что этого соседа звали Костей (Константин Станичный, как он сам себя назвал). Впрочем вся палата называла его «старик», вероятно, потому, что он был совершенно седой, несмотря на свои 24 года.

Незаметно все чаще возвращалось сознание, все чаще беседовали они со «стариком» и постепенно Толя многое, многое узнал от этого «старика». Узнал, что Костя был в Добровольческой армии, на фронте заболел тифом, Костя оказался кубанским казаком, рассказывал о том, как на Кубани в родной его станице побывали большевики. С холодным ужасом слушал рассказ Кости о том, как большевики зверски замучили Костиного отца, как сперва изнасиловали, а потом зарубили его мать. Костя уцелел тогда чудом и всю эту жуткую сцену надругательств и убийств его родных наблюдал с

сеновала, где его не обнаружили. — «Мой отец был простым казаком, все имущество отца состояло из небольшого дома, огорода, нескольких лошадей и коров. Все это заработал он своим трудом за пол века своей жизни. Я поклялся отомстить этим людям... Вот отчего я и ушел к Добровольцам», Если выживу — опять проберусь к ним — к белым»... И много еще рассказал Костя и все сильнее чувство негодования, отвращения, ужаса и гнева охватывало Толину душу. И как-то на вопрос Кости: «а ты, Толя, что думаешь делать... если выживешь?» — он неожиданно и бесповоротно решил: «Вместе с тобой хочу к белым пробраться»... первый раз в жизни пришлось ему самому решать свою судьбу, до сих пор это делали старшие — папа, мама, отчим, директор корпуса, воспитатели. А теперь он остался совсем один... Когда выздоровевших от тифа отпускали из больницы, то вместе с рваными штанами и курткой со слежавшейся ватной подкладкой да парой больших, не по ноге, штиблет на деревянной подошве, Толе выдали удостоверение, на котором значилось, что бывший кадет Киевского Владимирского Корпуса выпущен из военного госпиталя города Одессы, такого-то числа 1920 года с тем, чтобы он немедленно явился военному комиссару города Одессы. Костя получил такое же удостоверение, где указывалось лишь, что он казак такой-то станицы на Кубани. И вот в одно холодное мартовское утро 1920 года, когда, впрочем, светило уже совсем по весеннему ликующее яркое солнце, пошатываясь от слабости, как пьяные, Костя и Толя вышли из ворот госпиталя. Костя решил пробираться на родную Кубань и оттуда уже разыскивать Добровольческую Армию, чтобы присоединиться к ней. Он звал и Толю с собой. Но Толя решил сперва зайти на квартиру отчима. Однако прогулка на квартиру дяди Мити не принесла ничего утешительного. Хозяйка квартиры очень перепугалась, увидев перед собой кадета, долго ухаживавшего за больным белым офицером. Ничего не удалось добиться от нее... она повторяла лишь в испуге, что ее постоялец — куда-то отбыл сразу, как поправился и умоляла Толю уходить как можно скорее «чтобы не навлечь беды». Вероятно, несчастная женщина была чем-то сильно напугана и Толя не расспрашивая ее больше ни о чем, поспешил вернуться к ожидавшему его за углом Косте. Они сразу и двинулись в свой далекий путь, т. е. на Кубань из Одессы... пешком.

С этого момента начались целая эпоха скитаний по горев-

шей в гражданской войне русской земле. Надо было обойти лиманы, с которых уже сошел ледяной покров, постараться избегать встречи с большевицкими разъездами и постами, надо было и умудриться не умереть с голоду, не имея при себе не только денег, но и вообще ничего ценного.

Друзья брели большей частью только ночью. С утра же обычно забивались в заросли камышей и кустов и там отсыпались до темноты, случалось после долгих колебаний постучаться в какой-нибудь встречный дом или хату. Часто крестьяне, сжаливались над ними, кормили их то борщем, то кашей, то поили молоком, или давали в путь ломоть хлеба и сала. После долгого скитания друзья, наконец, добрались до села Темрюк, где проживал родной дядя Кости и, где они надеялись хоть немного отдохнуть. Костин дядя был хозяином небольшого хутора. Дом казался очень прочным, крепко сколоченным, да и все хозяйство было солидное, благоустроенное. Сразу заметно было, что жильцы дома работают не желея себя. Дом расположился на высокой стороне села. Прямо из окон открывался вид на извилистую, полноводную речку. Дом был окружен густым фруктовым садом, переходившим в бахчи, где в это время года лишь начинали зацветать дыни, арбузы, тыквы. Под окнами дома уже красовались первые цветы на бережно вскопаных клумбах. Во дворе деловито копошились многочисленные куры, крякали утки, резвились собаки . . .

Дядю своего Костя долго не видел и их встреча была радостна, но одновременно и очень печальна. Долго утирал тяжелые скупые слезы старый казак, слушая рассказ своего юного племяника с седой, как лунь головой . . . Подробности гибели и жестоких мук любимого старшего брата и всей его прекрасной и ни в чем неповинной семьи.

В селе Темрюк друзья провели всего несколько дней, отдыхая и набираясь сил для предстоящих новых испытаний. Костя торопился «домой», в родную станицу, где, по рассказам его дяди: «крепко готовятся наши кубанцы очистить родную землю от красной нечисти» . . . Однако гроза разразилась неожиданно. В этот день впервые увидел Толя, как улыбается Костя, шутливо досадуя на дядю, что он, выбирает для Кости лучшие куски зажаренной на вертеле курицы. В это время полная и добродушная жена дяди все подкладывала на Толину тарелку какие-то особенно пухлые и душистые пирожки.

Внезапно в комнату вбежал бледный и перепуганный мальчик-казачек и торопливо зашептал что-то на ухо хозяину. За ним с грохотом и лязгом не вошли, а ворвались в дом человек десять вооруженных винтовками красноармейцев. «Что за людей принял ты на постой?» — выкрикнул один из них. Дядя встал, шагнул в сторону вооруженных и пьяных «товарищей».

Запомнилось остро и больно протесты дяди, какие-то мольбы дядиной жены, плач детей, и Костю поволокли во двор... потом в памяти сохранились какие-то отрывки, объятые ужасом и отвращением... что-то невиданное и неслыханное никогда. В окно увидел Толя избитого, окровавленного Костю, вырвавшегося из рук его палачей и бегущего в сторону огородов... крики, топот многих ног, лай собак, выстрелы, снова выстрелы и через несколько мгновений различил Толя что-то страшное, залитое кровью, что только что было Костей и во что все еще стреляли, кололи и били с исступленной злобой эти страшные «нелюди», как называл их Костя. Толя застыл у окна в немом ужасе и отчаяньи и не заметил как и когда вернулся со двора Костин дядя, судорожно ухвативший его за рукав ведя за собой куда-то через сени, на узкую дорожку за домом, и указывая в сторону лесочка у дороги огибающей хутор; зашептал: «беги туда в лесок, — схоронись там. После уходи вон в ту сторону... там немецкая колония... авось спасешься, Толя... Здесь ждет тебя неминучая смерть». И лишь в тени этого самого лесочка, забившись в кучи каких-то сваленых веток и прелых листьев, пахнущих гнилью, молился он за так страшно погибшего друга, захлебываясь жгучими слезами... этого забыть он не сможет никогда!.. Он будет теперь мстить, мстить за Костю, за всю его замученную семью!.. лишь бы выжить..., найти белых, которые ведь где-то воюют! пусть его, Толю, убьют, эти красные нелюди, но не отдаст он своей жизни даром! И снова резанули память слова дяди Мити: «они ненавидят и веру и Царя и отечество... Разрушители России»...

Протянулся медленно, долго, нелепо целый день и, казалось, нескончаемая ночь. На заре Толя выбрался из своего убежища и двинулся туда, куда ему указывал Костин дядя... Начались снова долгие, но теперь одинокие скитания... Сперва шел через немецкие колонии, где его чуть не разорвали свирепые и огромные сторожевые псы и, где солидные немецкие хозяйки, также, как и их не менее солидные суп-

руги — колонисты, только отмахивались от несчастного русского мальчишки. Ни разу не впустили его в дом, ни разу не предложили ему хотя бы кружку кипятку. Сам просить он ничего не хотел и решил искать себе «работу». С этим предложением он и стучался в дома и хаты всех встречавшихся на пути сел и деревень. Представление о местности скоро он совсем потерял и удивился, услыхав в одной из встречных деревень малороссийскую речь. Здесь то и удалось ему получить «работу» на маслобойне. Ясно было, что его взяли на работу потому лишь, что чуть ли ни поголовно отсутствовало все мужское население деревень и сел... Все были втянуты в пожарище гражданской войны.

Впервые пришлось Толе познакомиться с тяжелым и непривычным физическим трудом. Вставать приходилось в потемках, едва занималась заря, он уже сползал с сеновала, служившего ему спальней. Следовало растопить печь, долго вращать тяжелое колесо пока его не подхватывал начинавший рычать мотор. Приходилось много раз таскать воду из колодца, переливать ее в громадные ушаты и т. д. Хотя питание было хорошее, хозяйка приносила мужу обед, и Толе наливала полную миску жирных щей с большими кусками мяса, отрезала ему целые краюхи хлеба, подливала в кружку свежее парное молоко — но нехватало ему сноровки, привычки к физическому труду, да и сказывался еще недавно перенесенный тиф, усталость от долгих скитаний. И логично показалось самому Толе, когда через несколько дней, хозяин, разозлившись как то на «промахи» своего слабосильного и неудачливого «батрака» — просто выгнал его...

Снова начались мучительные поиски «работы». Впрочем, судьба как будто сжалилась над ним и уже через пару часов в той же деревне ему удалось устроиться на работу в кузнице...

Где-то, возможно совсем близко, бушевала гражданская война, но в их деревне пока это было заметно только лишь по неожиданным появлениям каких-то вооруженных групп — это были то Махновцы, то григорьевцы, то еще какие-то неопределенные и безыменные группы и формации. Впрочем, эти «войска» местных жителей особенно не обижали, ограничиваясь лишь «реквизициями» продуктов, лошадей, сена и т. п.. Красные пока не появлялись и только лишь рассказы об их зверствах вызывали у всех ужас.

В одно раннее утро, в кузнице, словно из под земли, вы-

росли какие-то вооруженные люди. Кое кто был в военной форме, некоторые в страшной смеси полувоенной формы и штатского платья, но все с винтовками, ручными гранатами за поясом и пулеметными лентами через плечо. Один из них в военной фуражке с огромной красной звездой вместо кокарды, потребовал у кузнеца документы. Проверив документы вся группа собиралась уже было покинуть кузницу, как вдруг один из пришедших остановил всех словами: «постойте, товарищи..., а вот этого парня (он указал на Толю, на которого никто из пришедших не обратил никакого внимания — ведь это был худой маленький мальчишка в рваной одежде, босой, грязный, с закоптелой физиономией) я видел своими глазами в Киеве с белыми кадетскими погонами, в пролетке с отцом — белогвардейским офицером» закончил он с неистовой злобой. И тотчас вспомнил Толя 28 декабря 1916 года... колонны пехоты и обращенный на него взгляд, полный непонятной ненависти. Мгновенно Толю окружили, потребовали документы. Пришлось вынуть удостоверение, данное ему в военном Одесском госпитале. Красноармейцы, решили отвести «Кадюка» к комиссару. Бесконечно долгим и длительным показался путь до той хаты, которую занимал комиссар. Вошли в хату всей гурьбой, держа арестованного за локти. Запомнилось Толе все, все, до мельчайших подробностей, запомнилось на всю жизнь. По середине горницы возвышался стол, за которым лицом к двери сидел кто-то в военной форме. Лица его не было видно, т. к. он держал перед собой какую-то бумагу и, казалось, был погружен в чтение. «Товарищ комиссар! кадюка привели, что прикажете с ним делать?», доложил один из конвоиров. Медленно, и как будто лениво, опустилась бумага и показалось худощавое лицо с остренькой бородкой, блеснули стекла пенснэ. «Совсем как Чехов!», пронеслось в голове Толи. Пристальные, умные глаза через стекла пенснэ остановились на нем внимательно, бегло охватили всю его невзрачную фигуру. Комиссар еще помедлил, а затем прозвучал его спокойный и какой-то безразличный вопрос: кадет? какого корпуса и класса?»... С каким-то вызывающим отчаянием, Толя ответил отчетливо и четко, нарочно по военному как в те, далекие, далекие казалось, времена, когда еще жила его Великая Россия, за которую сейчас может быть, придется умирать!» — «Так точно! Я кадет четвертого класса Киевского Владимирского Корпуса» — и смолк, ожидая уже выстрела в упор... вот из того

нагана, который открыто лежал у комиссара на столе. Однако комиссар не тронул револьвера, но как будто недовольно нахмурился, рассердился и повелительным тоном обратился к конвоирам, приведшим Толю, вы все можете идти! Арестованного оставьте! Я его сам допрошу!» Несколько мгновений, показавшихся Толе бесконечными, длилось молчание. Затем комиссар произнес как-то мягко и даже дружелюбно: «Садитесь, кадет! Расскажите как сюда попали?!» — Страшное чувство неясной надежды и даже и доверия внезапно охватило Толю. Коротко, ясно, отчетливо он передал все самое важное из его «истории», не утаив, впрочем и страшную сцену расправы с Костей в селе Темрюк. Комиссар слушал его внимательно, почти не перебивая, изредка только задавал короткие, уточняющие обстоятельства, вопросы. Когда Толя кончил свой рассказ, комиссар встал, нервно прошелся по комнате, будто что-то обдумывая, потом подошел к окну, долго смотрел в окно молча, и наконец, обернулся к Толе. «Я не скрою от вас, кадет, что вам грозит большая опасность... Сами видите и понимаете». Он помолчал, потом продолжал, чуть понизив голос: «поверьте мне, что я попытаюсь спасти Вас. Не пугайтесь того, что я красный комиссар . . . , но я ведь также был капитаном Императорской Армии», голос капитана дрогнул «не осудите меня слишком поспешно! Иначе я поступить не мог, — подчеркнул он эти последние слова, а затем продолжал уже твердо и деловито: «Вы уже достаточно времени живете здесь, в этой деревне. Обстановку и местность должны знать хорошо. Так вот! — я Вас сейчас отпущу, но Вы должны на некоторое время «исчезнуть»! «Затем торопливо добавил: Еще до утра красные, т. е. мы, отсюда уйдем. Итак, съумеете исчезнуть до утра?» и замолчал, ожидая ответа. Толя лихорадочно соображал — «понятно, надо постараться так «исчезнуть» чтобы не только не нашли, но и никого не подвергнуть опасности за укрывательство» . . . Мысленным взором охватил всю небольшую деревню, с прилегающими к ней полями, лугами и речушкой почти на окраине . . . и будто кто-то подтолкнул его, будто продиктовал ему на ухо отрывок из уроков русской истории . . . еще таких недавних уроков, таких свежих в памяти: «Наши предки — славяне, отличались смелостью и отвагой в открытой борьбе с неприятелем. Когда же неприятель очень превосходил их числом, то славяне нередко прибегали к разным уловкам и хитрости, например надолго с головой погружались в воду реки,

озера или пруда, дышали же при этом при помощи зажатой во рту полой изнутри камышинки»... и торопливо и волнуясь Толя выдохнул: «так точно, г-н капитан. Я могу «исчезнуть» до утра». Комиссар улыбнулся: «Ну вот молодец». Он поспешно встал, открыл внутреннюю дверь, выходящую в сад, подозвал Толю и тихо проговорил: «Уходите все в ту сторону — прямо через огороды. Не мешкайте!» Впрочем я позабочусь, чтобы у вас было достаточно времени! Прощайте, кадет!» крепко пожал Толе руку, снова улыбнулся и добавил тихо, дрогнувшим голосом: «И да хранит Вас Бог!» — Толя весь вспыхнул: «Спасибо, г-н капитан!» — И уже через несколько секунд пересек огород, перемахнул через плетень и дальше... Дальше стрелой помчался через огороды, кусты, заборы (дорогу он знал хорошо!), бежал туда, где предполагал найти спасенье. На окраине деревни протекала неглубокая речушка Черемша. Вот туда к Черемше и к густым зарослям камыша он и стремился.

Сквозь густые стволы камыша Толя ясно различил по ту сторону речушки, группу в несколько человек. Инстинктивно погрузился глубже в воду, замер, но глядел не моргая. Трое из этой группы были вооружены винтовками, двух других вели со связанными на спине руками. Почти сразу узнал он в этих «пленниках» сыновей своего бывшего хозяина, владельца маслобойки. Это были юноши лет 16-17-ти... Неожиданно, будто совсем рядом, хлопнули выстрелы... один, два, пять или больше?! — посчитать он не успел но видел, как связанные по рукам юноши как-то нелепо мягко разом, как мешки свалились на землю. Вооруженные люди что-то еще возились над убитыми, перевернули их пинками ног и уже из револьвера выстрелили каждому в затылок. Охваченный отвращением, гневом, ужасом и ненавистью к этим злодеям — с каким-то отчаянным желанием возмездия, надолго опустился он в воду с головой, взяв в рот заранее приготовленную камышинку. Сколько времени просидел он так в воде — он сам не мог бы сказать с уверенностью — казалось очень долго. И лишь когда совсем стемнело Толя выбрался из воды на сухое место. В изнеможении лег ничком на землю и долго лежал без мыслей, без страха в каком то немом отчаянии. И не заметил Толя, как внезапно и легко заснул, заснул на холодной голой земле в мокрой, липнущей к телу одежде. Проснулся он, когда небо начало светлеть и подул свежий предутренний ветерок. Где-то залилась, защебетала

какая-то птичка, зашуршали, зашумели камыши. Внезапно, но совсем отчетливо вдали, за рекой обрисовались силуэты каких-то всадников. Сперва их было немного, но вскоре стали появляться все новые, и новые и все они держали направление на деревню. Один ехал немного впереди, за ним другой с каким-то флагом, или знаменем. У Толи сильно забилось сердце, он напряг все свое зрение, но цвета флага различить не удалось. Кто эти всадники? Красные?.. Зеленые?.. или... или Белые?!.. Щемило и бурно колотилось сердце. Всадники медленно приближались. Толя как-то совсем уже забыл о возможной опасности — и стоял уже на виду во весь рост, не спуская глаз с всадников и флага. Внезапно дерзко и победоносно вырвался первый яркий солнечный луч и... осветил флаг. Во всей красе забились краски... бело-сине-красное!.. С криком восторга и ликующего счастья в груди, не помня себя от радости, Толя рванулся туда, где светило и сверкало это бело-сине-красное чудо! Чудо спасения и чудо величья его России! Перемахнув речку вброд... несся он со всех ног, наперерез всадникам... Это были казаки, он узнал их теперь и кричал уже во весь голос: «Братцы, подождите! Возьмите меня с собой!» Ехавший немного впереди других всадник, запомнились его погоны с тремя звездочками — т. е. лением и любопытством на мокрого, грязного, оборванного мальчишку, махавшего руками и что-то исступленно кричавшего. — «Чего тебе, парняга?!» — раздался затем его голос, прозвучавший для Толи небесной музыкой. — «Возьмите меня с собой. — пожалуйста. Я Кадет!», задыхался, торопился и волновался Толя... Что было потом?! Казалось, что все смешалось в вихре небывалого ликованья. Один из казаков мигом подхватил мальчика, как невесомое перышко, усадил перед собой на седло... потом подъехал на коне другой всадник, запомнились его погоны с тремя звездочками — с. е. поручик! Поручик задал Толе, два, три вопроса, на которые он что-то машинально отвечал... А затем чувство небывалого счастья поглотило все остальные, когда раздалось распоряжение поручика: — «Кадета отправить в обоз! Накормить! выдать что найдется из формы, оставить пока при обозе!».

И с этого момента 14-летний кадет вступил активным «борцом» в одну из казачьих дивизий Белой Армии. Его прикомандировали к пулеметной команде и в течение двух месяцев

он не расставался с казаками. Побывал во многих боях, близко видел ранения и смерть, разделяя все невзгоды, опасности и редкие радости со своими новыми дорогими друзьями — казаками. Те, в свою очередь, не только его полюбили, но часто, совсем по матерински, заботились о нем и берегли его, как могли.

Позже, когда по приказу генерала Врангеля, все несовершеннолетние не окончившие среднего учебного заведения, были отчислены из рядов Русской Армии. — Отбыл и Толя в Евпаторию и явился к директору 2-го Донского кадетского корпуса — генералу И. И. Быковскому. Вскоре началась эвакуация Крыма и Толя вместе со своим корпусом и остатками Белой Армии навсегда покинул свою Родину.

Попав в Югославию «на чужбину», как предсказала гадалка, Толя З. закончил одним из первых, Донской Императора Александра III кадетский корпус, всего лишь 18-летним юношей. Поступил на строительное отделение политехникума, Добиться диплома нелегко было, ведь приходилось не только учиться, но и зарабатывать себе на хлеб. В течение многих лет играл в Русском студенческом балалаечном оркестре. Получив диплом инженера А. З. начал свою новую жизнь. Когда вторая мировая война затопила своим штормом чуть ли ни весь мир, — то последние волны этого шторма, едва окончилась война — занесли его за океан в далекую и неведомую тогда Аргентину. Прошло много лет и вот по всей обширной стране этой — от Тукумана, так называемого «сада республики», до Магелланова пролива и от Андских Кордильер до Атлантического океана — повсюду раскинулись акведуки, мосты, каналы и бесчисленные километры шоссейных дорог — все эти молчаливые памятники и свидетели труда, способностей, изобретательности и профессионального таланта, вложенного в них — инженером А. З. За эти годы создалась также целая плеяда его учеников: чертежников, техников, начинающих инженеров, обязанных ему не только своими знаниями, но часто и всей карьерой.

До последних лет своей жизни инж. А. З. жил мечтой увидеть когда-нибудь свою Родину освобожденной от большевицкого ига и постоянно сокрушался, что не Родине отдает все свое уменье и силы.

Во время своего кратковременного пребывания в больнице всегда такой скромный по отношению к своим заслугам

инж. А. З. был поражен непрекращающимися визитами своих сослуживцев и сотрудников. Здесь были люди разных чинов, сословий и рангов — от начальника департамента, до последнего рабочего, люди разных религий, разных политических взглядов и национальностей. Все они хотели выразить ему свою симпатию, сочувствие, уважение и любовь и видели в нем прежде всего человека. В переживаемое нами трудное время, когда на наших глазах творятся страшные преступления — именно такие люди, как инж. А. З. — помогали сохранить веру в то, что человек создан по образу и подобию Божьему. Когда неожиданно и скоропостижно скончался инж. А. З. его отпевали в одном из православных русских храмов Буэнос Айреса, а у гроба, покрытого бело-сине-красным флагом, горько и безутешно плакала его вдова. И казалось ей тогда, что этот национальный русский флаг, покрывавший гроб любимого мужа, этот символ ушедшей загубленной старой России, — пропитан слезами далекой нашей Родины, тоже скорбящей о невозвратной утрате одного из ее сыновей — честного, доброго, благородного, умного, талантливого, трудолюбивого и верного ей до последнего своего вздоха. И хотелось крикнуть так, чтобы услышала далекая, несчастная, все еще распинаемая Родина: «Мать наша, родная! Пока есть еще у тебя такие вот сыновья, как этот, на гроб которого уронила ты сейчас свою слезу, верить можешь, что дождешься Ты своего освобождения и воскресения!»

Т. А. Захаржевская

Вечная ☦ память

ушедшим однокашникам

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

2-го июня 1981 года в городе Кито, Эквадор скоропостижно скончался и там же похоронен артиллерийский капитан югославской королевской армии.

Николай Николаевич Деконский

кадет 6-го выпуска Крымского Кадетского Корпуса.

9-го апреля 1981 года, в городе Ментоне, Франция скончался,

Михаил Дмитриевич Титов,

кадет Сумского Кадетского Корпуса

В Англии скончался капитан югославской армии

Дмитрий Лещенко

Вице унтер офицер 5-го выпуска Крымского Кадетского Корпуса.

20-го янв. 1981 года, тихо скончался в городе Сан-Паоло, Бразилия Старший Лейтенант Российского Императорского Черноморского Флота

Георгий Александрович Савицкий

кадет Владикавказского и Сумского Корпусов.

8-го августа 1978 года, в городе Чикаго скончался почетный член Чикагского Кад. Объединения артиллерийский капитан

Владимир Сергеевич Надкин

кадет Полтавского Кадетского Корпуса.

ПАМЯТИ КАДЕТА.
ГЕНЕРАЛ В. Г. ХАРЖЕВСКИЙ.

4-го июня 1981 года после тяжелой продолжительной болезни умер бывший Начальник РОВС-а генерал-майор Владимир Григорьевич Харжевский.

Ген. Харжевский родился в 1892 году. В 1914 году будучи студентом Горного Института Императрицы Екатерины Второй, поступил в Императорскую Армию. Он участвовал во многих боях и дослужился до чина Штабс-капитана.

Революция застала В. Г. Харжевского на Румынском фронте. В 1918 году в январе, мятежное время заставило полковника Дроздовского формировать отряд, куда и поступил В. Харжевский. 26 февраля 1918 года отряд полковника Дроздовского двинулся в Легендарный поход Яссы-Дон. Отряд пошел в гостеприимный, Тихий Дон, на свет ярких звезд Каледина, Корнилова...

Памятен день 25-го апреля — День Пасхи. За город Новочеркасск шел большой бой и... вдруг на помощь казакам пришли батареи отряда Дроздовского и открыли меткий огонь во фланг залегшей пехоты и конницы красных... Одно

время было заколебалась наша сторона, но тут подошел и Дроздовский броневик **«Верный»**. Красные были ошеломлены, дрогнули и обратились в бегство... Новочеркасск был спасен...

Отряд Дроздовского влился в Добровольческую Армию, Вл. Гр. Харжевский был боевым офицером и за боевые успехи дослужился до чина Ген. Майора и был последним Начальником Дроздовской Дивизии.

В 1920 году Белые Воины с Главнокомандующим генералом Врангелем эвакуировались в Галлиполи и на Лемнос. Генерал Харжевский попал в Галлиполи и после переехал в Болгарию. Но жажда к учению не давала покоя и он пешком пошел в Чехию, успешно перейдя ее границу. В Чехии В. Г. Харжевский поступил в Горный Институт, кончил его и получил диплом Горного Инженера. В 1949 году генерал поехал в Марокко, где служил бухгалтером в фирме Рено.

В 1956 году Владимир Григорьевич приехал в Америку — Нью Иорк и поступил в строительную компанию проэктировщиком. В 1964 году он вышел на пенсию и поселился в Лейквуде, Нью Джерси.

После смерти Начальника РОВС-а Генерала Лампе, Вл. Гр. Харжевский возглавил РОВС и в 1980 году по болезни передал управление назначив Начальником РОВС-а капитана М. Осипова. Генерал Харжевский был также Председателем Общества Галлиполийцев.

Спокойный, тихий, малоразговорчивый Владимир Григорьевич был любим и уважаем всеми с кем он делил все невзгоды 1-ой Мировой и Гражданской войн и периода скитаний, скитаний Белого Воина. Он был прекрасным Офицером Императорской Армии, ценившим жизнь каждого воина.

Тяжело переживает **эту потерю** супруга Лидия Петровна и с ней вместе все Белые воины, особенно Дроздовцы.

Все мы выражаем глубокое сочувствие вдове умершего, а Офицеру Императорской Армии Генерал-майору Владимиру Григорьевичу Харжевскому, да будет Вечная Память!

Профессор **Н. В. Федоров**

Председатель Тройственного Союза Казаков Дона, Кубани и Терека. Атаман Донских Казаков в Зарубежьи.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Не имея возможности поблагодарить всех, кто выразил мне сочувствие в постигшем меня большом горе, утраты моего супруга генерала В. Г. Харжевского, я прибегаю к прессе.

Благодарю, сердечно, глубокоуважаемых и дорогих О. Валерия Лукьянова и О. Митрофана Зноско за их торжественное и проникновенное отпевание и слово о покойном генерале и также старосту Александра Невского Храма В. Ст. В. М. Ажогина и прекрасный хор при богослужении...

Благодарю всех Белых Воинов, которые пришли отдать последний долг своему старшему воину и командиру, кадет присутствовавших при отпевании и вынесших на плечах гроб с почившим генералом и отнесших его до могилы вечного упокоения.

Благодарю Галлиполийцев и Белых Казаков, сказавших свое теплое слово и приславших мне свое сочувствие, милых дам за их ласковое внимание ко мне в эти дни; Заведующую столовой в Ново-Дивеево за прекрасную сервировку на поминальном обеде. Особая моя благодарность старшему Дроздовцу Н. Е. Новицкому за его большую и прекрасную распорядительность во всем и сестре милосердия Дроздовской Дивизии Т. И. Тамм, тяжелому инвалиду. Ее привезли в коляске, чтобы дать ей возможность проститься с Ее Командиром.

С большим уважением ко всем!

Л. Харжевская
Lakewood, N. J. June 20, 1981

ПАМЯТИ В. М. КРАВЧЕНКО.

10-го октября 1980 года в Буэнос Айресе (Аргентина), после продолжительной и тяжкой болезни тихо скончался

Виктор Михайлович Кравченко.

Покойный родился 14 мая 1905 года в городе Елизаветграде в семье полковника уланского полка в 1914 г. поступил в I Сибирский Императора Александра Первого кадетский корпус. В 1915 году был переведен в Ташкентский Наследника Цесаревича кад. корпус. После революции снова вернулся в 1-ый Сибирский к. к., который и окончил в 1922 г. Через Корею и Японию прибыл в 1923 году в Шанхай, где

и прожил до 1949 года работая во французском муниципалитете и в электрической компании. В 1949 году эвакуировался с сыном Михаилом на остров Тубабао, откуда в 1951 году прибыл в Аргентину. Здесь работал в разных предприятиях до 1975 года, когда из за болезни вышел на пенсию.

Покойный принимал живое участие в кадетских делах и состоял членом местного кадетского Объединения, но тяжелая болезнь в последние годы отдалила его от нашей среды, с которой он поддерживал связь только через своего сына.

Отпевание покойного и христианское погребение совершил его однокашник-Сибиряк протоиерей о. Сергий Иванов.

Мир праху твоему дорогой однокашник и вечная тебе память.

Семье покойного глубокое и искреннее соболезнование от Объединения кадет Российских кадетских корпусов в Аргентине.

С. Якимович

—

ПАМЯТИ ИГОРЯ СТУДЕНЦОВА.

Еще одна тяжелая утрата. Волею Божией 16-го мая ушел от нас Игорь Студенцев, Кадет 10-го выпуска Крымского Кадетского Корпуса.

Игорь с малых лет имел тяготение к церкви и, обладая прекрасным голосом, всегда пел в церковном хоре. По окончании корпуса уже будучи студентом Игорь был замечен патриархом Сербским Варнавой, большим ценителем русской церковной музыки, и привлечен им в патриарший церковный хор. Вскоре он был посвящен во диакона и оставлен при патриаршей резиденции, где и находился до смерти патриарха. С началом войны он одним из первых пошел в Русский Корпус и был зачислен в 1-ю юнкерскую роту. По окончании войны вступил в хор Жарова, с которым побывал во многих городах Европы и Америки. Затем Соединенные Штаты, где он начал с сапожной фабрики, а затем, заочно закончив курсы чертежников, устроился в строительную фирму, где и работал до выхода на пенсию. Свободное время он посвятил созданному им Русско-Византийскому хору, в котором большая часть хористов состояла из студентов американцев, не знавших русский язык. Состав хора постоянно менялся. Уходили окончившие университет студенты, приходили другие.

Но каждый год, в продолжении многих лет, Игорь давал безвозмездно два-три концерта в пользу русских организа-

ций. Выступлениями своего хора он много сделал для понимания американцами русской церковной музыки.

Все знавшие Игоря глубоко его ценили и любили. Один из прощавшихся с покойным, в своей краткой речи у гроба, сказал: «Я никогда не видел столько слез у пришедших проститься с усопшим».

Да упокоит Господь душу твою, дорогой Игорь и да останется навеки память о тебе в сердцах кадет, соратников по Русскому Корпусу и всех знавших тебя.

Надежде Христофоровне и всем родственникам выражаем глубокое соболезнование в постигшем их горе и да подаст им силы Господь перенести тяжелую утрату.

И. Квятковский

—

Сотрудники журнала «Кадетская Перекличка» и Объединение Кадет Российских Кадетских Корпусов в Нью Иорке выражают глубокое соболезнование Андрею Дмитриевичу Шмеман и всей его семье по поводу кончины матери

Анны Тихоновны Шмеман.

—

12 августа 1981 г. после продолжительной и тяжкой болезни скончалась в Буэнос Айресе

Надежда Николаевна Якимович
(урожденная Бородина)

вдова кадета Крымского корпуса Г. Якимовича. Покойная была активным членом дамского комитета Объединения кадет Рос. Кад. Корпусов в Аргентине и в течение 30 лет всегда помогала при устройстве вечеров и кадетских встреч.

Мир праху твоему, дорогая Надя, а твоим родственникам искреннее соболезнование.

Правление Объединения
Кадет Российских Кадетских
Корпусов в Аргентине.

ОТ КОМИССИИ ПО ОРГАНИЗАЦИИ 8-го СЪЕЗДА КАДЕТ РОССИЙСКИХ КАДЕТСКИХ КОРПУСОВ В ЛОС АНЖЕЛЕСЕ, В 1982 ГОДУ.

Хотя главная часть работы по созыву 8-го Всекадетского Съезда еще впереди, но сейчас уже можно довести до сведения кадет следующие постановления:

1. Съезд начнется молебном в Свято-Преображенском Соборе в Лос-Анжелесе. На молебен следует прибыть в Собор не позже 12 часов дня 1-го августа 1982 г. Сразу же после молебна состоится «Походный Завтрак», после которого, все участники Съезда будут перевезены в «Русский Зал», в котором и состоится парад, а затем Торжественное Открытие Съезда, выборы Президиума, приветствие гостей и приветствия с мест. Предполагается, что эти торжества закончатся концертными выступлениями.

2. Все прибывшие на Съезд и поселившиеся в гостинице (снятой для участников Съезда), уже до 1-го августа, будут перевезены на автобусах в храм на молебен, а в конце дня обратно в отель.

3. Закрытие Съезда и прощальный бал состоятся в пятницу 6-го августа 1982 г.

4. Напоминаем всем кадетам, что основная тема для докладов на Съезде: «Светлое Прошлое России». Хотя это очень широкая тема, позволяющая говорить и о подвигах на поле брани, и о российском законодательстве, и о русской культуре, художестве, литературе, музыке и т. д., но в случае, если кто-либо захотел бы сделать доклад на темы, касающиеся нашей родины в более близкое к нашим дням время, то, при выборе докладов, таким темам тоже будет уделено должное внимание.

5. В ближайшее время, более подробные сообщения и формуляры анкет, будут разосланы всем кадетским Объединениям.

6. По всем вопросам ,касающимся Съезда, следует писать Игорю Александровичу Автамонову, по адресу:

Igor A. Awtamonow
731 S. Kingsley Dr.
Los Angeles, Cal.
90005

И. А. Автамонов
Председатель Организационной Комиссии

Printed by "Monastery Press". 8011 Champagneur Ave., Montreal,
Quebec. H3N 2K4 CANADA.